

САРМАТЫ ТАВРИИ

А.В. СИМОНЕНКО

«наукова думка»

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.В. СИМОНЕНКО

САРМАТЫ ТАВРИИ

Киев Наукова думка 1993
Киевская Академия Евробизнеса

В монографии в научный оборот вводятся более 100 сарматских погребений, исследованных в последние годы на юге Украины. Памятники относятся ко всем трем этапам развития сарматской культурно-исторической общности: ранне- (II – I вв. до н. э.), средне- (I – первая половина II в. н. э.) и позднесарматскому (вторая половина II – начало IV в. н. э.). Детальный типолого-хронологический анализ позволил обосновать изменения в традиционной хронологии и предложить ряд историко-археологических реконструкций процессов развития сарматской культуры Таврии, население которой автор связывает с роксоланами и аланами.

Для археологов, историков, этнографов, музееведов и краеведов, преподавателей и студентов вузов, всех, кто интересуется проблемами древней истории.

У монографії до наукового обігу вводяться понад 100 сарматських поховань, досліджених за останні роки на півдні України. Пам'ятки відносяться до всіх трьох етапів розвитку сарматської культурно-історичної спільності: ранньо- (II – I ст. до н. е.), середньо- (перша половина II ст. н. е.) та пізньосарматському (друга половина II – початок IV ст. н. е.). Детальний типолого-хронологічний аналіз дозволив обґрунтувати зміни в традиційній хронології і запропонувати ряд історико-археологічних реконструкцій процесів розвитку сарматської культури Таврії, населення якої автор пов'язує з роксоланами та аланами.

Для археологів, істориків, етнографів, музеєзнавців та краєзнавців, викладачів і студентів вузів, всіх, хто цікавиться проблемами давньої історії.

Ответственный редактор *В.Ю. МУРЗИН*

*Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН Украины*

**Редакция изданий историко-культурного наследия
Украины**

Редактор *Т.Н. Телиженко*

с 0504000000-321
221-93

ISBN 5-12-004031-4

© А.В. Симоненко, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Южная часть степей Северного Причерноморья – один из основных регионов обитания сарматских племен. Это подтверждают многочисленные погребальные комплексы и случайные находки памятников сарматской культуры. Здесь, на территории Нижнего Поднепровья, Присивашья и Приазовья, известны сарматские памятники всех этапов ее существования – со II в. до н. э. по III в. н. э. Географические рамки исследования – степи, ограниченные с востока бассейном Большого и Малого Утлюков, с севера и северо-запада – нижним течением Днепра, с запада – Ингулом, с юга – предгорьями Крыма. Эта территория, включающая такие различные по современной географической и топографической номенклатуре регионы, как Приазовье, Присивашье, Нижнее Поднепровье, степной Крым, в новое время носила название Таврия.

Практически вся территория представляет компактную и своеобразную природно-климатическую зону, занимающую Причерноморскую низменность, а степь отличается повышенной аридностью и гораздо меньшей обводненностью по сравнению с окружающими степными территориями. Северная часть Таврии – это слабо пересеченная степь, для правобережной части которой более характерны балки, для левобережной – неглубокие замкнутые понижения (поды). Почвы с преобладанием южных черноземов, растительность типчаково-ковыльная, корневищные злаки, бобовые и разнотравье. В южной части, вдоль левого берега нижнего течения Днепра, расположена зона песчаных арен, именуемых Алешкинскими песками (Гилея древних авторов). Ближе к побережью Черного моря и Сиваша темно-каштановые и каштановые грунты переходят в солонцы и солончаки с характерной для них бедной растительностью (лобода, ситник). Климат умеренно-континентальный, засушливый, преобладают ветра восточных направлений. Засушливые степные пространства сочетаются с богатой растительностью нижнеднепровских плавней, где в изобилии произрастают осока, камыш, верба, осокор, тополь. На песчаных аренах (Алешкинских песках) – большие массивы хвойных деревьев. Облесенность этой части территории в древности была еще богаче, о чем свидетельствует, помимо палеоботанических данных, древнее название – Гилея (Полесье). В целом таврическая степь – засушливая зона с достаточно суровым климатом, зона рискованного земледелия и затрудненного скотоводства.

Исторические источники содержат данные о сарматах, которые правомерно связывать с исследуемой территорией, например, известную легенду о царице Амаге [Полиен, VIII, 56] – с Присивашьем [Смирнов, 1984, – С. 71-72]. Такая локализация основана на данных Полиена о расстоянии в 1200 стадиев, преодоленном всадниками Амаги во время рейда. По мнению Г.В. Фирсова, стадий, которым пользовался Полиен, равен 155-160 м [Фирсов, 1972. – С. 167], т. е. за сутки отряд Амаги прошел около 190 км. Именно на этом расстоянии от Херсонеса находятся присивашские степи. Легенда об Амаге – всего лишь легенда, однако, по мнению М.И. Ростовцева, она основана на реальных событиях, данные о которых восходят к трудам историка Филарха [Ростовцев, 1915. – С. 58-77]. Исследователь датирует эти события концом

III в. до н. э. Если в основе легенды лежат реальные события, то она – первое по времени историческое свидетельство о пребывании сарматов в степях Северного Причерноморья.

Традиционно с этой территорией связывается еще один ранний источник – договор 179 г. до н. э. В нем в числе союзников Понта упоминается царь европейских сарматов Гатал [Полибий, XXV, 2; XXVI, 6, 12]. По мнению исследователей [Колобова, 1949. – С. 27-35; Смирнов, 1984. – С. 72], сарматы Гатала обитали в степях к северу от Перекопа. Однако в последнее время вопрос о локализации сарматов Гатала обоснованно пересматривается. С.В. Полин [Полин, 1989а. – С. 123], Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко [Лимберис, Марченко, 1989. – С. 124] полагают, что они обитали в Прикубанье.

Если эти источники в какой-то мере спорны, то никаких сомнений в реальности обитания одного из сарматских племен – роксоланов – в причерноморских степях не оставляет декрет в честь Диофанта. В нем отмечается участие 50000 всадников-роксоланов (цифра, безусловно, преувеличена), возглавляемых царем Тасием, в боевых действиях на стороне позднескифского царя Палака в 112 г. до н. э. Реальность этого события подтверждает Страбон

Таковы самые ранние свидетельства об обитании сарматов на исследуемой территории. Более поздние авторы, писавшие о Северном Причерноморье в целом, – Помпоний Мела, Плиний Старший, Птолемей и др., – специально не останавливаясь на Нижнем Поднепровье – Присивашье (за исключением, пожалуй, Плиния с его локализацией сираков в районе Ахиллова дрома), называют, тем не менее, различные сарматские племена в числе жителей этих мест.

Еще более красноречивы археологические памятники. Сарматские погребения встречаются по всей территории. Подавляющее большинство их раскопано в последние годы экспедициями Института археологии АН Украины в зонах сооружения оросительных систем Запорожской и Херсонской областей и практически неизвестно научной общественности. Ввести эти памятники в научный оборот – одна из задач предлагаемой работы. Публикуемые материалы исследованы экспедициями под руководством А.М. Лескова, В.И. Бидзили, Е.В. Черненко, А.И. Кубышева, Г.Л. Евдокимова, В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакина, И.Д. Ратнера, А.И. Тереножкина, А.А. Щепинского, В.Н. Корпусовой и автора. Материалы некоторых погребений уже опубликованы, но они также включены в книгу. Отдавая должное своим предшественникам, автор внес ряд уточнений с целью систематизации материалов.

Несколько слов о структуре книги. Сравнительно-типологический и хронологический анализ погребений позволил сгруппировать их по хронологическому признаку. При этом выяснилось, что сложившиеся группы не всегда совпадают с общепринятой периодизацией сарматской культуры. Рассуждения о ней и ее авторах (П.Д. Рау, К.Ф. Смирнов, Б.Н. Граков) уже давно стали общим местом многих исследований, поэтому ниже приводится современное состояние этой во многом еще дискуссионной проблемы. Прежде всего, хронологическое деление сарматской культурной общности на раннесарматскую (прохоровскую), среднесарматскую (суловскую) и позднесарматскую культуры было основано на поволжских, приуральских и частично прикубанских материалах, что совершенно не учитывало своеобразие и специфику северопричерноморского региона (в дальнейшем выяснилось, что и в Прикубанье развитие сарматской культуры шло несколько иным путем). В настоящее время хронология и периодизация сарматской культуры выглядит так: прохоровская культура – конец IV – II в. до н. э. [Смирнов, 1989. – С. 169], среднесарматская – конец II в. до н. э. – начало II в. н. э. [Мошкова, 1989. – С. 177], позднесарматская – середина II-IV в. н. э. [там же. – С. 191] либо ру-

беж I-II – IV в. н. э. [Скрипкин, 1984. – С. 43]. Однако в последнее время появились серьезные основания для пересмотра некоторых положений этой весьма статичной и не учитывающей исторические реалии схемы. А.С. Скрипкин и С.В. Полин независимо друг от друга пришли к выводу, что верхний хронологический этап прохоровской культуры следует отодвинуть до рубежа н. э. [Скрипкин, 1987. – С. 231; Полин, 1987. – С. 132-133]. Основанием послужил тот факт, что некоторые обрядовые нормы и диагностирующие вещи прохоровской культуры продолжают бытовать в течение I в. до н. э. Несмотря на то что эта точка зрения встретила возражения сторонников старой схемы [Мошкова, 1989а. – С. 36-43], она подтверждается археологическим материалом. Во всяком случае, в памятниках Таврии классические прохоровские вещи (мечи с серповидным навершием) встречаются в погребениях I в. до н. э., ничем не отличающихся от типично прохоровских погребений II в. до н. э. (см. ниже). Примечательно, что и на Нижнем Дону, и в Прикубанье памятники I в. до н. э. включаются исследователями в одни группы с более ранними памятниками, так как ничем не отличаются от них. Основным аргументом противников новой хронологии служат рассуждения о том, что типично сусловские вещи (мечи с кольцевым навершием, некоторые формы керамики), встречающиеся в прохоровских могилах I в. до н. э., являются свидетельством некоего "вызревания" сусловской культуры в недрах прохоровской [Мошкова, 1989а. – С. 41-42]. При этом игнорируется тот факт, что основные обрядовые нормы среднесарматской культуры, в том числе характерные квадратные ямы с диагональным положением погребенных, тризны на подкурганной поверхности, появление крупных могильников с основными захоронениями и связанные с ними инновации в материальном комплексе (котлы с зооморфными ручками, "бирюзово-золотой" звериный стиль, луки с костяными накладками, китайские и вообще восточные вещи и др.), не встречаются ранее I в. н. э.

Исследования эволюции обряда и материального комплекса северопрichernоморских памятников послужили основанием для гипотезы об искусственности среднесарматской (сусловской) культуры в общепринятых рамках (I в. до н. э. – I в. н. э.), как не имеющей исторического содержания [Симоненко, 1989а. – С. 119]. Вероятно, она появляется в I в. н. э. с приходом с востока новых племен (по Б.А. Раеву и А.С. Скрипкину, алан) – носителей этой культуры. Некоторым подтверждением этому служит, на мой взгляд, периодизация сарматской культуры Прикубанья, разрабатываемая в последнее время А.М. Ждановским и И.И. Марченко. Один из ее этапов охватывает конец III в. до н. э. – середину I в. н. э. (sic! – А.С.), что подтверждает, таким образом, непрерывность развития культуры в этих временных рамках, т. е. в прикубанских сиракских памятниках "прохоровская" и "сусловская" культуры (в их традиционной хронологии) сливаются в единую культуру, прослеживаемую до прихода алан. Сходная картина наблюдается и в Северном Причерноморье. Здесь памятники двух последних веков до н. э. и первой половины I в. н. э. практически не отличаются друг от друга (см. ниже), изменяются лишь импортные вещи в соответствии с общими изменениями моды в античном мире.

Здесь нет возможности провести углубленный анализ культуры для обоснования изменений в хронологии – это потребовало бы написания еще одной книги. Задача приведенных выше рассуждений – показать, что официальная хронология сарматской культурно-исторической общности (вслед за М.Г. Мошковой я считаю это название наиболее приемлемым для обширного сарматского мира) строилась без учета конкретно-исторического контекста сарматской истории и своеобразия культурно-исторического развития отдельных регионов сарматского мира. Поэтому предложенное хронологическое членение сарматских памятников Таврии построено как на

общепринятых основах хронологии, так и с учетом новых исследований в этой области.

Описание погребений дано по географическому признаку – с востока на запад, в рамках современного административно-территориального деления. Номера памятников в каждой главе соответствуют номерам на картах.

Приношу благодарность А.М. Лескову, Е.В. Черненко, А.Г. Плешивенко, В.В. Генингу, В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассмакину, А.И. Кубышеву за предоставленные неопубликованные материалы, Г.И. Лысенко, Е.И. Архиповой, И.В. Трегубовой и М.М. Иевлеву – за иллюстративное оформление, а также друзьям и соратникам по многолетним экспедициям, чьим кропотливым трудом получены материалы, ставшие основой книги.

ГЛАВА I

ПАМЯТНИКИ II – I вв. до н.э.

ЗАПОРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1. с. Балки Васильевского р-на, к. 26, п. 1 (рис. 1,2). Впускное в скифский курган. Находилось в 7,5 м к северу от репера. Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, на глубине -200 от условного 0. Справа у черепа находился наконечник копья (1), у правого локтя – фрагментированный сосуд (2) и нож (3).

1. Железный втульчатый наконечник копья с листовидным пером, втулкой средней длины, по краю которой утолщение – муфта. Во втулке остатки древка. Перо линзовидное в сечении. Длина пера 19,5 см, максимальная ширина 3,6, длина втулки 12, максимальный диаметр 2,7 см (рис. 1,16).

2. Верхняя часть буролакового гончарного кувшина. Венчик с Г-образным профилем отогнут под прямым углом. Шейка короткая, цилиндрическая, плечики крутые, стенки плавно сужаются к дну. Ручка (утрачена) крепилась к краю венчика. По обе стороны от места ее крепления – оттянутые треугольные выступы. На плечиках под прямым углом к оси ручки два прямоугольных слегка изогнутых по вертикальной оси налета (сохранился один). Кувшин орнаментирован тонкой рельефной линией по скату плечика и двойной врезной линией по стенке чуть ниже. Диаметр венчика 13,5, диаметр по плечикам 14,5 см, остальные размеры не восстанавливаются (рис. 1,1а).

3. Железный черешковый нож с изогнутым клиновидным в сечении клинком, плавно переходящим в плоский черенок со следами деревянной рукояти (рис. 1,1в). Длина клинка 6 см, ширина у пяты 1,5, длина черенка 3,7, ширина 1,3-0,8 см [Тереножкин, Ильинская, Мозолевский, 1977. – С. 179].

2. с. Большая Белозерка Каменка-Днепровского р-на, к. 1, п. 2. Впускное в скифский курган. Находилось в восточной поле, на глубине -325 от репера (-175 от поверхности насыпи). Могильная яма не прослеживалась. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С. Кости ног разрушены поздним перекопом. Кости рук и ребра также не сохранились. Под скелетом прослежены остатки деревянного решетчатого гробовища, состоявшего из нескольких поперечных досок и боковых плах (сохранилась правая). У правого бедра лежал меч (1).

1. Железный меч с серповидным навершием. Клинок обломан в нижней трети длины, имел форму сильно вытянутого треугольника. Невысокое ребро придает ему ромбическое сечение. Перекрестье прямое, тонкое. Ручка уплощенная, овальная в сечении, слегка сужающаяся к навершию. Ветви навершия пологие, длинные, круглые в сечении. Сохранившаяся длина клинка 30,5 см, реконструируемая около 40, ширина у пяты 4,8, длина ручки 10, ширина ее у пяты 3,6, у навершия 2,6, размах ветвей навершия 12, сечение его 0,7 см [Савовский, 1977. – С. 281-283].

3. с. Большая Белозерка*, гр. "Близнецы", к. 1, п. 3 (рис. 1,2). Впускное в скифский курган, в 6 м к ЮВ от репера, на глубине -270. Контуры могильной ямы не прослеживались, нижняя часть скелета разрушена норой. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на Ю, на тонкой древесной подстилке. Справа у черепа сосуд (1), слева – фрагмент железного ножа.

---

*В том случае, когда пункты расположены в одном районе, его название не дублируется.

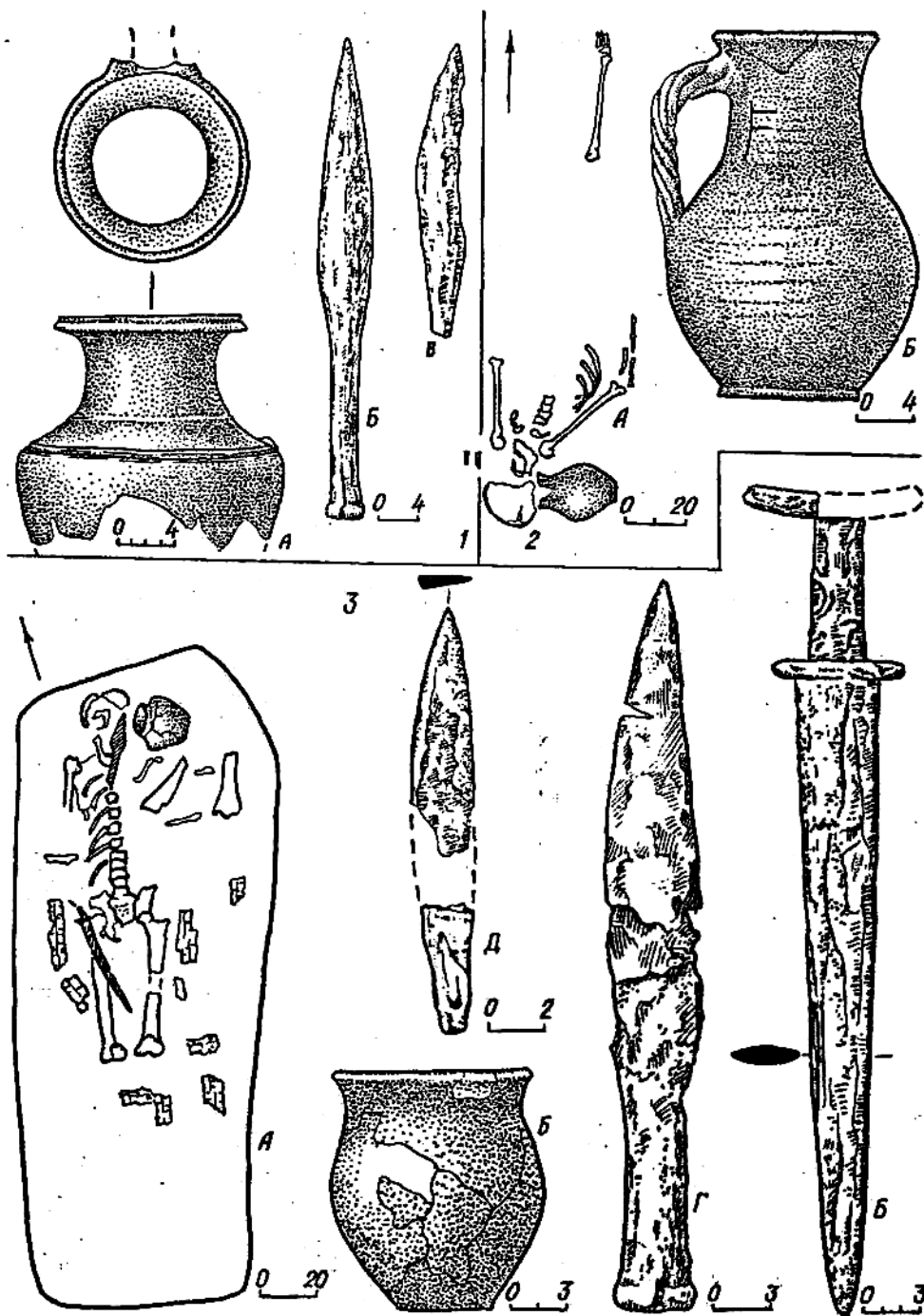

Рис. 1. Погребения II—I вв. до н. э.
1. — Балки, 26/2; 2 — Б. Белозерка, 1/3; 3 — Сергеевка, 4/17.

1. Гончарный светлоглиняный кувшин с отогнутым скошенным венчиком, цилиндрической шейкой, овальным туловом, на кольцевом поддоне. Ручка прямая в перегибе, витая. На горле граффито, напоминающее букву Е. Диаметр венчика 11,7 см, тулова 17,5, дна 10,5, высота 26 см [Отрощенко. Отчет, 1976. — С. 117] (рис. 1,26).

4. с. Ушкалка Верхнерогачикского р-на. Грунтовое, в обрыве берега. Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 2,6 х 0,8 м, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, дно на глубине -165 от современной дневной поверхности. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки слегка согнуты в локтях. Слева от ног, у стенки ямы и ее восточном углу обнаружены кости крупного рогатого скота. У левого плеча и справа от черепа стояли сосуды (1, 2), вдоль левой руки наконечниками вверх лежали два пучка стрел (3). В одном из них 25, в другом – 29 наконечников. На фоне желтой глины были хорошо видны полосы истлевших древков, небольшие кусочки которых сохранились во втулках наконечников.

1. Лепной горшок с плоским венчиком, невысоким цилиндрическим горлом, шаровидным туловом и двумя налепами округлой и овальной формы. Поверхность сосуда подлощена, черного цвета. Диаметр тулова 22, высота 21 см.

2. Две лепные курильницы бочковидной формы с врезными линиями по верхней части тулова. Одна из них была заполнена золой и угольками.

3. Бронзовые (51) и железные (2) втульчатые трехлопастные наконечники стрел и один трехгранный. 51 экземпляр с длинной втулкой, остальные – со срезанной и утопленной. Размеры их от 4,3 до 1,5 см [Телегин, 1956. – С. 48-49].

5. с Бабино. Впущено в землянку на поселении срубного времени. Следов курганной насыпи не наблюдалось, очевидно, она была уничтожена позднейшими постройками. Могильная яма овальная в плане со спрямленной западной стенкой. Не исключено, что это камера подбойной могилы с непрослеженной входной ямой. Ориентирована по оси ССЗ-ЮЮВ, размеры 1,8 х 0,65 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, кисть левой руки находилась на тазу. За черепом стоял сосуд (1), у правого плеча лежала фибула (2), на правой руке выше запястья был надет браслет (3), у левого плеча найдены прясло (4) и фрагмент зеркала (5).

1. Лепной кувшин со слегка отогнутым венчиком, высокой цилиндрической шейкой, приземистым туловом с высокими плечиками, на широком плоском дне с закраиной. Поверхность желто-серая, лощеная. Диаметр венчика 7 см, тулова 9,4, дна 7,5, высота 12,2 см.

2. Бронзовая проволочная фибула среднелатенской схемы. Пружина четырехвитковая, с верхней тетивой. Спинка прямоугольно изогнута, конец ножки обмотан вокруг спинки в 1,5 оборота. Длина фибулы 8 см.

3. Бронзовый браслет из круглой в сечении проволоки с заходящими друг за друга концами. Один конец заострен, другой раскован и украшен елочным орнаментом с наружной стороны. Диаметр браслета 5,8 см.

4. Керамическое асимметрично-биконическое прясло с вертикальным каналом. Диаметр оснований 1 и 1,7 см, высота 1,9 см.

5. Сегментовидный фрагмент бронзового круглого плоского неорнаментированного зеркала. Диаметр около 7-8 см [Ильинская. Отчет, 1954. – С. 24; Смирнов, 1984. – С. 100].

6. с. Чеховка Нижнесерогозского р-на, к. 2, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 9 м к юго-западу от репера. Могильная яма не прослеживалась. На глубине -60 от условного 0 вытянуто на спине головой на ВСВ лежал скелет ребенка. Ноги слегка согнуты в коленях. За черепом находились мелкие фрагменты железа (остатки ножа?), на правой стороне грудной клетки – две бусины (1, 2).

1. Ромбовидная, плоская, с фацетированной гранью, невысоким продольным ребром и горизонтальным каналом из бирюзового прозрачного стекла. Длина 2, ширина 1 см.

2. Округлая, сдавленная с полюсов, из лилового стекла, с тремя слоисто-

щитковыми глазками: на желтом диске лежит зеленый. Диаметр 0,7 см, высота 0,4 см [Евдокимов. Отчет, 1986. – С. 16].

7. с. Сергеевка Новотроицкого р-на, группа II, к. 4, п. 17 (рис. 1, 3). Впускное в курган эпохи бронзы, в 3 м к северо-западу от репера. Могильная яма подпрямоугольная в плане, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,25 x 1,3 м, дно на глубине -130 от условного 0. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Предплечье и голени не сохранились. На дне могилы меловая подсыпка, поверх которой было установлено гробовище с решетчатым днищем и поперечным перекрытием из досок и камышовой циновки. Слева от черепа находился сосуд (1), рядом с ним, наконечником вверх лежало копьё (2), в районе грудной клетки найдены обломок пряжки (3), нож (4) и лопатка овцы. Вдоль правого бедра, под углом к нему, лежал меч (5).

1. Лепной чернолощеный горшок со скошенным отогнутым венчиком, округло-вытянутым туловом на плоском дне, выделенном небольшим перехватом. Диаметр венчика 14 см, тулова 17, дна 7,3, высота 16,5 см (рис. 1,3б).

2. Железный втульчатый наконечник копья с листовидным пером и втулкой средней длины, заканчивающейся валиком-муфтой. Перо линзовидное в сечении. Длина пера 23 см, ширина 4,5, длина втулки 8,5, диаметр ее 3 см (рис. 1,3г).

3. Железный язычок пряжки с прямоугольной рамкой (не сохранилась). Язычок круглый в сечении, сужающийся к слегка загнутому концу. Длина язычка 5,4 см. Судя по этому, длина рамки не превышала 5 см, ширина не восстанавливается.

4. Железный черешковый нож с листовидным клинком и плоским сужающимся к концу черенком, со следами деревянной рукояти. Клинок клиновидный в сечении, фрагментирован. Длина сохранившейся части 8 см, ширина 2,3, длина черенка 4, ширина 1,7 см (рис. 1,3д).

5. Железный меч с серповидным наконечником (фрагментировано) и прямым перекрестьем. Клинок линзовидный в сечении, лезвия сужаются к острию в последней трети длины. Перекрестье тонкое, прямое. Уплощенно-овальная в сечении ручка слегка сужается к наконечнику. Сохранилась одна ветвь наконечника: круглая в сечении, с закругленным концом. Длина клинка 34 см, ширина у пяты 4,5, перекрестья – 6, ширина 3, длина ручки 8 см [Кубышев и др. Отчет, 1984. – С. 156-157] (рис. 1,3е).

8. с. Громовка, к. 2, п. 2 (рис. 2,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 3 м к северу от репера. Могильная яма трапециевидная в плане, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,2 x 1,1 x 0,6 м, дно на глубине -195 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Под ним прослежен коричневый тлен от подстилки. На правом крыле таза найдена фибула (1), в ногах стоял сосуд (2) и лежали бусы (3).

1. Бронзовая проволочная скрепленная фибула. Спинка дуговидная, конец ножки закреплен ближе к середине спинки манжетом с перехватами. Пружина шестивитковая, с верхней тетивой и деревянной осью. Фрагментирована. Длина 7,1 см, сечение 0,3 см (рис. 2,1 в).

2. Лепной сероглиняный горшок с закругленным, слегка отогнутым венчиком, короткой шейкой, овальным туловом, на плоском дне. Поверхность темно-серого, почти черного цвета, шероховатая. Диаметр венчика 11 см, дна 7,2, высота 16,8 см (рис. 2,1б).

3. Бусы: а) бочонковидные сердоликовые с горизонтальным каналом. Сверление канала двустороннее. Места начала сверления отмечены горизонтальными бороздками. Длина 0,9, диаметр 0,5 см; 3 экз.; б) округлая из прозрачного стекла с вертикальным каналом. Диаметр 0,9 см; в) цилиндрические с двумя рядами бугорков по основаниям, из прозрачного стекла с металлической прокладкой. Диаметр 0,5, высота 0,4 см; 2 экз. (рис. 2, 1г); г) мелкие кольцевые из прозрачного стекла с металлической прокладкой. Диаметр 0,35 см; 3 экз. [Кубышев и др. Отчет, 1975. – С. 91].

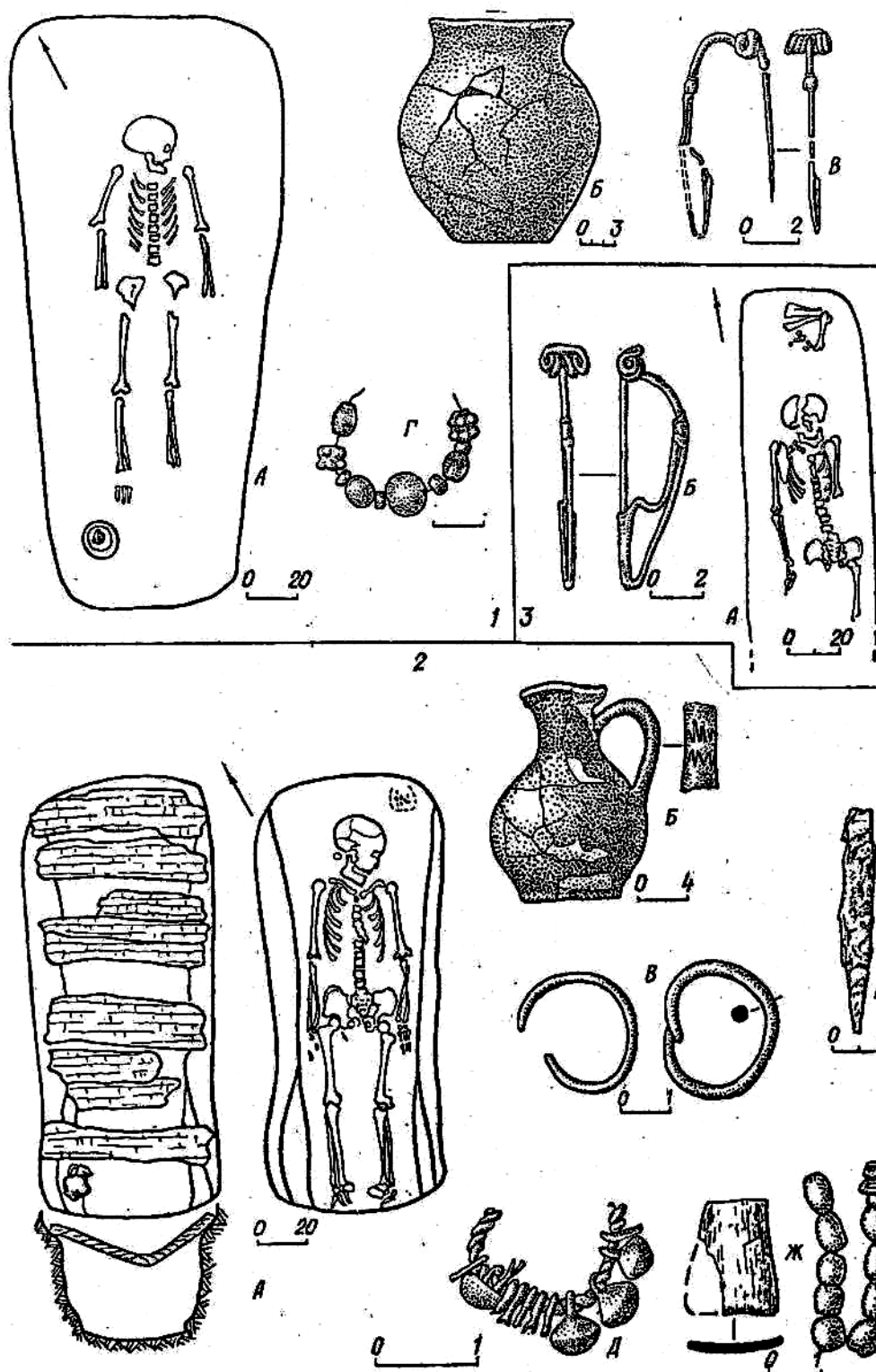

Рис. 2. Погребения II – I вв. до н. э.:
1 – Громовка, 2/2; 2 – Громовка, 1/19; 3 – Васильевка, 1/4.

9. с Громовка, к. 1, п. 19 (рис. 2,2). Впускное в курган эпохи бронзы, в 14 м к югу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами и несколько вогнутыми длинными стенками. Вдоль них на глубине-252

от условного 0 сделаны заплечики шириной до 15 см, на которых лежало перекрытие из восьми досок шириной до 0,15 м и длиной до 0,7 м. Яма ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры по верху 1,65 х 0,75 х 0,68 м, по дну – 1,65 х 0,45 м, дно на глубине -245 от условного 0. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на СВ. На перекрытии в юго-западном углу ямы обнаружен сосуд (1), между правым коленом и кистью находились подвески из раковины (2) и обойма (3), справа от таза – нож (4), у висков – три серьги (5). В северо-восточном углу ямы найдены кожаная сумочка, а в ней бусы (6) и подвески (7).

1. Гончарная сероглиняная ойнохоя с трехлепестковым, слегка отогнутым венчиком, узким длинным горлом, округло-биконическим туловом на широком плоском дне. Петлевидная овальная в сечении ручка одним концом закреплена на середине горла, другим – на скате плечика. По центру ручки по поперечной оси нанесены одна под другой две врезные зигзагообразные линии. Диаметр венчика 7 см, тулова 12, дна 7,5, высота 18 см (рис. 2,26).

2. Трапециевидная подвеска из раковины размерами 3 х 1,3 см.

3. Прямоугольная серебряная обойма размерами 1,1 х 0,4 см.

4. Железный черешковый нож с прямой спинкой и закругленным к острию лезвием, клиновидный в сечении. Сужающийся к концу черенок отделен от клинка перехватами со стороны спинки и лезвия. Костяная рукоять не сохранилась. Длина клинка 8 см, ширина у пяты 2, длина черенка 2 см (рис. 2,22).

5. Серебряные кольцевидные серьги с несомкнутыми сужающимися концами из круглой в сечении проволоки. Диаметр 1,5-1,7 см, сечение 0,3 см (рис. 2,26).

6. Бусы: а) бочонковидные, из глухого синего стекла, с горизонтальным каналом. Длина 0,7 см, диаметр 0,5 см – 9 экз.; б) мелкие, кольцевидные, из глухого голубого стекла – 3 экз. (рис. 2,22ж).

7. Бронзовые овально-биконические подвески с петлей на одном из полюсов, нанизанные на белую шерстяную нить. Диаметр 0,5 см – 5 экз. [Кубышев и др. Отчет, 1980. – С. 168-169] (рис. 2,2д).

10. с Каиры Горностаевского р-на, группа II, к. 1, п. 23 (рис. 3,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Могильная яма подпрямоугольная в плане, южная стенка слегка закруглена (не добрана? – А.С), ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 1,9 х 0,8 м, дно на глубине -120 от ± 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ, правая нога слегка согнута в колене. За черепом найдены фрагменты зеркала (1), в районе ключиц – фибула (2).

1. Два фрагмента разбитого в древности бронзового круглого плоского неорнаментированного зеркала. Диаметр около 10 см.

2. Бронзовая проволочная скрепленная фибула. Сохранились приемник, часть иглы во фрагментах и ножка с частью скрепы. Реконструируемая длина фибулы около 9 см, высота около 2,5 см. Конец ножки крепился к спинке, ближе к ее середине [Кубышев и др. Отчет, 1989. – С. 18] (рис. 3,16).

11. с Каиры, группа II, к. 1, п. 24 (рис. 3,2). Впускное в курган эпохи бронзы, в 4 м к С от ± 0. Погребение в яме с подбоем. Входная яма не прослеживалась. Судя по каменному закладу из четырех вертикально стоящих плит размерами 0,5 х 0,6 х 0,1 м, закрывавшему вход в подбой, она располагалась к северу от него. Подбой подпрямоугольный в плане, ориентирован по оси В-З, размеры 2,16 х 0,9 м, дно на глубине -205 от ± 0. Погребение ограблено, скелет почти полностью разрушен. In situ сохранился левый коленный сустав. Судя по нему, а также по расположению кувшина (см. ниже), скелет лежал вытянуто на спине, головой на В. Ноги, возможно, были слегка согнуты в коленях. В СВ углу, у входа в подбой, стоял сосуд (1), в ЮВ углу в дно могилы был воткнут наконечник копья (2), у костей ноги найдены лопатка барана и нож (3).

1. Лепной серолощенный кувшин с резко отогнутым уплощенным венчиком, имеющим приподнятый носик-слив, длинной цилиндрической шейкой,

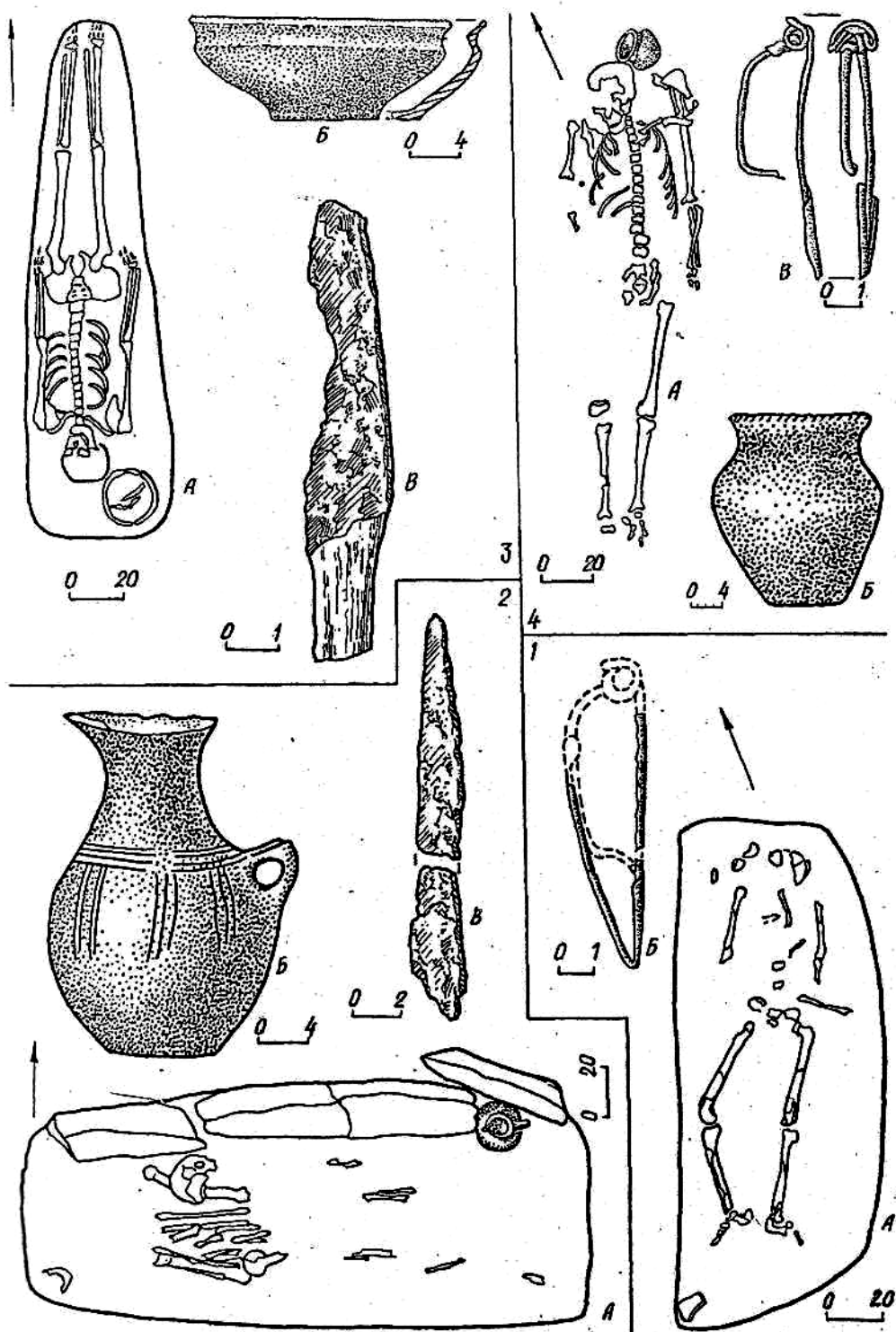

Рис. 3. Погребения II – I вв. до н. э.
1 – Каиры, 1/23; 2 – Каиры, 1/24; 3 – Каиры, 9/2; 4 – Черноморское, 1/5.

приземистым округлым туловом на плоском дне. На плечике – стилизованная зооморфная ручка с двумя отростками. По основанию шейки четыре неглубоких широких врезных линии, от нижней из них на тулово спускаются семь

фестонов из четырех свисающих врезных линий каждый. Диаметр венчика 9,5 см, диаметр дна 7,5, высота 24 см (рис. 3,26).

2. Нижняя часть пера железного наконечника копья. Перо линзовидное в сечении, листовидное. Ширина 5,5 см.

3. Железный черешковый нож с горбатой спинкой и прямым лезвием. Клинок клиновидный в сечении. Черенок плоский, с закругленным концом, отделен от лезвия небольшим перехватом. На черенке остатки деревянной ручки. Длина клинка 11,5 см, ширина у пяты 2, длина черенка 3,7, ширина ручки 2 см [Кубышев и др. Отчет, 1989. – С. 19] (рис. 3,2в).

12. с. Капры, к. 9, п. 2 (рис. 3, 3). Впускное в курган эпохи бронзы, в 6,5 м к юго-востоку от репера. Могильная яма узкая, трапециевидная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,95 x 0,55 м, дно на глубине -100 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на Ю. В юго-восточном углу ямы за черепом стояла миска (1), в ней лежали кости овцы и нож (2).

1. Лепная сероглиняная миска с закругленным отогнутым бортиком с острым ребром по его внутренней поверхности, с ребром по плечу, на выделенном плоском дне. Диаметр венчика 20,3 см, дна 8, высота 8,5 см (рис. 3,3 б).

2. Фрагмент клинка железного ножа с прямой спинкой, клиновидный в сечении. Длина 9,5, ширина 2 см [Кубышев и др. Отчет 1988.-С. 83] (рис. 3,3в).

13. с. Васильевка Каховского р-на, к. 1, п. 4 (рис. 2,3). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре кургана. Погребение было перекрыто закладом из бессистемно расположенных камней (известняк). Могильная яма узкая, прямоугольная в плане, ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Южная часть ямы разрушена, длина сохранившейся части 1,47 м, ширина 0,5 м, дно на глубине -100 от условного 0. Скелет подростка лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. За черепом находились кости овцы, на них лежал нож (1). Слева на грудной клетке найдена фибула (2).

1. Фрагмент клинка железного ножа с горбатой спинкой и прямым лезвием, клиновидный в сечении. Длина 4,5, ширина 1,2 см.

2. Бронзовая проволоочная скрепленная фибула. Спинка дуговидно изогнута, конец ножки закреплен ближе к середине спинки манжетом с двумя перехватами. Пружина 4-витковая, с верхней тетивой и деревянной осью. Приемник треугольный. Длина фибулы 9,5, высота 2,5 см [Кубышев и др. Отчет, 1977. – С. 29] (рис. 2,3б).

14. с Привольное, группа II, к. 1, п. 1 (рис. 6,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи, в 0,75 м к западу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2 x 1 м, дно на глубине -104 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С. На левом плече находилась фибула (1), рядом с ней, вдоль руки – меч (2) и оселок (3). В ногах лежал сосуд (4).

1. Бронзовая проволоочная скрепленная фибула. Спинка дуговидно изогнута, конец ножки закреплен ближе к пружинному аппарату манжетом с двумя поперечными перехватами. Пружина 4-витковая с верхней тетивой. Фрагментирована. Длина около 9, сечение 0,35 см (рис. 6,1 з).

2. Железный меч с серповидным навершием (утрачено) и прямым перекрестьем. Клинок линзовидный в сечении, с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети длины. Ручка прямая, овальная в сечении. Длина клинка 34 см, ширина у пяты 4,3, длина перекрестья 5,5, длина сохранившейся части ручки 8,5 см (рис. 6,1б).

3. Сланцевый оселок, удлинено-овальный с сужающимися концами. Верхний торец уплощен, нижний закруглен. Отверстие для подвешивания просверлено на 3,4 см ниже верхнего торца. В сечении уплощенно-овальный. Длина оселка 12,5 см, сечение в центре 1,9x1,5, диаметр отверстия 0,35 см (рис. 6, 1д).

4. Лепной желтоглиняный кувшин с кососрезанным отогнутым венчиком,

длинной цилиндрической шейкой, округло-биконическим туловом, на кольцевом поддоне. Прямая в перегибе профилированная ручка одним концом прикреплена у основания венчика, другим – на скате плечика. Диаметр венчика 12,5 см, дна 12, высота 30,5 см [Смирнов, 1984. – С. 99] (рис. 6, 1б).

15.пгт Каланчак, р/ц., к. 10. Впускное в восточную полу кургана эпохи бронзы, разрушена дорогой. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,6 х 0,6 м, дно на глубине -117 от условного 0. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на С. Слева у шеи найдена фибула (1), восточнее черепа – сосуд (2), у левого плеча лежал фрагмент втулки наконечника копья (3), у правого – кремневый отщеп подтреугольной формы, чуть ниже его – обломок оселка (4), под коленной чашечкой правой ноги – фрагмент острия меча (5) (рис. 4,1).

1. Бронзовая проволочная скрепленная фибула с резко выгнутой спинкой. Конец ножки прикреплен прямоугольным манжетом почти на середине спинки, ближе к ножке. Пружина 4-витковая, с верхней тетивой. Длина фибулы 7,6, сечение 0,3 см (рис. 4,1б).

2. Гончарный красноглиняный кувшин. Венчик и ручка утрачены. Горло цилиндрическое, тулово округлое, дно плоское, без поддона. По основанию горла проходят шесть врезных концентрических линий. Диаметр горла 7 см, тулова 14, дна 6, высота 18 см (рис. 4,1 б).

3. Фрагмент втулки железного наконечника копья с остатками древка. Втулка цилиндрическая, слегка сужающаяся к перу. Длина около 8, диаметр 2 см.

4. Фрагмент сланцевого оселка, прямоугольного в сечении.

5. Фрагмент острия клинка железного меча, линзовидного в сечении. Длина 3,5, ширина 2,2 см [Ратнер, 1965. – С. 35-39].

16.пгт Брилевка Цюрупинского р-на, к. 16, п. 1 (рис. 4,2). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, размеры 2,3 х 0,8 м, дно на глубине -80 от репера. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, кисти помещались на тазовых костях. Справа от черепа стоял сосуд (1), рядом с ним находились кости овцы. У левого плеча лежала фибула (2), на правой руке – меч (3).

1. Лепной горшок с отогнутым венчиком, цилиндрическим горлом, овальным туловом, на плоском дне. Диаметр венчика 8,2 см, дна 10, высота 25 см (рис.4,2а).

2. Бронзовая проволочная скрепленная фибула. Спинка прямоугольно изогнута. Пружина 4-витковая с верхней тетивой. Скрепа находилась ближе к середине спинки. Длина 8,5 см (рис. 4,2б).

3. Железный меч с рукоятью-штырем без навершия. Клинок в сечении линзовидный, рукоять переходит в пята под тупым углом. Длина клинка 64 см, ширина у пята 4,5, длина рукояти 8,5 см [Евдокимов и др. Отчет, 1985. – С. 30] (рис. 4,2б).

17.с Солонцы, случайная находка. В 1985 г. в 1,5 км к СЗ от села на распаханной дюне найдены разбросанные на расстояние до 200 м золотые серьги (1), браслеты (2), перстень (3), фибула (4), "застежки" (5), бусины в золотой оправе (6), серебряное зеркало (7), бронзовая фибула (8), бусы (9). При исследовании места находки найдены мелкие фрагменты человеческих костей с окислами бронзы – по всей вероятности, остатки несохранившегося в песке скелета.

1. Золотые серьги. Дужка в виде кольца из витой проволоки, гладкий конец кольца загнут в крючок. Второй конец кольца оканчивается полый объемной головкой льва, в пасть пропущен крючок. Головка штампована из золотого листа. Грива передана тремя горизонтальными рядами конических выступов, разделенных накладными линиями с насечками. Конические выступы образованы спиралями из тонкой золотой проволоки и увенчаны

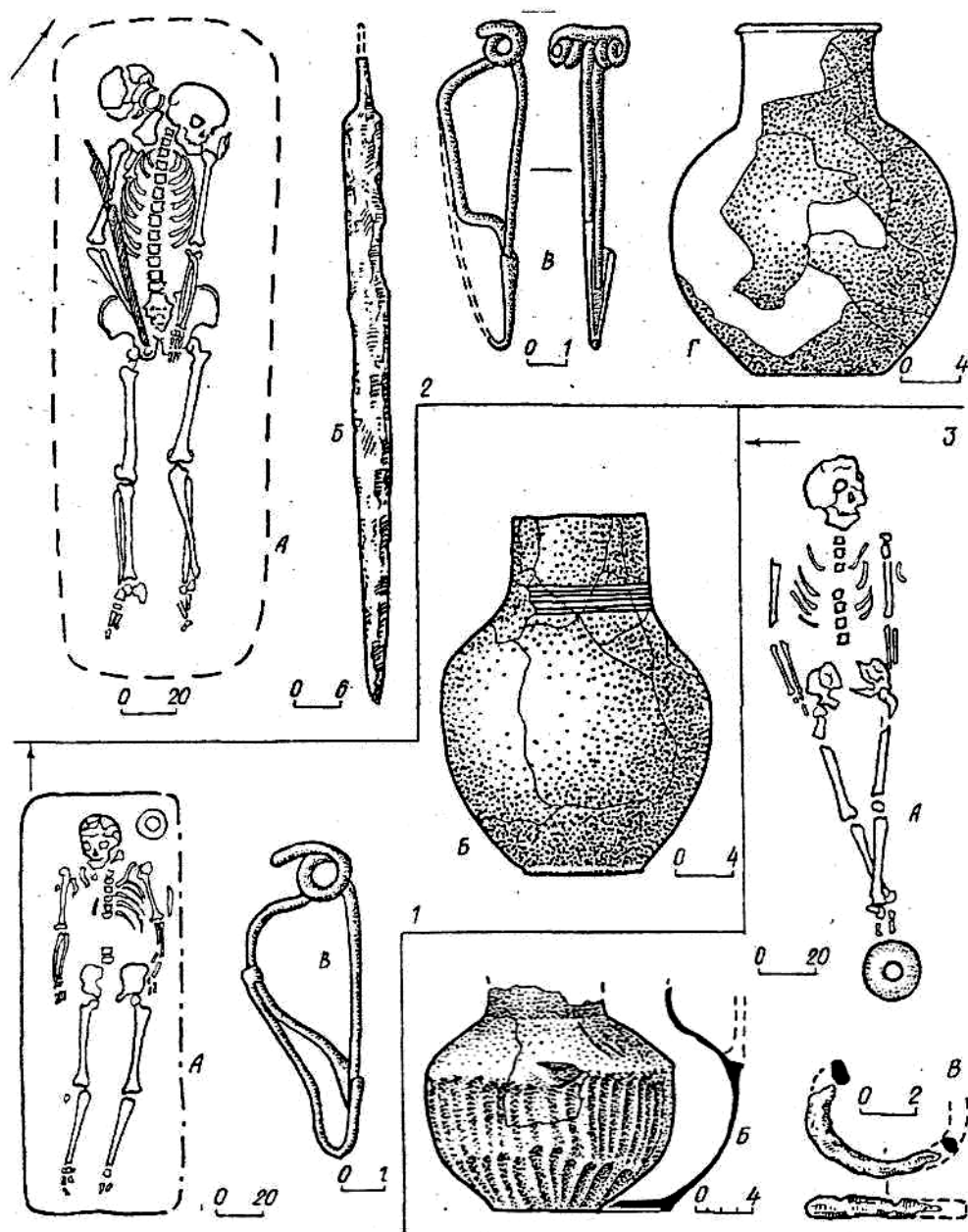

Рис 4. Погребения II – I вв. до н. э.:
1 – Каланчак, 10; 2 – Брилевка, 16/1; 3 – Бургунка, 1/1.

крупными шариками зерни. На кольцо подвижно надета полая цилиндрическая подвеска с плоской петлей, украшенной тремя поперечными каннелюрами. Подвеска орнаментирована накладным филигранным орнаментом: полоской с насечками, "бегущей" спиралью и овами на нижнем зубчатом крае цилиндра. По словам находчика, из подвески выпал "камень" (эмалевая вставка? сердолик?). Диаметр 2,7 см, высота подвески с петелькой 1,3, диаметр ее 0,7 см – 2 экз. (рис. 5,1).

2. Два проволоочных золотых спиралевидных браслета в 6,5 оборотов. Средний диаметр витка 6,5, сечение проволоки 0,3 см (рис. 5,2).

3. Золотой перстень в виде цилиндра из плотно уложенных и пропаянных

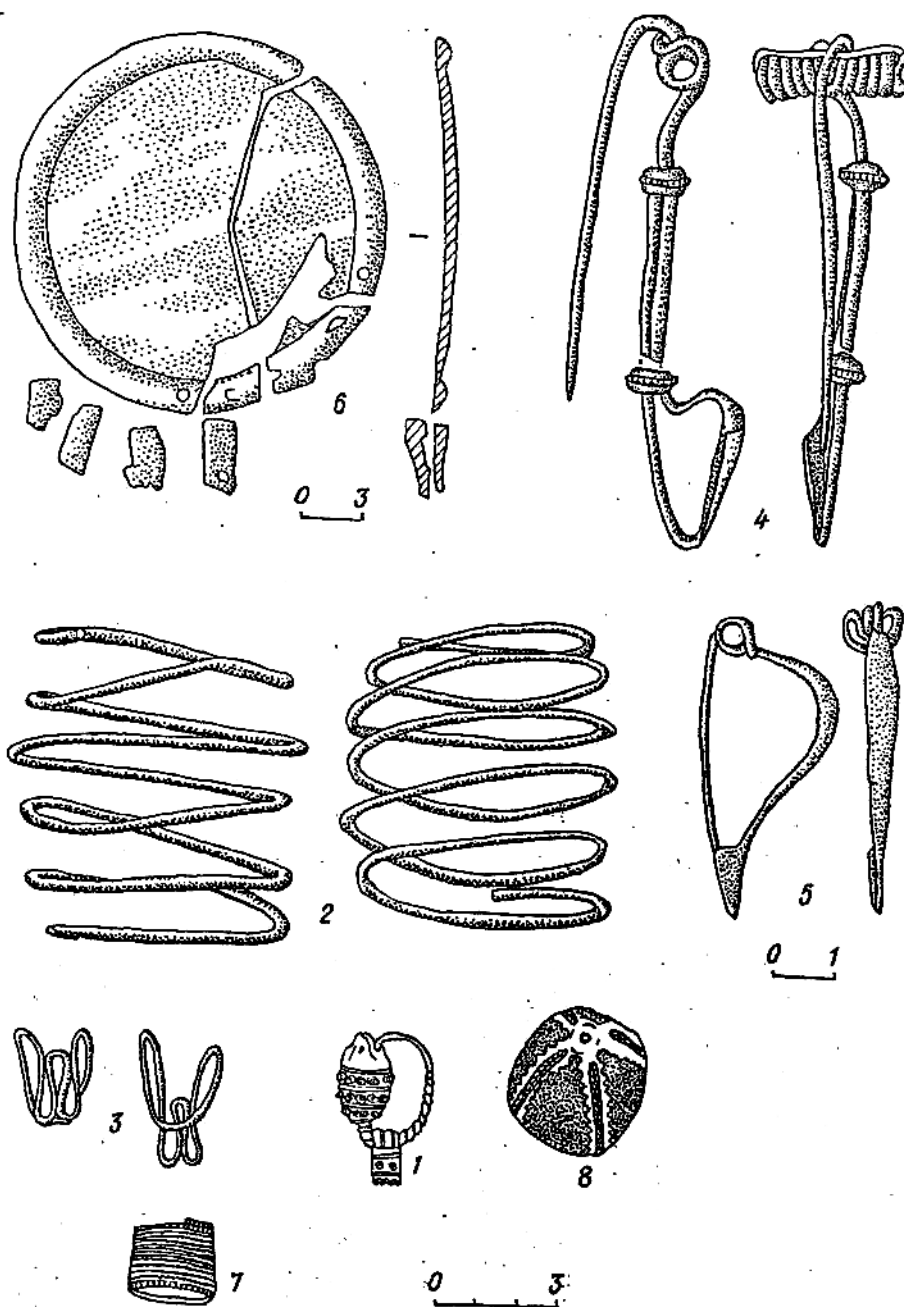

Рис. 5. Памятники II – I вв. до н. э.

Солонцы.

14 витков уплощенной проволоки. Каждый конец завершается головкой змеи; верхний и нижний витки орнаментированы косыми насечками. Перстень сужается к одному из концов, диаметр их 1,9-2,2, высота перстня 1,7 см (рис. 5, 7).

4. Золотая проволоочная скрепленная фибула. Спинка овально изогнута, основание ее вместе с пружиной и иглой деформировано – отогнуто наружу. Конеч ножки скреплен со спинкой двумя цилиндрическими муфтами с рельефной "гофрированной" поперечной линией: одной – у приемника, второй – ближе к основанию спинки. Пружина 12-витковая, на золотой оси, с верхней тетивой. Длина фибулы 7,7 см (рис. 5, 4).

5. Две золотых проволочных "застежки" в виде фигурных скрепок, согнутых по поперечной оси. Ширина каждого изделия 2,1 см, длина 3,5 и 2,2, высота 2,5 и 1,3 см (рис. 5,3).

6. Две сердоликовые шаровидные бусины со сквозным каналом. Большая оправлена крест-накрест двумя золотыми зубчатыми пластинками. Зубцы украшены накладной гладкой проволочкой, по центру пластинок – накладной орнамент из двух витых проволок (рис. 5,8). Меньшая оправлена крест-накрест двумя гладкими золотыми пластинками, украшенными аналогично. Диаметр бусин 3,5 и 2 см, ширина оправ 1 и 0,3 см.

7. Серебряное зеркало в виде диска с валиком по краю и остатками железной накладной рукояти. Диаметр диска 18,3 см (рис. 5,6).

8. Бронзовая одночленная "воинская" фибула с уплощенной прогнутой спинкой, сплошным коротким приемником, 4-витковой пружины с нижней тетивой. Длина 4,9, ширина приемника 0,8 см (рис. 5,5).

9. Бусы (52 экз.): округлые сердоликовые с вертикальным каналом; гагатные коротко-цилиндрические и бочковидные; янтарные бочковидные с вертикальным каналом; меловые: округлая поперечно сжатая и бочковидные продольно вытянутые [Былкова, 1993. – С. 164-168].

18. с. Владимировка Скадовского р-на, к. 1, п. 8 (рис. 6,2). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Могильная яма в форме вытянутого овала, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2 х 0,8 м, дно на глубине -180 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С. У левого плеча найдена фибула (1).

1. Бронзовая проволочная скрепленная фибула. Спинка дуговидно изогнута. Конец ножки закреплен на спинке ближе к основанию манжетом с двумя поперечными перехватами. Пружина 4-витковая с верхней тетивой. Длина фибулы 8,7, высота 2,5 см [Евдокимов и др. Отчет, 1986. – С. 62] (рис. 6,26).

19. с. Садово Голопристанского р-на, группа II, к. 2, п. 1 (рис. 6,3). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи, сильно разрушено при вспашке. Контуры ямы не прослеживались. Судя по сохранившимся *in situ* костям нижних конечностей, скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ, на глубине -47 от условного 0. У левого плеча находились два наконечника копий (1, 2), справа от таза – кувшин (3) и фибула (4).

1. Железный втульчатый наконечник копья с листовидным пером, в сечении линзовидным, и втулкой средней длины, оконтуренной по краю валиком-манжетом. Длина пера 23 см, ширина 4,2, длина втулки 9, диаметр 2,5 см (рис. 6, 36).

2. Такого же типа, длина пера 19 см, ширина 4, длина втулки 9,2, диаметр 2,7 см (рис. 6,36).

3. Фрагментированный гончарный (?) кувшин с закругленным отогнутым венчиком, цилиндрическим горлом, яйцевидным туловом, на кольцевом поддоне. Прямая в перегибе ручка одним концом закреплена в верхней части горла, другим – на скате плечика. По центру ручки – две параллельные неглубокие широкие каннелюры. Диаметр венчика 12,5 см, тулова 23, дна 13, высота 38, ширина ручки 3 см (рис. 6,36).

4. Бронзовая проволочная скрепленная фибула. Спинка овально изогнута. Конец ножки закреплен на спинке ближе к середине манжетом с двумя поперечными насечками. Пружина четырехвитковая, с верхней тетивой. Длина 8,7 см, высота 2,5, сечение 0,4 см [Евдокимов. Отчет, 1982. – С. 48] (рис. 6,32).

20. с. Черноморское, к. 1, п. 5 (рис. 3,4). Впускное в курган эпохи бронзы, в 2,5 м к северу от репера и в 3 м к западу. Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ, на глубине -90 от репера. За черепом находился сосуд (1), у левого плеча лежали кости передней ноги и лопатка овцы, на них нож (2). На левой ключице найдена фибула (3).

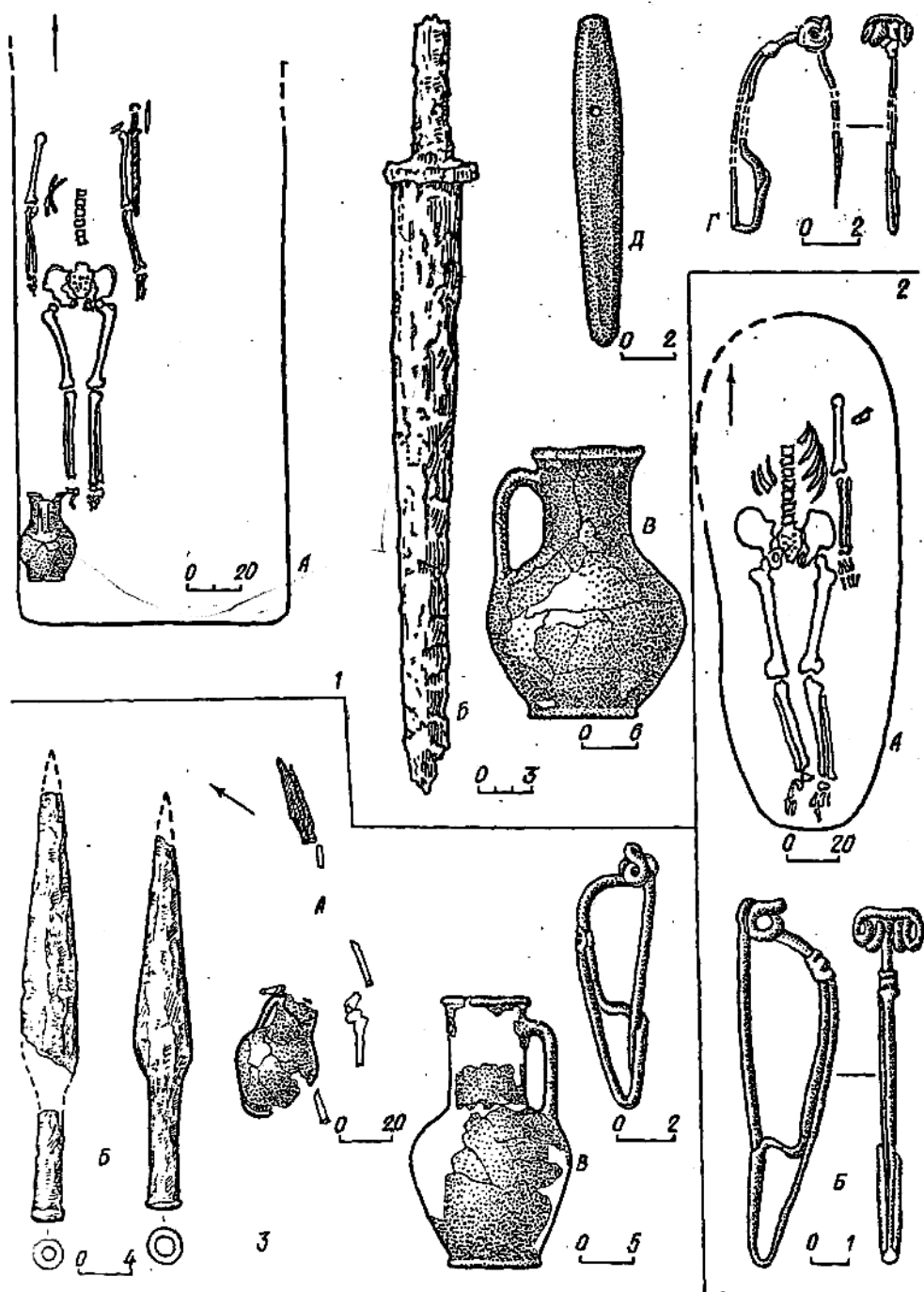

Рис. 6. Погребения II – I вв. до н. э.:

1 – Привольное, 1/1; 2 – Владимировка, 1/8; 3 – Садово, 2/1.

1. Лепной горшок с отогнутым венчиком, украшенным пальцевыми защипами, сужающимся ко дну туловом, на плоском дне. Диаметр венчика 10 см, дна 7,8, высота 16,3 см (рис. 3, 46).

2. Железный черешковый нож с серповидным клинком, клиновидным в сечении, и деревянной ручкой. Короткий плоский черенок отделен от клинка перехватом со стороны лезвия. Длина 8,8, ширина у пяты 1,8 см.

3. Бронзовая проволочная скрепленная фибула. Спинка прямоугельно изогнута. Конец ножки закреплен у самого пружинного аппарата глад-

ким манжетом. Пружина четырехвитковая, с верхней тетивой и деревянной осью. Длина 6,8, высота 2 см [Симоненко, Ольговский. Отчет, 1981. – С. 13] (рис. 3,4 в).

21.с. Бургунка Бериславского р-на, к. 1, п. 1 (рис. 4,3). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на В, на глубине -100 от условного 0. Ноги скрещены в голених. У правого плеча фрагмент изогнутого железного стержня. В ногах стоял кувшин (1).

1. Гончарный краснолаковый кувшин с обломанным в древности горлом и ручкой. Тулово приземистое, округлое, с выраженным ребром по плечикам, на кольцевом поддоне, ниже ребра покрыто каннелюрами. Диаметр венчика 8 см, дна 7, высота кувшина 16 см [Евдокимов и др. Отчет, 1981. – С. 105] (рис. 4,3б).

22.с. Львово, к. 1, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы, в 2 м к северу от репера. Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребение перекрыто двумя известняковыми плитами. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. За черепом находился сосуд (1), у правой кисти руки – миска (2). В ней лежали кости овцы и нож (3). Под правой плечевой костью находилось зеркало (4), под черепом найдена серьга (5), в районе шеи – бусы ожерелья (6), у щиколоток – бисер (7).

1. Лепной сероглиняный кувшин, подправленный на круге. Венчик отогнут, слегка закруглен. Горло цилиндрическое, плавно переходящее в округло-биконическое тулово на плоском дне. На плечике – круглая в сечении петельчатая ручка. Диаметр венчика 10 см, дна 8, высота кувшина 26, высота ручки 5 см.

2. Лепная чернолощенная миска с отогнутым бортиком, украшенным изнутри двумя гранями, с округлым ребром, коническими стенками, на плоском выделенном дне. Диаметр венчика 21,5 см, дна 7, высота миски 7,5 см.

3. Железный черешковый нож с прямой спинкой и закругленным лезвием. Клинок клиновидный в сечении. На черенке одной железной и двумя бронзовыми заклепками крепились костяные обкладки рукояти. Длина клинка 9, ширина у пяты 1,3 см.

4. Бронзовое круглое плоское неорнаментированное зеркало. Диаметр 7,5 см.

5. Бронзовая проволочная серьга (фрагментирована).

6. Бусы: сердоликовые, бочонковидные, с односторонним сверлением. Длина 1,2-1,5, диаметр 0,4-0,6 см – 21 экз.; гагатовые, сферические, диаметром 0,6 см – 4 экз.; мелкий кольцевой бисер из глухого белого, голубого и зеленого стекла, диаметр 0,2-0,3 см – 62 экз. [Симоненко, 1977. – С. 224].

23.с. Львово, к. 6, п. 1. Основное. Насыпь кургана была полностью распашана и выделялась на местности светлым пятном диаметром около 10 м. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, размеры 1,4 х 0,45 м, дно на глубине -40 от уровня погребенного чернозема. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Погребение безынвентарное, но в 2 м к северо-востоку от ямы на древнем горизонте найдены сосуды (1,2) и кости ноги крупного животного.

1. Лепной горшок с отогнутым скошенным венчиком, крутыми плечиками и плавно сужающимся ко дну туловом, на плоском дне. Диаметр венчика 12,2 см, дна 9,8, высота горшка 24,5 см (рис. 26,1).

2. Лепной горшок с отогнутым скошенным венчиком, высокой шейкой, крутыми плечиками, на широком плоском дне. По шейке проходит треугольный в сечении налепной валик. Диаметр венчика 7,3 см, дна 8, высота горшка 18,5 см [Симоненко, 1977. – С. 224] (рис. 26,2).

В исследуемом регионе насчитывается 22 погребения II – I вв. до н. э. В нем также расположен один из наиболее ранних сарматских памятников в Северном Причерноморье – хорошо известное погребение у с. Ушкалка. Ис-

следователи по-разному датировали и интерпретировали это захоронение, считая его то савроматским [Телегин, 1956. – С. 49], то раннесарматским [Абрамова, 1961. – С. 99; Смирнов, 1984. – С. 60]. Такой разнотой мнений вызвал необходимость еще раз обратиться к анализу материалов ушкальского погребения, тем более, что оно всегда служило аргументом в пользу ранней даты проникновения сарматов в Северное Причерноморье. М.П. Абрамова определила его как раннесарматское III в. до н. э. на основании железных наконечников стрел в колчаном наборе. В.И. Костенко датировал его IV – III вв. до н. э. К.Ф. Смирнов отнес данное погребение с набором стрел поволжско-уральского типа к прохоровской культуре не позднее III в. до н. э.

Большой сосуд из ушкальского погребения по форме сходен с савромато-сарматской керамикой Южного Приуралья, а упрощенностью орнамента близок керамике из погребений Нижнего Поволжья. Все эти погребения датируются не позднее IV в. до н. э. [Смирнов, Петренко, 1963. – С. 16. – № 162, 184].

Изображения наконечников стрел в работах К.Ф. Смирнова значительно отличаются от приведенных в первоначальной публикации. К сожалению, в настоящее время их местонахождение неизвестно. Я не могу согласиться с предлагаемой К.Ф. Смирновым поволжско-уральской спецификой колчанного набора из Ушкалки. В наборе нет ни одного типа наконечников, неизвестного в Скифии V – IV вв. до н. э. В последнее время в материалах из скифских курганов IV в. до н. э. известны и крупные длинновтульчатые (чуть меньше половины общей высоты) трехлопастные наконечники стрел (Бабина Могила и др.). В то же время, в савромато-сарматском мире отсутствуют трехгранные пирамидальные наконечники с ровно обрезанным основанием и небольшим П-образным ложком, представленные в Ушкалке.

Наличие двух железных наконечников в составе набора не влияет на датировку. К.Ф. Смирнов и А.И. Мелюкова отметили их единичное использование в колчаных наборах скифо-савроматского мира в V – IV вв. до н. э. и широкое распространение с начала III в. до н. э. [Смирнов, 1964. – С. 70; Мелюкова, 1964. – С. 25]. Эти выводы в основном подтверждаются и новыми материалами [Черненко, 1982. – С. 145-150], однако начало широкого распространения таких наконечников, видимо, следует относить еще к IV в. до н. э. В мужском погребении Мелитопольского кургана один из колчаных наборов состоял только из железных наконечников. Найдены они и в центральной гробнице Шульговского кургана [Тереножкин, 1955. – С. 23 сл.]. Вместе с перечисленными А.И. Мелюковой и Е.В. Черненко колчанными наборами IV в. до н. э. с железными наконечниками стрел из степи и лесостепи они составляют заметную серию.

Находки костей крупных животных в качестве напутственной пищи крайне редки для захоронений прохоровской культуры и более характерны для комплексов савроматского времени [Мошкова, 1963]. Таким образом, датировка комплекса из Ушкалки не выходит за пределы IV в. до н. э., а само погребение следует считать савроматским.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Остальные погребения исследуемой территории, как и все известные науке раннесарматские памятники Северного Причерноморья, расположены в степной части левобережья Днепра (за исключением погребений у сел Львово, Бургунка, впрочем, найденных в непосредственной близости от его правого берега). Они представляют компактную по обряду и инвентарю группу, которая составляет почти треть (22 из 62) всех известных в Северном Причерноморье раннесарматских памятников (рис. 7). Все погребения впускные в курганы более раннего времени. Исключение составляет погребение у с. Ба-

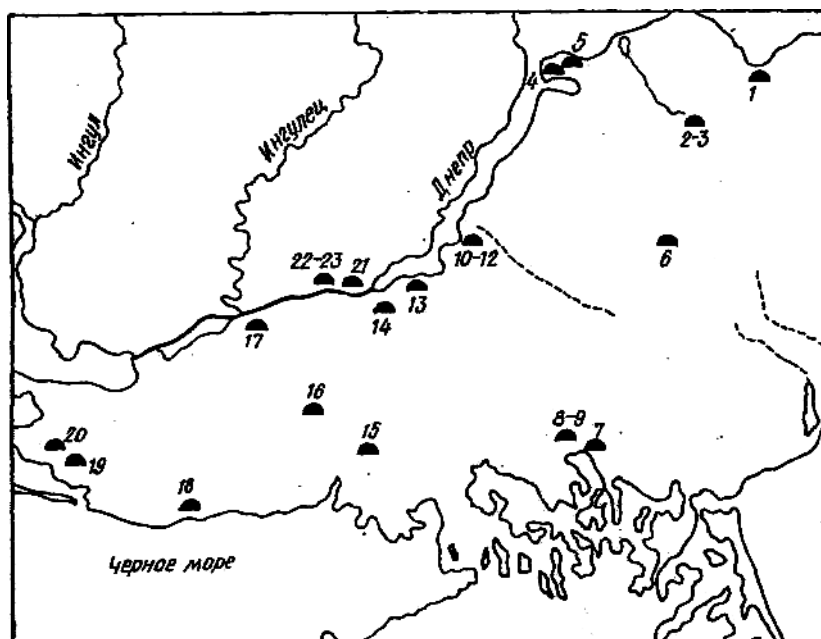

Рис. 7. Карта памятников II – I вв. до н. э.

бино. Оно было исследовано на поселении срубного времени и находилось в заполнении жилища. Была ли над ним насыпь, впоследствии исчезнувшая, уверенно сказать нельзя.

Погребения расположены в центре насыпи, либо в северном и северо-западном секторах, три – в восточном секторе. Погребальные сооружения преимущественно одного типа: прямоугольная, относительно узкая яма, две ямы трапециевидные в плане. В восьми погребениях контуры погребального сооружения определить не удалось, но полевой опыт подсказывает, что, скорее всего, это должна была быть та же прямоугольная яма.

Такие могилы типичны для сарматов на всех территориях их обитания. Спорадически встречаясь еще в IV – III вв. до н. э., этот тип погребального сооружения уже в III – II вв. до н. э. по количеству выходит на третье место [Мошкова, 1963. – С. 20]. Он существует и в более позднее время, вплоть до позднесарматского, когда уступает место камерным могилам.

Только в двух случаях могилы были перекрыты камнем (Львово, Васильевка). Это нетрудно объяснить расположением погребений на плато днепровских берегов рядом с большими выходами известняка. Возможно, потому, что остальные рассматриваемые погребения находились очень близко к поверхности кургана, их деревянное перекрытие не сохранилось. Тем не менее, в заполнении некоторых из них встречались остатки истлевшего дерева. Я не склонен видеть какую-то типологическую (а отсюда – этническую или историческую) разницу между погребениями, перекрытыми камнем и деревом. Все остальные детали обряда и инвентарь (см. ниже) не фиксируют ее. Вероятно, общая идея перекрытия могилы воплощалась в разных случаях в тот материал, который находился, как говорится, под рукой.

Из-за недостаточной сохранности большинства погребений другие детали ритуала прослеживались плохо. Так, остатки какой-то растительной (беловатый тлен) подстилки либо кошмы или кожи (коричневый тлен) зафиксированы в погребениях у Громовки и Львово, мелом было посыпано дно могилы у Сергеевки. Эти черты ритуала настолько обычны для сарматов, что нет смысла приводить им аналогии.

В Сергеевке и Белозерке покойный был помещен в решетчатое гробовище. Этот редкий для северопричерноморских сарматов обычай впервые прос-

леживается среди прохоровских древностей Заволжья III – II вв. до н. э. [Мошкова, 1963. – С. 22]. Здесь следует отметить, что эта дата определена в свое время М.Г. Мошковой, которая считает II в. до н. э. *terminem ante quem* для прохоровской культуры. Как уже отмечалось, теперь она омоложена до рубежа н. э. Поэтому, ссылаясь на датировки М.Г. Мошковой, я не исключаю (и даже предусматриваю) в качестве верхней даты приведенных ею аналогий не только II, но и I в. до н. э.

Ориентация погребенных в этой группе распределяется следующим образом: СВ – 6 случаев, СЗ и С – по 5, Ю – 2, В – 3 случая. В целом, как видно, преобладает ориентация в северном полуокружении. Это одна из важных особенностей рассматриваемой группы памятников. Общеизвестно, что на всех территориях распространения раннесарматской культуры преобладает ориентация в южном полуокружении (замечим, что в исследуемом регионе так ориентированы только два погребения). Она бытовала и в среднесарматское время, постепенно сменяясь на северную (это касается донских и поволжских степей, в Северном Причерноморье уже с I в. н. э. сосуществуют погребения с северной и южной ориентацией, практически представленные в равном количестве) лишь в позднесарматское время. Очевидно, что перед нами совсем новое явление в развитии раннесарматской культуры. Единственной группой памятников, с которой можно сопоставить рассматриваемые, являются погребения III – I вв. до н. э. в низовьях Дона, недавно выделенные В.П. Глебовым [Глебов, 1989. – С. 155-156]. И там ориентация в северном полуокружении является устойчивым признаком, характеризующим эту группу (около 20 погребений) на фоне массы синхронных могил с южной ориентацией. Сближают обе группы и некоторые черты погребального обряда; например, размещение преимущественно в головах могилы напутственной пищи (в синхронных погребениях с южной ориентацией Дона и Волги – чаще в ногах), а также сопровождающего инвентаря (хотя в обеих группах есть незначительный процент размещения вещей – в основном кувшинов – и в ногах).

Чужда сарматским памятникам Северного Причерноморья и широтная (в данном случае восточная) ориентация. С другой стороны, она обычна для захоронений прикубанских сарматов – сираков [Виноградов, 1965. – С. 118-119; Марченко, 1988. – С. 68 и сл.]. Показательно, что в одном из погребений региона с широтной ориентацией встречен типично кубанский кувшин (рис. 3,26). Ниже мы вернемся к связи ориентации с племенной принадлежностью исследуемых захоронений.

Почти треть всех захоронений этой хронологической группы (32 %) сопровождалась жертвенной пищей. Забегая вперед, следует отметить, что и на остальных этапах этот вроде бы типичный сарматский обычай не отмечается во всех погребениях (38,7% погребений I – начала II в. н. э. и 11,1% II – IV вв. н. э.). Объяснить удовлетворительно это явление пока еще не удастся. Почти всегда (5 случаев из 7 – 72%) пища лежала в головах могилы, лишь дважды (28%) – в ногах (причем один раз – в миске у кисти, т. е., строго говоря, не в ногах, а лишь ближе к ним). Во всех семи случаях напутственная пища сопровождалась ножом.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В раннесарматских погребениях Таврии встречены почти все категории материальной культуры, характерные для сарматов. Это оружие, орудия труда, лепная и гончарная керамика, фибулы, зеркала, украшения (бусы, серьги, браслеты).

Оружие. В исследуемых погребениях оно представлено пятью мечами и пятью наконечниками копий. Мечи принадлежат двум типам (по классификации А.М. Хазанова) – с серповидным навершием и рукоятью-штырем. Ору-

жие с *серповидным навершием*, характерное для прохоровской культуры, найдено в Большой Белозерке и Сергеевке. Это короткие (длина клинка около 40 см) мечи. Клинки стройных очертаний, в виде сильно вытянутого треугольника, линзовидные в сечении (правда, на клинке из Б. Белозерки прослеживается едва намеченное ребро). Перекрестья прямые, шириной до 1 см. Ручки мечей двух разновидностей – у белозерского концы ручки дуговидно переходят в пята клинка и навершие, у сергеевского она прямоугольная в плане. Ручка белозерского меча плоская, сергеевского – подпрямоугольная в сечении. Вероятно, эта разница фиксирует два вида оформления: в первом случае на ручку крепились выпуклые деревянные накладки, во втором – утолщенная ручка обматывалась или обшивалась кожей. На клинках обоих мечей видны следы деревянных ножен. Ветви наверший широко разведены (особенно на белозерском экземпляре, сергеевский фрагментирован), в сечении круглые.

Само по себе подобное оружие датируется довольно широко – с III по I в. до н. э. и вряд ли может служить хронологическим индикатором. И.П. Савовский датировал белозерский меч III в. до н. э. [Савовский, 1977. – С. 283]. На мой взгляд, нет оснований так безапелляционно сужать его дату. Несколько более осторожен К.Ф. Смирнов, не исключавший и II в. до н. э. [Смирнов, 1984. – С. 101]. Оба исследователя оперировали общими датами существования прохоровской культуры, принятыми в то время. Однако находки, в том числе и на территории Северного Причерноморья, мечей с серповидным навершием в комплексах I в. до н. э. [Симоненко, 1991. – С. 44] отодвигают верхнюю дату бытования такого оружия до рубежа н. э.

Что касается собственно белозерского меча, то ряд морфологических признаков – широко разведенные ветви навершия, тонкое, почти плоское перекрестье, утонченные пропорции клинка – присущи именно наиболее поздним образцам такого оружия. Учитывая отсутствие в комплексе датирующих вещей, было бы неосторожно ограничивать его датировку III в. до н. э. – изложенные выше соображения не исключают того, что он более поздний.

Столь же нейтрален в хронологическом отношении и сергеевский меч. Возможность сузить его дату в какой-то мере дает найденный в комплексе сосуд. Это лепной горшок со слегка отогнутым венчиком, округло-биконическим туловом, на плоском дне. Внешняя поверхность чернолощеная. Не имея аналогий в сарматской посуде, он, с другой стороны, очень близок некоторым формам I в. до н. э. из зарубинецкого Пироговского могильника [Максимов, 1982. – С. 65. – Табл. 14,20]. Во всяком случае, ни по форме, ни по исполнению (особенно показательно черное лощение) он не имеет ничего общего с прохоровской лепной керамикой III – II вв. до н. э. Как бы ни было неосторожным привлекать в качестве датирующего такой материал, как лепная керамика, анализ сергеевского комплекса склоняет к I в. до н. э., как дате происходящего оттуда оружия.

Меч из Привольного в свое время был опубликован как оружие с кольцевым навершием [Симоненко, 1984. – С. 128]. Последнее было разрушено при расчистке, и определение его типа основывалось на дневниковых и отчетных данных. Впоследствии при внимательном изучении фрагментов навершия выяснилось, что оно, скорее всего, являлось серповидым. За фрагменты кольца был принят изогнутый отросток навершия. Остановиться на этом экземпляре меня обязывает необходимость устранить не только ошибку, но и вызванные ею последствия. Датировка комплекса из Привольного (см. ниже) позволила считать конец II в. до н. э. временем появления мечей с кольцевым навершием [Мошкова, 1989а. – С. 43]. Поскольку это оружие считается одним из индикаторов среднесарматской культуры, дата ее возникновения (точнее – появления в Северном Причерноморье) отодвигалась к названному времени. Полагаю, что меч из Привольного не может служить надежным подтверждением этого тезиса.

Дата этого комплекса определяется среднелатенской бронзовой фибулой и светоглиняным кувшином (рис. 6, 1). Фибула достаточно распространенного типа В по Й. Костшевскому, датирующегося II – I вв. до н. э. (см. ниже).

В этой хронологической группе найден меч еще одного известного у сарматов типа – *с рукоятью-штырем без металлического навершия* (Брилёвка, к. 16). У него длинный (около 70 см) клинок, пята которого под тупым углом переходит в рукоять-штырь. Клинок линзовидный в сечении, шириной 4 см, штырь рукояти в сечении круглый. На клинке остатки деревянных ножен.

Традиционно такое оружие считается характерным для позднесарматского времени [Хазанов, 1971. – С. 15]. Однако находки последних лет показали, что, хотя оно действительно доминирует во II – IV вв. н. э., но появляется значительно раньше. Одним из наиболее ранних экземпляров является меч из погребения у хут. Арпачин, датирующийся фибулой неапольского варианта I в. до н. э. [Раев, 1979. – С. 262]. Вероятно, к этому же времени следует отнести и брилевский меч, найденный с бронзовой фибулой среднелатенской схемы.

В четырех погребениях данной хронологической группы найдены наконечники копий (Балки, Каиры, Каланчак, Садово). Все они железные, втульчатые, с листовидным пером и втулкой средней длины. Перо в сечении линзовидное. На сохранившихся экземплярах (Балки, Садово) по краю втулки проходит валик. Длина пера 31–35 см, ширина 3,5–4 см. Подобные наконечники, относящиеся к типу II [Симоненко, 1986. – С. 83], типичны для всех сарматских территорий. Они нейтральны в хронологическом отношении и сами по себе не могут служить датирующим материалом. Рассматриваемые экземпляры найдены совместно с бронзовыми среднелатенскими фибулами II – I вв. до н. э. (Садово, Каиры, Каланчак) и позднеэллинистической буrolаковой керамикой (Балки).

Орудия труда представлены ножами (9 экз.), оселками (2 экз.) и пряслон. Ножи найдены как в мужских, так и в женских захоронениях, оселки – только в мужских, прясло, как и следовало ожидать – в женском. Все ножи железные, черешковые. По форме клинка они могут быть разделены на три типа: с горбатой спинкой и прямым лезвием (рис. 1, 3d), с прямой спинкой и закругленным лезвием (рис. 2, 2z) и с серповидным клинком (рис. 1, 1e). Рукояти ножей двух разновидностей: деревянные, насаживавшиеся на черенок и костяные, которые крепились к черенку заклепками.

Все три формы хорошо известны в сарматских и позднескифских памятниках. Клинки первого типа появились еще у скифов VI – IV вв. до н. э. В сарматское время исчезают характерные длинные костяные рукояти, которые сменяются деревянными. Однако, как видно на примере погребений у сел Львово и Громовка, костяные обкладки изредка продолжали использоваться.

Оселок из Привольного (каланчакский фрагментирован) в форме вытянутого параллелепипеда с сужающимися концами, подпрямоугольный в сечении (границы скруглены). Отверстие для подвешивания несколько ближе к одному из краев.

Прясло (Бабино) керамическое, округло-биконической формы, с вертикальным каналом. Это одна из самых распространенных форм сарматских прясел.

И ножи, и оселки, и прясла практически не меняются на протяжении всего времени существования сарматской культуры и не могут служить хронологическим показателем.

Керамика, найденная в погребениях этой группы, – лепная и гончарная (первая преобладает). Среди *лепной* посуды горшки (7 экз.), кувшины (3 экз.) и миски (2 экз.). Горшки из раннесарматских погребений по форме могут быть разделены на два основных типа.

1. С отогнутым венчиком и симметричным сферическим туловом (Громов-

ка-75, 2/2*, Брилевка-85, 16/2; рис. 2,16; 4,22). Сосуд близок некоторым формам прохоровской керамики [Мошкова, 1963. – Табл. 6,32]. Сама по себе эта категория инвентаря не может служить надежным датирующим материалом, поэтому дату погребений уточняют фибулы и бусы (см. ниже). Лепной чернолощенный горшок (Сергеевка-84, 4/17; рис. 1,36) с отогнутым венчиком и округло-биконическим туловом не имеет аналогий в сарматской посуде. С другой стороны, он очень близок к некоторым формам I в. до н. э. из зарубинецкого Пироговского могильника [Максимов, 1982. – С. 65. – Табл. 14,20].

2. Горшки с отогнутым венчиком, высокими плечиками и резко сужающимся ко дну туловом, "скифского" облика (Львово-73, 6/2; Черноморское-81, 1/5; рис. 26,12; 3,46). По пропорциям и внешнему виду они действительно близки некоторым типам скифской лепной керамики [Гаврилюк, 1989. – С. 48. – рис. 16,2]. На эту близость указывает и орнамент из пальцевых зацепов по венчику горшка из Черноморского. Налепное ребро по горлу сосуда из Львова – редко встречающаяся деталь оформления лепной сарматской керамики. Как ближайшую по времени и территории аналогию можно назвать лепной кувшин из Заможного с таким же ребром [Симоненко, 1991. – С. 43]. Не исключено, что здесь мы имеем дело с попыткой подражания античным кувшинам с аналогичным оформлением горла (правда, у них ребро формировалось изнутри вместе с шейкой). Такие кувшины, например, из некрополя Золотое (могилы 20, 89), датируются I в. до н. э. [Корпусова, 1983. – С. 100, 106]. "Скифоидный" облик этой группы указывает на контакты с позднескифским населением нижнеднепровских городищ.

Лепные кувшины более разнообразны по форме. Среди них выделяются два светлоглиняных экземпляра (Привольное-75, 1/1; Садово-82, 2/1; рис. 6,1в, 3в), которые, без сомнения, являются репликой античной гончарной посуды. Считать эти кувшины чисто античными не позволяет лепная техника, но, с другой стороны, в сарматском керамическом комплексе ничего похожего нет. Форма их обычна для античных кувшинов последних веков до н. э. – первых веков н. э., хронологически нейтральна, и датируют эту посуду найденные в комплексах среднелатенские фибулы. Своеобразен и редок для исследуемой территории кувшин из с. Каиры (рис. 3,6). По ряду признаков – носик-слив, стилизованная зооморфная ручка, тройные свисающие линии – он близок кубанским образцам. Аналогичный кувшин найден в одном из погребений I в. до н. э. – I в. н. э. у с. Калмыково [Синицын, 1961. – рис. 51,2].

Интересны обе миски, найденные в погребениях этой группы (Львово-72, 1/1; Каиры-88, 9/2; рис. 3,36). Одна из них – чернолощенная, с граненым изнутри венчиком – типичный образец зарубинецкой посуды, анализировалась ранее [Симоненко, 1977. – С. 224] и отнесена к I в. до н. э. Миска из с. Каиры сходного типа – с ребром и отогнутым венчиком, на узком выделенном дне. Однако на ней отсутствует характерное для зарубинецкой посуды черное лощение. На мой взгляд, миска из с. Каиры ближе позднескифской керамике так называемого зарубинецкого облика [Сымонович, 1978. – С. 98]. Подобная посуда на позднескифских памятниках (Николаевка, Золотая Балка) датируется преимущественно I в. до н. э. [Вязьмитина, 1972. – С. 172].

Гончарная керамика из раннесарматских погребений Таврии представлена несколькими античными кувшинами (6 экз.). Экземпляр с витой ручкой из Б. Белозерки (рис. 1,26) относится к достаточно распространенному и в античных, и в сарматских памятниках типу. Такие кувшины известны у сарматов Северного Причерноморья (Соколово); особенно много их в погребениях сираков Прикубанья (типы 11, 12 по И.И. Марченко), где они относятся преимущественно к середине II в. до н. э. [Марченко, 1988. – Рис 325]. Фрагментированный

* Здесь и далее число через тире означает год раскопок; в числителе – номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

красноглиняный кувшин из Каланчака (рис. 4,16) по форме тулова близок к боспорской керамике I в. до н. э. [Корпусова, 1983. – С. 104]. Найденная в комплексе фибула (см. ниже) не противоречит этой дате. Интересен небольшой кувшинчик с каннелюрами по тулову из Бургунки (рис. 4,36). Подобную посуду исследователи относят к концу II – I в. до н. э. [Зубарь, Кубышев, 1987. – С. 250]. Маленькая ойнохоя из Громовки-80 (1/19; рис. 2,26) не имеет прямых аналогий, но близка изделиям из некрополя Золотое (разрушенное погребение, табл. II,14; мог. 163) I в. до н. э. [Корпусова, 1983. – С. 110]. Погребение в Балках (26/1), где была найдена верхняя часть буролакового кувшина (рис. 1,1а), в свое время было определено как скифское [Тереножкин, Ильинская, Мозолевский, 1977. – С. 179]. При этом исследователями остались незамеченными такие детали сосуда, как красно-бурый плохого качества лак, треугольные выступы по обе стороны ручки в месте ее прикрепления к венчику, дуговидные налепы на плечиках – типичные признаки позднеэллинистической посуды*. И хотя прямой аналогии кувшину из Балков отыскать не удалось, остальные признаки (трупоположение в насыпи скифского кургана головой на СЗ, форма ножа) позволяют считать погребение сарматским.

Фибулы найдены практически в 50% погребений рассматриваемой группы (12 экз.). Большинство их одного и того же типа – проволочные среднелатенской схемы (В-Костшевский), но разных вариантов. Почти все (8 экз.) крупные (до 9 см длиной), со скрепой с перехватами, расположенной ближе к середине спинки. Фибула из Черноморского меньше, скрепа находится у основания спинки (рис. 3,4в). В Каланчаке найдена фибула с сильно прогнутой спинкой (рис. 4,1 в).

Традиционно такие фибулы датировались концом II – I в. до н. э., с заходом некоторых вариантов в I в. н. э. [Filip, 1956. – S. 484]. Однако в последнее время установлено, что хронология Я. Филипа несколько завышена. Так, К. Годловский полагает, что такие фибулы характерны для ранней фазы позднего предримского периода пшеворской и оксывской культур (конец латена C₁ и латен C₂), что в абсолютных датах соответствует II в. до н. э. [Godłowski, 1981. – S. 52]. Крупные фибулы типа В-Костшевский (т. е. идентичные нашим), по мнению Т. Домбровской, диагностируют фазу А пшеворской культуры, которая охватывает первую половину II в. до н. э. [Dąbrowska, 1988. – S. 302]. Исследовательница отмечает, что более мелкие (короче 8 см) фибулы типа В-Костшевский (именно такая найдена в Черноморском) более характерны для фазы А₂ (вторая половина II – первая половина I в. до н. э.) [Dąbrowska, 1988. – S. 305]. На территории Северного Причерноморья такие фибулы характерны для западных соседей сарматов – носителей культуры Поенешти-Лукашевка (бастарнов?). Там они датируются II – первой половиной I в. до н. э. [Пачкова, 1986. – С. 42]. Встречаются фибулы типа В-Костшевский и севернее сарматского ареала, в зарубинецкой культуре. По наблюдениям С.П. Пачковой, здесь они бытуют несколько дольше, чем на западе, вплоть до начала I в. н. э. Однако этот вывод сделан на основании единственной совместной находки фибулы типа В-Костшевский с железной "воинской" в п. 70 могильника Велемичи 1 [Кухаренко, 1961. – С. 38]. Описание последней не дает полной уверенности в ее принадлежности именно к типу "воинских", т. е. поздних**. Впрочем, сложные вопросы хронологии латенских фибул не являются целью этой работы, поэтому ограничусь указанием на то, что единственная сомнительная находка в Велемичах не может являться основанием для омоложения среднелатенских фибул, основная масса которых найдена в комплексах не позднее I в. до н. э.

Среднелатенская фибула из Каланчака несколько иного типа – с прогну-

*Благодарю В.В. Крапивину за любезную консультацию.

**Устное сообщение С.П. Пачковой.

той спинкой. Подобные известны в Калиновском сарматском могильнике [Шилов, 1959. – С. 438] и в позднескифском могильнике Беляус [Михлин, 1980. – С. 197]. Авторы публикаций продатировали их концом II – I в. н. э.*, т. е. так, как, по их мнению, датируются фибулы среднелатенской схемы в целом. Найденный в Каланчаке красноглиняный кувшин ближе, как отмечалось, боспорской керамике I в. до н. э., чем позднеэллинистическим образцам.

Своеобразна золотая фибула из Солонцов. При общей близости среднелатенской схеме она оригинальна своей отделкой (вероятно, штучный экземпляр). В.П. Былкова считает, что наиболее близки ей фибулы из Югославии и Словакии, относящиеся к фазам C₂ и D₁, т. е. 180/150 – 60/50 гг. до н. э. [Былкова, 1993. – С. 166].

Единственная в этой группе фибула позднелатенской схемы, так называемая воинская из Солонцов, относится к типу 5 подгруппы 2. А.К. Амброз датирует их I в. н. э. [Амброз, 1966. – С. 25], замечая, что отдельные находки имеются и в погребениях I в. до н. э. К.В. Каспарова относит распространение воинских фибул к I в. до н. э. – первым десятилетием н. э. [Каспарова, 1976. – С. 138; 1977. – С. 75].

Зеркала из погребений этой группы почти все однотипны – круглые, плоские, неорнаментированные, небольшого диаметра (7,5-10 см). Такой тип зеркала едва ли не самый распространенный у сарматов (VI тип, вариант В, по А.М. Хазанову). Появляясь еще в прохоровской культуре, в конце III в. до н. э., зеркала VI типа бытуют в основном в I в. до н. э. – I в. н. э., во II в. н. э. встречаются лишь единичные экземпляры [Хазанов, 1963. – С. 62-64]. Следует обратить внимание на то, что в двух случаях (Бабино, Каиры) в погребениях, по сарматскому обычаю, находились лишь фрагменты зеркал.

Большое серебряное зеркало с валиком по краю из Солонцов относится к V типу, по классификации А.М. Хазанова. По мнению исследователей, подобные зеркала характерны для памятников прохоровской культуры III – II вв. до н. э. (выше указывалось на изменение хронологии этих памятников). Таким образом, для зеркала, как и всего солонецкого комплекса не исключена датировка I в. до н. э., а, учитывая нахождение в нем воинской фибулы, она предпочтительна.

Бусы входили в состав ожерелий (Львово-72, Чеховка), ими украшались края шаровар (Громовка-75), однажды (Громовка-80) найдены в сумочке с амулетами. После выхода работы Е.М. Алексеевой бусы используются в качестве датирующего или хотя бы уточняющего дату материала. Во Львово и Громовке-80 в состав ожерелий входили круглые и бочонковидные сердоликовые бусины типов За-б, 17. При широкой дате таких изделий уточняют хронологию громовского набора стеклянные бусы с металлической прокладкой типа 19. Они встречаются в комплексах II – I вв. до н.э. [Алексеева, 1978. – С. 32]. Бусы из Чеховки относятся к типу 171 и 25д. Первые известны в некрополях Херсонеса, Пантикапея, Тиритаки и датируются очень широко – III в. до н. э. – IV в. н. э. Однако, по наблюдениям Е.М. Алексеевой, наша разновидность характерна для III в. до н. э. – I в. н. э., так как в более позднее время такие бусины мельче [Алексеева, 1978. – С. 73]. Глазчатая бусина из Чеховки близка встреченной в комплексе III – I вв. до н. э. некрополя Илурата [Алексеева, 1975. – С. 59]. Бусы из Громовки-80 близки типу 30. Подобные им найдены в Беляусе и могильнике Тузлы в комплексах III – I вв. до н. э. [Алексеева, 1978. – С. 66].

Украшения в этой группе немногочисленны и представлены браслетами из Бабина и Солонцов, серьгами из Громовки-80, Львово и Солонцов, перстнем из Солонцов.

---

*Впрочем, Б.Ю. Михлин уточняет верхнюю дату беляусской фибулы в пределах начала I в. до н. э. [Михлин, 1980. – С. 197].

Браслет из Бабина с расплюснутыми, украшенными елочным орнаментом концами. Изделия такого типа не имеют точной даты и распространены достаточно широко. Спиралевидные браслеты из Солонцов также относятся к модным в сарматской среде. Наиболее близки им по времени изделия из погребения II в. до н. э. у хут. Северного в Прикубанье [Скрипкин, 1984а. – С. 218]. Бронзовые кольцевидные серьги из Громовки-80 и с. Львово хронологически нейтральны. К редким в сарматских погребениях, экземплярам принадлежат золотые серьги из Солонцов, хотя изделия такой схемы известны в Херсонесе, Танаисе, Неаполе Скифском*. В.П. Былкова обратила внимание на технику изготовления гривы льва, близкой к технике орнаментации известной фибулы из Дебальцева. Все приведенные аналогии относятся ко II – I вв. до н. э.

---

*Список аналогий и ссылки на литературу см. в работе В.П. Былковой [1993], подробно исследовавшей этот комплекс.

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II в. н. э.

ЗАПОРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1. с. Атманай Акимовского р-на. Могильник Атманай II, к. 3, п. 32. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 6,9 м к западу от репера. Погребальное сооружение и скелет разрушены норой лисы. На глубине -170 от условного 0 обнаружены ребро, обломок берцовой кости и другие мелкие фрагменты скелета взрослого человека. Севернее их стоял сосуд (рис. 26,3).

1. Лепной сероглиняный горшок с отогнутым венчиком, орнаментированным пальцевыми защипами, короткой шейкой, овальным туловом с сужающимися ко дну стенками, на плоском дне. Диаметр венчика 13,7 см, диаметр дна 7,5, высота 15 см [Кубышев и др. Отчет, 1981. – С. 82].

2. с. Атманай, к. 3, п. 35. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 8 м к югу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, северная часть ее разрушена. Ширина ямы 0,5 м, дно на глубине -160 от условного 0. Судя по сохранившейся нижней части посткраниального скелета, он лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. На дне ямы подстилка из камки. У левого колена прослежен тонкий деревянный стержень неизвестного назначения длиной около 50 см, шириной около 2 см. У правого колена обломок острия железного ножа (?) размерами 2,9 x 0,5-1,2 x 0,3 см. В районе черепа найден сосуд (рис. 26,11).

1. Гончарный красноглиняный кувшин (во фрагментах). Венчик и горло не сохранились. Тулово округлое, на кольцевом поддоне. Сохранилась нижняя часть ленточной ручки с тремя каннелюрами. По основанию шейки и плечикам – неглубокие врезные линии, на плечиках следы красного лака. Диаметр дна 10 см, высота более 20, диаметр венчика менее 10, диаметр тулова около 19,5 см, сечение ручки 2,6 x 1,3 см [Кубышев и др. Отчет, 1981. – С. 83-84].

3. с Волчанск, к. 5, п. 16 (рис. 8, 2). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 8,9 м к югу от репера и в 3,5 м к западу. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными короткими сторонами, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2 x 0,6 м, дно на глубине -195 от условного 0. Скелет мужчины 25-35 лет лежал вытянуто на спине, головой на С-СВ. За черепом стоял сосуд (1), рядом с ним, справа, находились три фрагмента железного предмета (ножа?), кость овцы, слева от левого предплечья – бусина (2).

1. Лепной сероглиняный горшок с уплощенным отогнутым венчиком, воронковидным горлом, яйцевидным туловом, на маленьком плоском дне. Внешняя поверхность подлощена, серо-бежевого цвета. По шейке – невыразительный валик. Диаметр венчика 9,7 см, диаметр дна 6, высота горшка 18,7 см (рис. 8,26).

2. Бусина округло-сжатая, со сквозным вертикальным каналом, из глухого сине-фиолетового стекла. На стенках через равные промежутки расположены три вертикальных пары желтых глазков, в центре которых сине-белые. Еще один такой же глазок помещен в центре бусины, между двумя парами. Диаметр бусины 0,12 см, высота 0,8, диаметр канала 0,4 см (рис. 8,2в) [Кубышев и др. Отчет, 1980. – С. 44-45].

4. с. Волчанск, к. 7, п. 1. (рис. 8,1). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 3 м к северо-востоку от репера. Могильная яма трапециевидная в плане, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,15 x 0,95 x 0,45 м, дно на глубине -100 от условного 0. Скелет женщины 30-40 лет лежал вытянуто на спи-

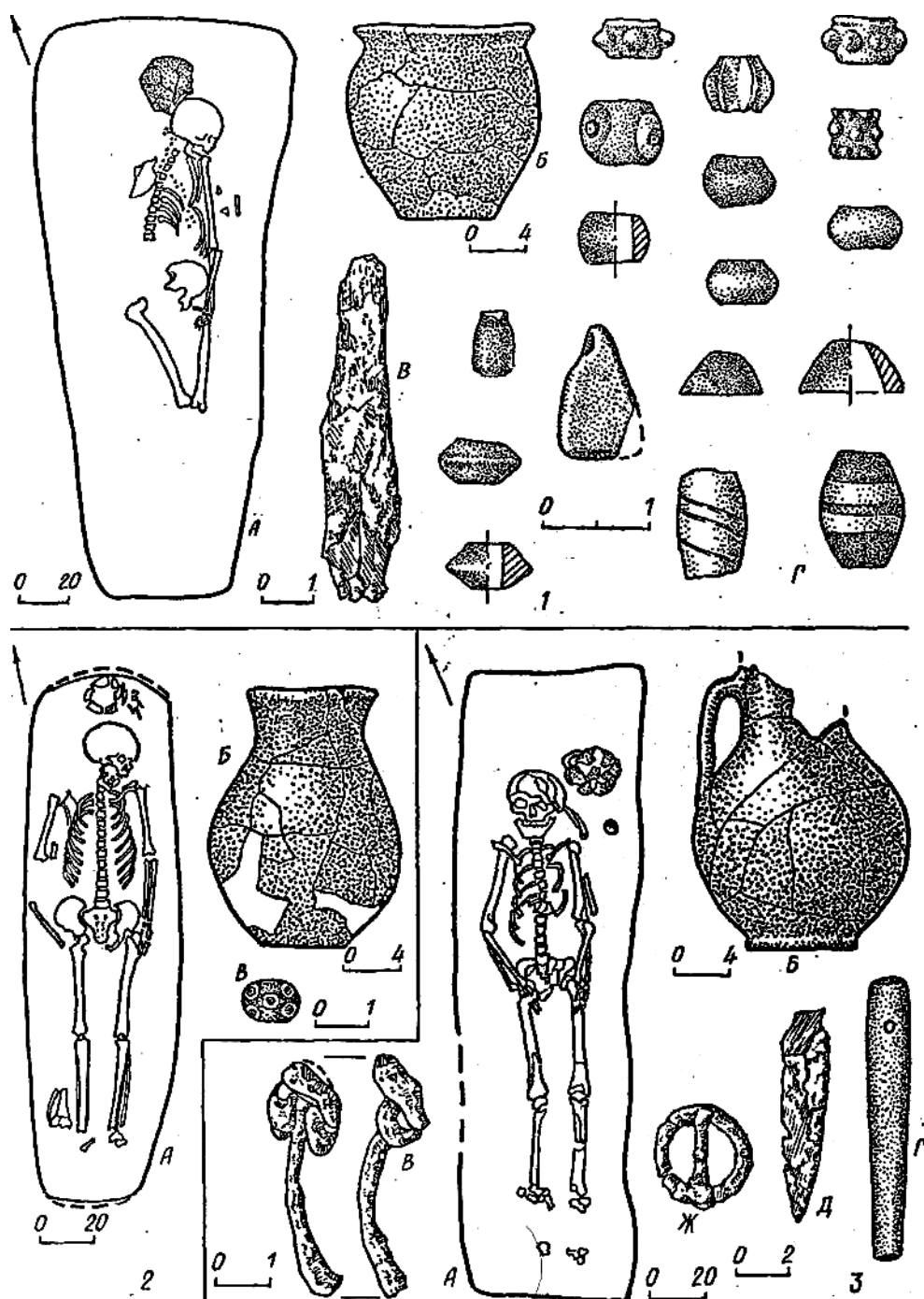

Рис. 8. Погребения I — первой половины II в. н. э.
1 — Волчанск, 7/1; 2 — Волчанск, 5/16; 3 — Новое, 3/3.

не, головой на СВ. Ноги сведены в коленях, правая рука и голени отсутствовали. За черепом лежал сосуд (1), у шейных позвонков и среди ребер – бусы (2), у середины плечевой кости – нож (3) и шесть фрагментов зеркала (4).

1. Лепной сероглиняный сосуд с овальным в сечении, отогнутым венчиком, покатыми плечиками, сужающимся ко дну туловом, на плоском дне. Внешняя поверхность шероховатая, темно-серого, почти черного цвета, в некоторых местах подлощена. Диаметр венчика 13 см, диаметр дна 7, высота 15,5 см (рис. 8,16).

2. Бусы (рис. 8,17):

- треугольная подвеска из бирюзового глухого стекла, покрытая светлой патиной. Один угол обломан. Размеры 1,2 x 0,7 см;

- бочковидная из глухого синего стекла, с вертикальным каналом, с тройной бело-палевой поперечной полоской. Длина 1,1 диаметр 0,8 см;

- бочковидная, из глухого белого стекла, с вертикальным каналом. Длина 0,8, диаметр 0,7 см;

- цилиндрическая, из глухого серого стекла, с вертикальным каналом, с тремя глазами: два бело-синих, один – оранжево-бело-синий. Диаметр 0,7, высота 0,55 см;

- стеклянные, биконические с металлической прокладкой, желтоватые. Диаметр 0,8, высота 0,4 см – 2 экз.;

- стеклянные, округлые, пропорциональные и поперечно сжатые, из бесцветного стекла с металлической прокладкой, с гладкими краями отверстий. Диаметр 0,4-0,68, высота 0,2-0,47 см – 7 экз.;

- стеклянные, короткоцилиндрические, с металлической прокладкой и поперечным пояском из пяти (2 экз.) и шести (1 экз.) бугорков. Диаметр 0,7, высота 0,4 см – 3 экз.;

- стеклянная, с металлической прокладкой, коротко-цилиндрическая с ребристой поверхностью, на которой размещены шесть долек с острыми очертаниями. Диаметр 0,7, высота 0,5 см;

- стеклянная, голубая, с металлической прокладкой, коническая, с коническим каналом. Диаметр 0,95, высота 0,5 см;

- такие же, но без металлической прокладки, с желтой поверхностью;

- стеклянная, с металлической прокладкой, пропорционально-цилиндрическая, бурая, с тремя изолированными поперечными рядами бугорков. Диаметр 0,4, высота 0,36 см;

- стеклянные, усеченно-биконические, прозрачные, синие. Диаметр 0,6, высота 0,35 см – 2 экз.;

- обломок стеклянной веретенообразной, из глухого красного стекла;

- стеклянная, округлая, синяя. Диаметр 0,7, высота 0,5 см;

- короткоцилиндрические (бисер) голубые. Диаметр 0,4, высота 0,2 см – 19 экз.;

- усеченно-конические, из глухого белого стекла. Диаметр 0,4, высота 0,5 см.

3. Нож железный, черешковый, со слегка изогнутым по лезвию клинком, клиновидным в сечении. Острие утрачено. На черенке следы деревянной рукояти. Длина сохранившейся части клинка 3,5 см, ширина 1,4, длина черенка 3 см (рис. 8,18).

4. Мелкие фрагменты бронзового круглого неорнаментированного зеркала [Кубышев и др. Отчет, 1980. – С. 55-56].

5. с Новое, к. 3, п. 2. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 5,2 м к юго-востоку от репера. Погребение сильно разрушено. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,8 x 0,8 см, дно на глубине -93 от условного 0. Скелет частично нарушен грызунами. Судя по сохранившимся костям, он лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Под костями бурый органический тлен. На уровне правого локтя – прясло (1), у левого плеча сустав овцы.

1. Керамическое асимметрично-биконическое прясло с вертикальным ка-

налом. Верхнее основание закруглено, нижнее уплощено. Диаметр 4,7 см, высота 3,4, диаметр нижнего основания 2,5 см [Кубышев и др. Отчет, 1982. – С. 131-132].

6. с. Новое, к. 3, п. 3 (рис. 8,3). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 0,4 м к северо-западу от погребения 2. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,35 х 0,9 м, дно на глубине -100 от условного 0. Скелет женщины 35-55 лет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки были чуть согнуты в локтях, кисти уложены на таз. Левая локтевая кость со следами старого перелома. За черепом находился развал сосуда (1), выше правого локтя – фрагменты фибулы (2), чуть выше левого плеча – пряжка (3), здесь же, ближе к черепу – оселок (4) и нож (5).

1. Гончарный красноглиняный кувшин с отбитым венчиком, невысокой, слегка расширяющейся шейкой, округлым туловом, на кольцевом поддоне. Ленточная ручка, прямая в перегибе, одним концом прикреплена к основанию венчика, другим – на скате плечика. По ручке три невыразительных каннелюры. На шейке и плечиках следы оранжевого лака. Внешняя поверхность кувшина покрыта желтым ангобом. Диаметр венчика около 8,5 см, высота горла свыше 6, диаметр дна 8,5, высота кувшина 22 см (рис. 8,3б).

2. Фрагментированная железная подвязная фибула. Сохранились пружинный аппарат – двухвитковая пружина с внешней тетивой – и основание ножки с частью дуговидно изогнутой спинки. Проволока круглая в сечении, диаметр 0,5 см (рис. 8,3в).

3. Железная пряжка с кольцевой, круглой в сечении рамкой и подвижным язычком. Конец его расклепан и обернут вокруг рамки. Диаметр рамки 3,7 см (рис. 8,3ж).

4. Оселок из кварцитового песчаника, слегка сужающийся книзу. На расстоянии 1,5 см от верхнего края – отверстие для подвешивания. В сечении верхняя часть овальная, нижняя – круглая. Рабочие стороны слегка уплощены. Длина оселка 10,8 см, ширина по верху 1,7, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 8,3з).

5. Железный черешковый нож с горбатой спинкой и слегка загнутым к острию прямым лезвием. Клинок отделен от черенка небольшим перехватом со стороны спинки и несколько большим – со стороны лезвия. Черенок плоский, обломан. Клинок клиновидный в сечении. На черенке следы деревянной рукояти. Длина клинка 6,9 см, ширина у пяты 1,9, длина сохранившейся части черенка 1,2, ширина 1,2 см (рис. 8,3д) [Кубышев и др. Отчет, 1982. – С. 132].

7. с. Новое, к. 3, п. 17. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 9 м к юго-востоку от репера. Контуры ямы в плане не прослеживались. На глубине -170 от условного 0 лежал скелет, вытянуто на спине, головой на Ю. У черепа найдена подвеска (1).

1. Бронзовая кольцевидная подвеска с заходящими друг на друга концами, из круглой в сечении проволоки. Концы заострены. Диаметр подвески 1,2, сечение 0,2 см [Кубышев и др. Отчет, 1982. – С. 136].

8. с. Юрьевка, к. 1, п. 4. (рис. 9,1). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 2,5 м к северу и в 2,5 м к востоку от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,45 х 0,6 м, дно на глубине -75 от условного 0. Скелет подростка лежал вытянуто на спине, головой на С. Над правым плечом в северо-западном углу ямы находились кости передней конечности овцы. В области шеи – бусы из состава ожерелья (1), у правой кисти – камень (2).

1. Бусы (рис. 9,1б):

– каплевидная подвеска, круглая в сечении, нижняя часть из прозрачного синего стекла, верхняя – из глухого белого. Они разделены идущей по диагонали подвески сине-белой полосой. В верхней части горизонтальный канал. Длина 1,5, ширина 0,6 см;

– каплевидная подвеска из прозрачного синего стекла, круглая в сечении.

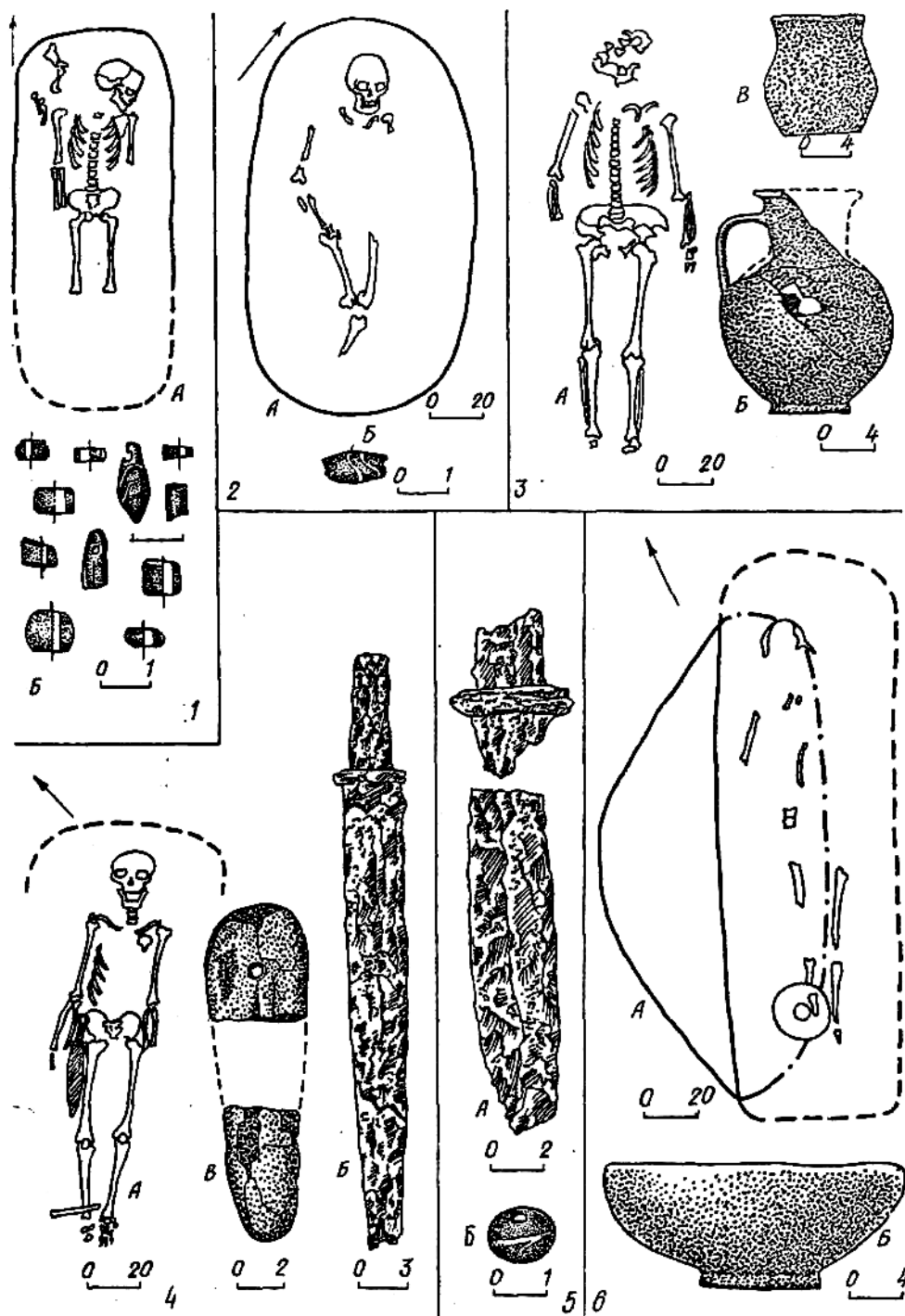

Рис. 9. Погребения I — первой половины II в. н. э.:
2 — Юрьевка, 1/4; 2 — Метрополь, 8/1; 3 — В. Знаменка, 7/1; 4 — Ново-Каменка, 3/4; 5 — Советское, 1/8; 6 — Громовка, 1/3.

Верхний край над отверстием слегка загнут, нижняя часть утрачена. В верхней части — горизонтальный канал. Длина сохранившейся части 1, сечение 0,45 см;
— округлые, поперечно сжатые, из молочно-белого стекла, с вертикальным каналом. Диаметр 0,3-0,4, высота 0,2-0,3 см — 3 экз.;

– цилиндрическая из глухого белого стекла, с вертикальным каналом. Диаметр 0,4, высота 0,3 см;

– бисер из прозрачного синего (3 экз.) и глухого белого (2 экз.) стекла. Диаметр 0,3, высота 0,15 см;

– бронзовая трубчатая пронизь длиной 0,7, диаметром 0,3 см.

2. Плоская сланцевая плитка со скошенным краем и обожженной поверхностью. Размеры 3 x 2,5 см [Кубышев и др. Отчет, 1981. – С. 134].

9. хут. Волчий, к. 2, п. 1. Впускное в скифский курган. Находилось в 3 м к северу от репера. Могильная яма не прослеживалась. На глубине -30 от условного 0 лежал скелет, вытянуто на спине, головой на СВ. На костях таза найдена совершенно истлевшая железная пряжка, за черепом – сосуд (1).

1. Лепной горшок с отогнутым венчиком, сужающимся ко дну туловом, на плоском дне. Поверхность серо-бежевого цвета вследствие неравномерного обжига. Венчик утрачен. Диаметр тулова 4,3 см, диаметр дна 7,5, высота 16 см (рис. 26,4) [Кубышев и др., 1987. – С. 139].

10. с. Балки Васильевского р-на, группа III, к. 1, п. 4 (рис. 10,1). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 7,5 м к западу от репера и в 2,3 м к северу. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными короткими сторонами, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, размеры 2,3 x 0,9 м, дно на глубине -110 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, руки слегка согнуты в локтях, левая кисть на тазу. За черепом, в северо-западном углу ямы стоял сосуд (1), на тазовых костях лежала пряжка (2).

1. Гончарный сероглиняный кувшин с шаровидным туловом, цилиндрической шейкой, дно слегка вогнуто. По основанию шейки неглубокое кольцевое вдавление. На плечике следы прикрепления ленточной ручки. Венчик, ручка и верхняя часть утрачены. Диаметр тулова 15, диаметр дна 7 см (рис. 10,1б).

2. Железная пряжка с прямоугольной рамкой и подвижным язычком. Изготовлена из круглого в сечении прута диаметром 0,6 см. Размеры рамки 5,7 x 2,4 см (рис. 10,1в) [Тереножкин, Ильинская. Отчет, 1968. – С. 40].

11. с. Балки, к. 18, п. 1. Впускное в скифский курган. Находилось в 1,1 м к северу от репера и в 1,5 м к востоку. Могильная яма в форме сильно вытянутого овала, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,4 x 0,5 м, дно на глубине -105 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ, череп и кости рук отсутствовали, левая нога слегка согнута в колене. На тазу невыразительные фрагменты железного предмета (пряжки?) [Тереножкин, Ильинская. Отчет, 1968. – С. 19].

12. с. Орлянка, к. 4, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 10,8 м к северо-востоку от репера. Контуры ямы не прослеживались. Скелет подростка лежал вытянуто на спине на глубине -180 от условного 0, головой на СВ. Под головой прослежена подстилка из коры. Справа от черепа находился сосуд (1), слева – миска (2), а в ней – кости овцы и нож (3). По обе стороны черепа лежали серьги (4), под черепом с правой стороны – зеркало (5), у левого локтя – пряслице (6). Вокруг шейных позвонков найдены бусы (7).

1. Гончарный красноглиняный тонкостенный кувшин. Венчик слегка отогнут и закруглен. Горло цилиндрическое, тулово яйцевидное, на кольцевом поддоне. Прямая в перегибе ручка овальная в сечении, одним концом прикреплена посередине горла, другим – на скате плечика. Диаметр венчика 12 см, тулова 21, дна 8, высота кувшина 26 см.

26. Лепная сероглиняная миска с уплощенным венчиком, подчеркнутым снаружи вдавленной линией. Венчик слегка загнут внутрь. Стенки сферические, дно плоское. Диаметр венчика 24 см, дна 7, высота миски 6,7 см.

3. Железный черенковый нож с прямым, клиновидным в сечении клинком, лезвие и спинка которого равномерно сходятся к острию. Черенок короткий, плоский, с небольшим перехватом у лезвия. На черенке следы деревянной рукояти. Длина клинка 6,5 см, ширина у пяты 0,7, длина черенка 2 см.

4. Две бронзовых кольцевидных серьги из круглой в сечении проволоки.

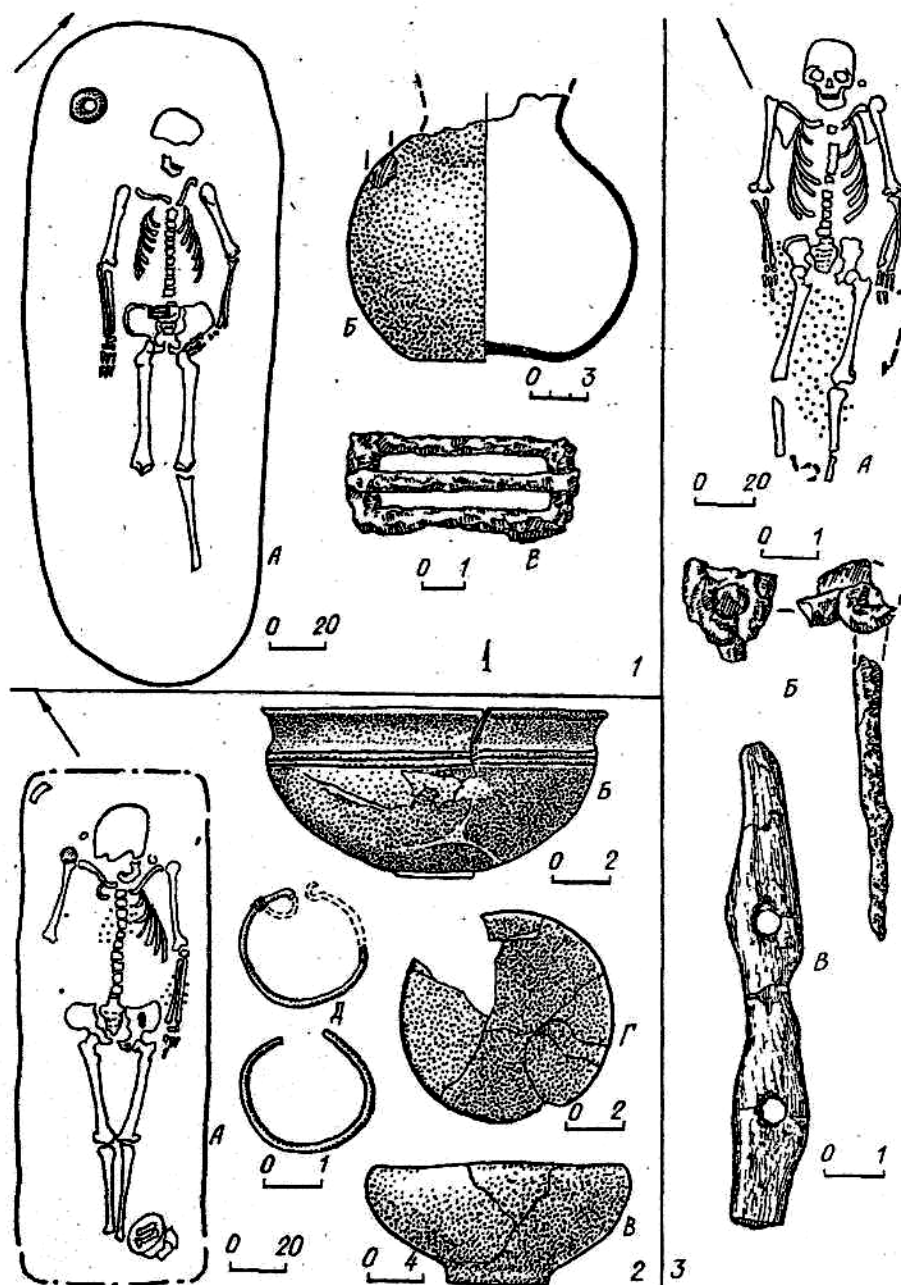

Рис. 10. Погребения I — первой половины II в. н. э.
1 — Балки, 1/4; 2 — Новогригорьевка, 1/9; 3 — Новогригорьевка, 1/17.

Один конец серьги заострен и загнут крючком, второй завернут в петлю и закручен вокруг серьги в 4-5 оборотов. Диаметр 3, сечение 0,3 см.

5. Бронзовое круглое плоское неорнаментированное зеркало диаметром 6,3 см.

6. Керамическое усеченно-коническое прясло с вертикальным каналом. Верхнее основание слегка уплощено в центре. Диаметр оснований 2 и 1,2, высота 2,2 см.

7. Бусы:

— бочонковидные, из оранжевого с прожилками сердолика, с горизонтальным каналом. Канал с двухсторонним сверлением, по торцам бороздки. Длина 0,8, диаметр 0,6 см — 15 экз.;

– округлые, из прозрачного бесцветного стекла, одна едва заметно огранена ромбом. Диаметр 0,8 см – 2 экз.;

– ребристая, уплощенно-цилиндрическая, из прозрачного зеленого стекла, 5-дольчатая, с широким вертикальным каналом. Диаметр 1,3, высота 0,8 см [Савовский, 1977. – С. 63-64].

13. с. Орлянка, к. 4, п. 3. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 8 м к северо-западу от репера. Могильная яма не прослеживалась. На глубине -200 от условленного 0 лежал скелет женщины, вытянуто на спине, головой на СВ, ноги слегка согнуты в коленях. Под скелетом прослежен бурый тлен от органической подстилки. За черепом стоял сосуд (1). На черепе, близ левого виска, прослежены зеленые окислы, а вокруг черепа находились фрагменты серег (2). Там же и на грудной клетке зафиксированы бусы (3), близ правого локтя лежало прясло (4).

1. Лепной горшок с желтоватой поверхностью. Венчик закругленный, отогнутый, шейка короткая воронковидная, плечики крутые, тулово резко сужается к плоскому дну. Дно заметно вогнуто. Диаметр венчика 10,5 см, дна 7, высота горшка 18 см.

2. Фрагменты бронзовых серег из круглой в сечении проволоки с крючком на одном конце и петлей на другом.

3. Бусы:

– ромбовидные, уплощенные, из прозрачного желто-зеленого стекла, с горизонтальным каналом. Длина 2,4 и 1,9, ширина 1 см – 2 экз.;

– глазчатые, из глухого бежевого стекла, округло-сжатые, с тремя синеватыми глазками. Диаметр 0,65 см – 2 экз.;

– бочонковидные, из прозрачного янтарно-желтого стекла, с горизонтальным каналом. Длина 0,6, диаметр 0,47 см – 14 экз.;

– биконические, из глухого коричневого и прозрачного белого стекла. Диаметр 0,4 см – 7 экз.;

– округло-сжатые, из прозрачного белого стекла с золотой прокладкой. Диаметр 0,4 см – 45 экз.;

– мелкий кольцевой бисер из желтого, белого и голубого стекла.

4. Керамическое округлое, усеченно-коническое прясло с вертикальным каналом. Диаметры оснований 3 и 1,2, высота 2,2, диаметр канала 0,5 см [Савовский, 1977. – С. 65].

14. с. Златополь, к. 7, п. 2. Впускное в курган эпохи энеолита-бронзы. Находилось в 5,5 м к западу от репера и в 10,5 м к югу. Могильная яма не прослеживалась. На глубине -340 от условного 0 вытянуто на спине лежал скелет ребенка, головой на запад. За черепом стоял сосуд (1), на шейных позвонках лежала гривна (2), между колен – прясло (3).

1. Гончарный сероглиняный горшок с залощенной внешней поверхностью. Венчик фрагментирован, тулово с резко сужающимися ко дну стенками, на кольцевом поддоне. По основанию шейки горшок орнаментирован узким наlepным жгутом с косыми насечками. Диаметр дна 4 см.

2. Бронзовая гривна из круглой в сечении проволоки, с застежкой в виде крючка на одном конце и петли – на другом. На нее нанизано бронзовое кольцо с разомкнутыми концами. Диаметр гривны 11, кольца 1,2 см.

3. Керамическое биконическое прясло кремового цвета. Диаметры оснований, 3, высота 2,2 см [Савовский, 1977. – С. 69].

15. с. Большая Белозерка, Каменка Днепровского р-на, к. 21, п. 4. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 2 км к востоку от репера. Погребение в яме с подбоем. Входная яма разрушена окопом. Подбой, выкопанный в ее западной стенке, овальный в плане, ориентирован по оси СВ-ЮЗ. Южная часть его разрушена, длина не восстанавливается, ширина 0,67 м, дно на глубине -170 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С-СВ. Под ним прослежены остатки плетеной древесной подстилки. Подстилка и

скелет были покрыты тонким слоем толченого мела. За черепом справа – сосуд (1), рядом с ним – кости овцы и нож (2).

1. Лепной горшок с отогнутым венчиком, узким горлом и выпуклыми стенками. Фрагментирован.

2. Железный черешковый нож с горбатой спинкой и прямым лезвием. На черенке – остатки деревянной ручки. Длина клинка 8,2 см [Отрощенко и др. Отчет, 1978. – С. 44].

16. с. Большая Знаменка, к. 7, п. 1 (рис. 9,3). Впускное в скифский курган. Находилось в 2,7 м к СЗ от репера на глубине -75. Контур могильной ямы не прослеживались. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С. Левая рука чуть согнута в локте. За черепом находились сосуды (1, 2).

1. Гончарный красноглиняный кувшин с отогнутым венчиком, цилиндрическим горлом, овальным туловом, на кольцевом поддоне. Ручка ленточная, прямая в перегибе. Диаметр тулова 12,5, дна 6,4 см (рис. 9,3б).

2. Лепной горшок с отогнутым венчиком, округло-биконическим туловом, на плоском дне. Диаметр венчика 7,4 см, дна 6,4, высота 9,4 см (рис. 9,3в) [Рассамакин и др. Отчет, 1982. – С. 75-76].

17. с. Ильинка, к. 1, п. 6. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 1,8 м к северу от репера и в 2,7 м к западу. Контур могильной ямы не прослежены. Погребальное сооружение было перекрыто камышом. На глубине -76 от условного 0 вытянуто на спине лежал скелет головой на СВ. Правая рука слегка отведена в сторону, кисть отсутствует. Под скелетом – меловая подстилка и древесный тлен. Справа от черепа – сосуд (1), фрагменты еще одного (2), в ногах – миска (3).

1. Лепной горшок с воронковидным горлом на плоском дне. Внешняя поверхность красновато-бурого цвета. Диаметр дна 7,5 см, остальные размеры не восстанавливаются.

2. Два фрагмента сероглиняного горшка. Венчик с плоским горизонтальным краем украшен по внешнему краю косыми насечками.

3. Гончарная красноглиняная миска, с вертикальным вогнутым бортиком и косыми слабо выпуклыми стенками, сужающимися к небольшому плоскому дну, на кольцевом поддоне. Край венчика плоский. На бортике, стенке и дне – отверстия (следы ремонта). Диаметр венчика 23 см, диаметр дна 8,3, высота 7,5 см [Плешивенко. Отчет, 1987. – С. 4-5].

ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ

18. с. Первомаевка Верхнерогачикского р-на, к. 2, п. 8а. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в восточной части кургана. Могильная яма овальная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,55 x 0,5 м, дно на глубине -120 от условного 0. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на С. Под нижней челюстью найдена бусина (1).

1. Бусина биконическая, ребристая, из глухого белого стекла. Диаметр 1,2 см [Іллінська, Ковпаненко, Петровська, 1960. – С. 129-130].

19. с. Первомаевка, группа V, к. 3, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 2,3 м к юго-западу от репера. Контур ямы не прослежены. На глубине -110 от условного 0 вытянуто на спине лежал скелет, головой на ЮВ. Слева от черепа стоял сосуд (1), у правого плеча находился кремневый отщеп, у правого локтя – комок серы.

1. Красноглиняный гончарный кувшин с отогнутым венчиком, цилиндрической шейкой, овальным туловом, на кольцевом поддоне (рис. 26,10). Две прямые в перегибе ручки прикреплены одним концом у основания венчика, другим – на скате плечика. Диаметр венчика 8,5 см, дна 6, высота 17,5 см [Евдокимов и др. Отчет, 1982. – С. 58].

20. с. Новогригорьевка Генического р-на, к. 1, п. 9 (рис. 10,2). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 6 м к северу от репера. Могильная яма

прямоугольная в плане, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 1,8 x 0,65 м, дно на глубине -60 от условного 0. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на СВ. По обе стороны черепа находились серьги (1), на правом плече зеркало (2), в области грудной клетки собраны бусы (3), у левой кисти – бисер (4), на левом бедре находился предмет косметического назначения (5). В ногах стояли два сосуда (6, 7), лежали кости овцы, на них – железный нож (8), а рядом – прясло (9).

1. Две бронзовые серьги из круглой в сечении проволоки, кольцевидные, с петлей на одном конце и крючком на другом. Диаметр 2,4, сечение 0,15 см (рис. 10,2д).

2. Бронзовое плоское круглое неорнаментированное зеркало. Диаметр 7,5 см (рис. 10,2г).

3. Бусы:

– бочонковидные, сердоликовые, с двусторонним сверлением. Места начала сверления отмечены горизонтальными насечками. Камень мутный, с прожилками и вкраплениями. Длина 0,7-1,5, диаметр 0,6-0,9 см – 33 экз.;

– шаровидная гагатова черная. Диаметр 0,8 см.

4. Мелкий кольцевой бисер из глухого белого и голубого стекла – 16 экз.

5. Фрагмент стенки красноглиняного сосуда трапециевидной формы, сильно заглаженный. Применялся для растирания румян. Размеры 4,4 x 3,5 x 3,4 см.

6. Лепная сероглиняная миска с округлым загнутым венчиком, выпуклыми стенками, на невысоком поддоне. Диаметр венчика 18,5 см, дна 7,5, высота 7,5 см (рис. 10,2в).

7. Гончарная краснолаковая чашка с отогнутым венчиком, полусферическим туловом, на уплощенном дне. По плечикам – три параллельных врезных линии. Диаметр венчика 12,5 см, дна 3,3, высота 5 см (рис. 10,2б).

8. Фрагмент изогнутого по лезвию клинка железного ножа, клиновидного в сечении. Ширина 1,3 см.

9. Керамическое прясло биконическое, с вертикальным каналом. Диаметр оснований 2,3 и 1,7 см, высота 2, диаметр канала 0,5 см [Кубышев и др. Отчет, 1985. – С. 52-53].

21. с. Новогригорьевка, к. 1, п. 17 (рис. 10,3). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 6 м к югу от репера. Контуры могильной ямы не прослеживались. На глубине -57 от условного 0 вытянуто на спине, головой на СВ лежал скелет мужчины. Под ним прослежена меловая подсыпка. Слева от черепа находились подвеска (1) и фибула (2), у правого локтя-фрагмент венчика сосуда (3), у левого колена – удила и псалий (4, 5), в ногах – фрагменты железа (нож?) и фрагментированный сосуд (6).

1. Бронзовая кольцевидная подвеска с несомкнутыми концами, из круглой в сечении проволоки. Диаметр 2,5 см.

2. Фрагментированная железная фибула с подвижным приемником. Сохранился пружинный аппарат – 4-витковая пружина с верхней тетивой и игла с частью приемника. Длина фибулы 7 см (рис. 10,3б).

3. Фрагмент венчика красноглиняного гончарного сосуда. Венчик закруглен, отогнут. Основание венчика подчеркнуто двойной врезной линией. Покрит желтым ангобом.

4. Фрагменты железных двухколенчатых удил с круглыми в сечении грызлами.

5. Костяной псалий, почти прямой, уплощенный, концы закруглены и слегка загнуты. В центре 8-видное расширение с двумя круглыми отверстиями для ремней узды и следами железных окислов от удил. Длина псалия 9,5, диаметр отверстия 0,6 см (рис. 10,3в).

6. Фрагмент сероглиняного гончарного кувшина с отогнутым венчиком, округлым туловом, на плоском дне. Диаметр дна 7,5 см [Кубышев и др. Отчет, 1985. – С. 55].

23. Геническ, р/ц, к. 1, п. 3. Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось

в 4 м к востоку от репера. Погребальное сооружение и скелет почти полностью разрушены норой лисы. В бровке прослежена часть стенки, судя по которой погребение находилось в яме с подбоем. Из инвентаря сохранились два сосуда (1,2).

1. Гончарный красноглиняный кувшин с резко отогнутым закругленным венчиком, цилиндрическим горлом, широким овальным туловом, на плоском дне с закраиной и поддоном. Прямая в перегибе ручка одним концом прикреплена чуть ниже венчика, другим – на скате плечика. По длинной оси ручки – рельефный валик. Под венчиком – полоса красного лака шириной 1,2 см, три параллельных полосы – по середине тулова. Диаметр венчика 10, дна 8, высота кувшина 20,5 см, ширина ручки 2,5 см (рис. 26,8).

2. Лепной горшочек с вертикальным, чуть отогнутым венчиком, приземистым, почти цилиндрическим туловом, на широком плоском дне, выделенном пальцевыми вдавлениями. Диаметр венчика 6 см, дна 5,5, высота 6,2 см [Кубышев и др., 1987. – С. 98].

23. с. Водославка Новотроицкого р-на, к. 8, п. 3 (рис. 11,1). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 5 м к югу от репера и в 4 м к западу. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ, размеры 2,34 x 0,9 м, дно на глубине -190 от условного 0. На дне ямы – решетчатое гробовище, основу которого составляли две продольные рейки длиной не менее 2 м, сечением 4,5 x 4,5 см. Они соединялись четырьмя поперечными рейками в паз. Поверх поперечных реек продольно уложены тонкие доски (типа дранки) толщиной около 0,3 см. Гробовище несколько расширялось к изголовью. Верх его перекрывали такие же доски, что и низ. Скелет мужчины 35-55 лет лежал вытянуто на спине, головой на СВ, несколько по диагонали гробовища. Ноги скрещены в щиколотках. Под левой ключицей – фрагментированная фибула (1), вдоль левой руки – меч (2), на уровне берцовых костей, у восточной стенки гробовища – нож (3), в ногах стоял сосуд (4). По дну гробовища прослежен черный тлен, вокруг фибулы – окислившиеся фрагменты серо-зеленой ткани типа холста.

1. Фрагменты железной проволочной подвязной фибулы. Сохранился пружинный аппарат: 2-витковая пружина с верхней тетивой, резко изогнутое над ним основание ножки, часть спинки с обмоткой приемника и фрагмент иглы (рис. 11,1а).

2. Железный меч с рукоятью-штырем без перекрестья. Клинок обоюдоострый, без ребра, лезвия постепенно сужаются к острию. Пята клинка переходит в рукоять-штырь под тупым углом. Штырь квадратный в сечении, сужающийся к концу, увенчан плоским квадратным навершием. На клинке и черенке следы дерева от ножен и рукояти. Длина клинка 73 см, ширина у пяты 4, длина черенка 14, сечение 1,2 x 1,2, размеры навершия 1 x 1 см (рис. 11,1б).

3. Железный черешковый нож с изогнутым клиновидным в сечении клинком и плоским черенком (обломан). Черенок отделен от лезвия небольшим уступом. На нем – следы деревянной рукояти. Длина клинка 7,5 см, ширина у пяты 1,7, длина сохранившейся части черенка 1,6, ширина 1,2 см (рис. 11,1в).

4. Лепной горшок с отогнутым косо срезанным венчиком, воронковидным горлом, покатыми плечиками, раздутым посередине туловом, переходящим в широкое плоское дно. Верхняя часть горшка коричнево-черного, нижняя – бежевого цвета. Диаметр венчика 12 см, дна 8,5, тулова 18, высота 20 см (рис. 11,1г) [Кубышев и др. Отчет, 1983. – С. 80-81].

24. с. Калиновка, к. 1, п. 9 (рис. 13,2). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 4 м к юго-западу от репера. Прослежена северо-западная часть погребения, остальная уничтожена норой. Могильная яма узкая, прямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, шириной 0,4 м, длина сохранившейся части 0,85 м, дно на глубине

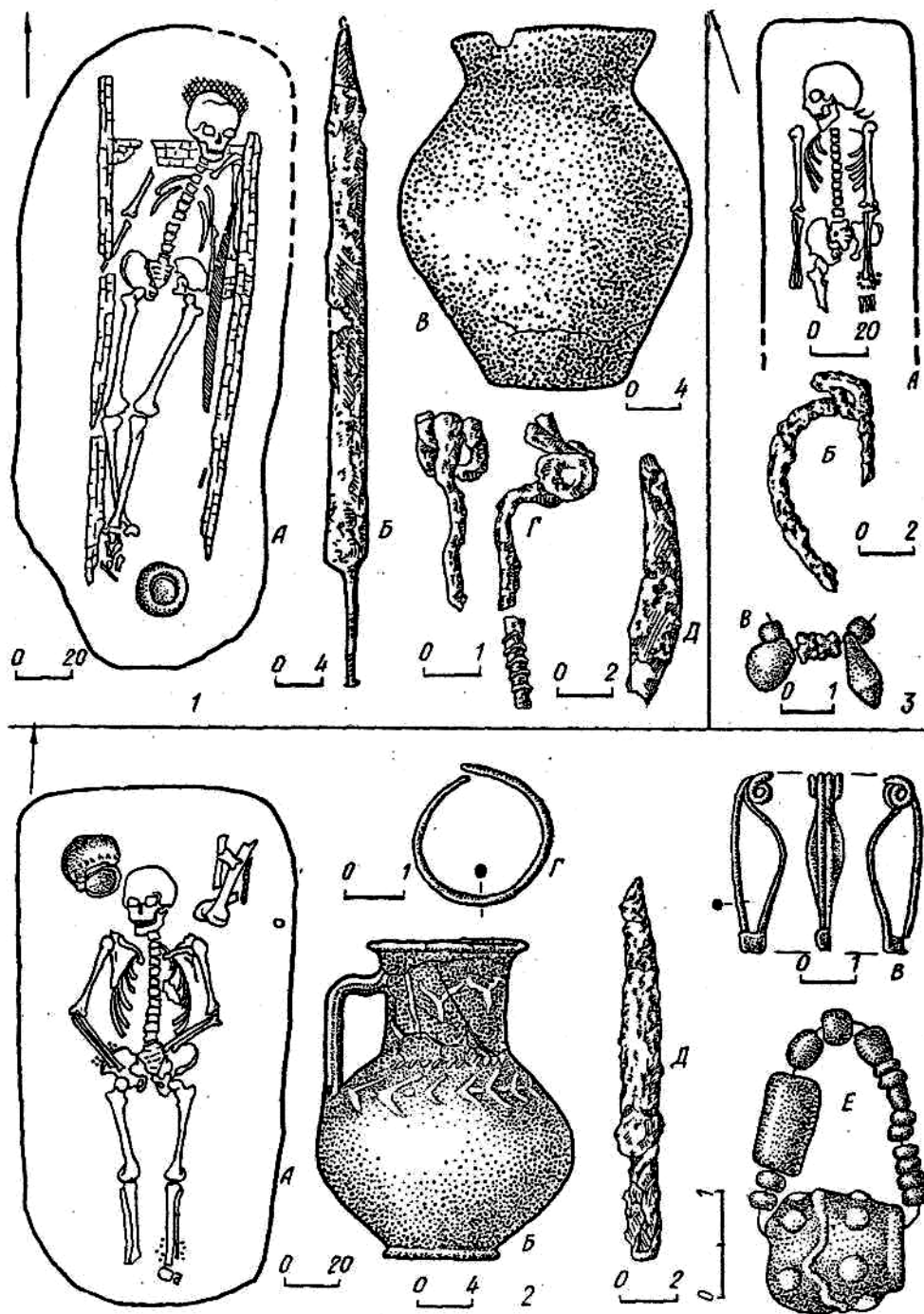

Рис. 11. Погребения I – первой половины II в. н. э.
1 – Водославка, 8/3; 2 – Подовое, 6/1; 3 – Сергеевка, 4/1.

-100 от условного 0. Судя по сохранившимся черепу и левой плечевой кости, скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Под ним прослежена меловая подсыпка, у левого локтя пятно красной краски. За черепом у стенки стояла миска (1), в ней находился обломок бедра барана. Между миской и черепом найдено зеркало (2). В районе шеи лежали два обломка подвески (3) и бусы (4).

1. Лепная сероглиняная миска с уплощенным загнутым венчиком, с внеш-

ней стороны подчеркнутым круговым вдавлением, сферическими стенками, на плоском, слегка выделенном дне. Поверхность серо-коричневая. Диаметр венчика 24 см, дна 11, высота 9,5 см (рис. 13,2б).

2. Фрагментированное бронзовое круглое плоское неорнаментированное зеркало. По краю проходит невысокий рельефный валик. Диаметр 12 см (рис. 13,2в).

3. Два фрагмента изделия (подвески?) из полукруглой в сечении серебряной проволоки. Один из них прямой, второй загнут крючком.

4. Бусы (рис. 13,2г):

- округло-сдавленные, из прозрачного синего стекла, с вертикальным каналом. Диаметр 0,5 см – 3 экз.;

- бочонковидная, из прозрачного оранжевого стекла, с горизонтальным каналом. Длина 0,7, диаметр 0,5 см;

- биконические, из белого стекла, с металлической прокладкой. Диаметр 0,3 см – 2 экз.;

- округло-сдавленные, из прозрачного белого стекла, некоторые с металлической прокладкой. Диаметр 0,4-0,2 см – 10 экз. [Кубышев и др. Отчет, 1984 – С. 167].

25. с. Метрополь, к. 8, п. 1 (рис. 9,2). Основное. Находилось в центре полностью распаханной насыпи (пятна). Яма овальная в плане, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, размеры 1,9 х 0,8 м, дно на глубине -50 от уровня погребенного чернозема. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Грудная клетка и таз не сохранились. Ноги сведены в коленях и слегка согнуты влево. Кисть правой руки – в области таза. Близ шеи найдена бусина.

Веретенovidная бусина из прозрачного янтарно-желтого и голубого стекла, с двумя диагонально-поперечными белыми линиями, с вертикальным каналом (рис. 9,2б). Длина 1,5, диаметр 0,5 см [Кубышев и др., 1977. – С. 84].

26. с Подовое, к. 6, п. 1. (рис. 11,2). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в центре кургана. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2 х 1 м, дно на глубине -115 от условного 0. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на С, кисти – на тазу. В северо-западном углу могилы стоял сосуд (1), в северо-восточном находились кости барана и среди них нож (2), у левого запястья и левой щиколотки – бусы (3). На правой стороне грудной клетки лежала фибула (4), у черепа – височное кольцо (5).

1. Гончарный красноглиняный кувшин с овальным, сильно отогнутым венчиком, цилиндрическим горлом, округлым биконическим туловом, на кольцевом поддоне. Ленточная, прямая в перегибе ручка одним концом прикреплена на верхней части шейки, другим – на скате плечика, по ручке – три каннелюры. Основание венчика подчеркнуто врезной линией, две широких неглубоких линии – по середине шейки, две такие же, но более узкие – по плечикам. Верхняя часть сосуда орнаментирована белой краской – "гаммы" по верхней части шейки, косые штрихи – по основанию шейки, шевроны, чередующиеся с пунктиром – по плечикам. Кувшин вплоть до придонной части покрыт плохим красно-бурым лаком. Диаметр венчика 11,5 см, дна 8, высота 22 см (рис. 11,2б).

2. Железный черешковый нож с горбатой спинкой и прямым лезвием. Клинок клиновидный в сечении, черенок плоский, на нем – следы деревянной рукояти. Переход от клинка к черенку утрачен, черенок фрагментирован. Длина клинка 9,5 см, ширина у пяты 1,7, ширина черенка 1,2 см (рис. 11,2д).

3. Бусы (рис. 11,2е):

- бочонковидные, сердоликовые, с горизонтальным каналом. Сверление канала двустороннее, места начала сверления отмечены двумя бороздками. Длина 0,8, диаметр 0,6 см – 2 экз.;

- округлая, поперечно сжатая, сердоликовая с вертикальным каналом. Диаметр 0,6 см;

– бочонковидная, из глухого синего стекла, обвитая поперек волнообразной белой нитью, украшена двумя рядами бородавчатых сине-белых глазков. Длина 2,7, диаметр 2,3 см;

– цилиндрическая, из глухого коричневого стекла. Длина 7, диаметр 1 см;

– округлые, поперечно-сжатые, из прозрачного белого стекла. Диаметр 0,4 см – 11 экз.

4. Бронзовая фибула одночленная, с овальной, сужающейся к приемнику спинкой, прямоугольным приемником и двухвитковой пружиной с верхней тетивой. Спинка орнаментирована прочерченными по краю линиями. Длина 3,3, ширина спинки 0,7 см (рис. 11,2в).

5. Бронзовая кольцевидная подвеска из круглой в сечении проволоки, с заостренными заходящими друг за друга концами. Диаметр 2,7, сечение 0,2 см (рис. 11,2г) [Кубышев и др. Отчет, 1977. – С. 128].

27. с Сергеевка, к. 4, п. 1 (рис. 11,3). Основное, в центре насыпи распаханного кургана диаметром 40 м, высотой от уровня погребенного чернозема 1,3 м. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ, размеры 1,8 x 0,6 м, дно на глубине -190 от условного 0 (-60 от уровня погребенного чернозема). Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С-СВ. У левого плеча найдена фибула (1), на правом запястье – браслет из бусин (2), в области шеи бусины (3).

1. Железная проволоочная фибула с подвязным приемником и двухвитковой пружиной с верхней тетивой. Приемник и игла фрагментированы. Длина сохранившейся части 7,8 см, высота 4, сечение 0,3 см (рис. 11,3б).

2. Бусы браслета округло-сжатые с вертикальным каналом из матового стекла. Диаметр 0,55 см – 22 экз.

2. Бусы ожерелья (рис. 11,3в):

– грушевидная подвеска из прозрачного зеленого стекла. Спаяна из двух половинок. Диаметр 0,8, высота 1,1 см;

– стрелковидная, из прозрачного желтого стекла. Длина 1,5, диаметр 0,6 см;

– цилиндрические, с двумя поперечными рядами бугорков, из прозрачного желтоватого стекла с металлической прокладкой. Диаметр 0,4, высота 0,4 см – 2 экз.;

– цилиндрические, из прозрачного стекла, с металлической прокладкой. Диаметр 0,5, высота 0,3 см – 2 экз. [Кубышев и др. Отчет, 1976. – С. 138].

28. с. Громовка, к. 1, п. 3 (рис. 9,6). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 8 м к северу от репера и в 2,5 м к западу. Погребение в яме с подбоем. Входная яма неправильной треугольной формы, размеры 1,8 x 0,45 м, дно на глубине -230 от условного 0. Подбой – в юго-восточной стенке входной ямы, прямоугольный в плане, ориентирован по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,2 x 0,7 м, дно на глубине -250 от условного 0. Дно входной ямы обрывается в подбой ступенькой высотой 0,2 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. У правой ключицы найден фрагмент ножа (1), в ногах стояла миска (2), в которой находились кости жеребенка.

1. Фрагмент клинка железного ножа, клиновидный в сечении. Длина 4, ширина 1,5 см.

2. Лепная сероглиняная миска с загнутым венчиком, округлыми стенками, на кольцевом поддоне. Диаметр венчика 21,5 см, дна 9, высота 9,5 см (рис. 9,6б) [Кубышев и др. Отчет, 1985. – С. 43].

29. с Софиевка Каховского р-на, к. 18, п. 1. Впускное в курган срубной культуры. Находилось в 7,5 м к югу от репера. Контуры могильной ямы не прослеживались. На глубине -89 от условного 0 вытянуто на спине, головами на С лежали скелеты двух подростков. Между их черепами стоял сосуд (1), за ним находились кости овцы и нож (2).

1. Красноглиняный гончарный горшок с низким отогнутым венчиком (утрачен), широкими плечиками, сужающимся ко дну туловом, на плоском дне. На плечиках помещались две круглые в сечении петлевидные ручки

(сохранилась одна). Основание венчика подчеркнуто рельефной линией, три врезных линии проходят по плечу. Диаметр тулова 20 см, дна 10, высота 18 см (рис. 26,6).

2. Фрагментированный железный черешковый нож, клиновидный в сечении [Симоненко, 1977. – С. 223].

30. с. Софиевка, к. 25, п. 1. Основное. Насыпь кургана овальная в плане, ориентирована по оси В-3, размеры 50 x 24 м. Сооружена в один прием из однородного чернозема, высота насыпи 1 м от уровня погребенной почвы. Могильная яма овальная в плане, ориентирована по оси В-3, размеры 1,9 x 1,04 м, дно на глубине -60 от уровня погребенного чернозема. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на В. Верхняя часть скелета разрушена. В районе шеи найдены две бусины (1).

1. Округлые глазчатые бусы из глухого светло-зеленого стекла, украшенные тремя рельефными глазками – отрезками слоистого сине-белого прутлика. Диаметр 0,8 см [Симоненко, 1977. – С. 223].

31. с. Софиевка, к. 25, п. 2. Впускное в сарматский курган, в 6,3 м к С от репера. Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на С на глубине -65 от условного 0. За черепом стояла миска (1), в ней находились кости барана и нож (4), справа от черепа найдены еще два сосуда (2, 3) и зеркало (5), под черепом – серьга (6), а в районе голени – бусы (7).

1. Лепная сероглиняная миска с уплощенным загнутым венчиком, округлыми стенками, на плоском дне. Внешний край венчика подчеркнут кольцевой углубленной линией. Диаметр венчика 26,5, дна 9, высота 9,4 см.

2. Гончарный красноглиняный кувшинчик со слегка отогнутым венчиком, грушевидным туловом, на кольцевом профилированном поддоне. Петлевидная, имитирующая двустольную, ручка одним концом закреплена на краю венчика, другим – на скате плечика. Верхняя точка изгиба ручки выше уровня венчика. Диаметр венчика 8,2 см, шейки 11, дна 6,5, высота 11,5 см.

3. Лепная чашечка из желтой глины. Венчик заострен и слегка загнут, стенки округлые, на кольцевом поддоне. Диаметр венчика 7 см, дна 4, высота 4,2 см.

4. Железный черешковый нож с изогнутым клиновидным в сечении клинком и плоским коротким черенком. Черенок отделен от клинка перехватом со стороны лезвия. Длина клинка 10 см, ширина у пяты 1,7, длина черенка 2,5, ширина 1,3 см. Концы клинка и черенка обломаны.

5. Бронзовое круглое плоское неорнаментированное зеркало, фрагментировано. Диаметр 7,4 см.

6. Бронзовая кольцевидная серьга из круглой в сечении проволоки, с петель на одном конце и крючком – на другом. Диаметр 2,7, сечение 0,3 см.

7. Мелкий кольцевой бисер из глухого голубого и белого стекла – 6 экз. [Симоненко, 1977. – С. 224].

32. с. Софиевка, к. 40, п. 24. Впускное в курган эпохи бронзы, в 26 м к западу-юго-западу от репера. Погребение полностью уничтожено вспашкой. Судя по сохранившимся ступеням, скелет лежал вытянуто на спине, головой на С. В ногах стоял сосуд (1).

1. Гончарный серолощенный горшок с отогнутым профилированным венчиком со скошенным краем и вдавленной внутренней поверхностью, низкой шейкой, округло-биконическим туловом, на плоском, слегка вогнутом дне. На плечиках – две подпрямоугольные в сечении петлевидные ручки. По плечикам – орнаментальный пояс, состоящий из рельефного валика у основания шейки, образованного двумя параллельными вдавлениями, врезной линией посередине тулова и зигзагообразной врезной линией между ними. Вокруг зигзага – точечные наколы. Диаметр венчика 12,5 см, тулова 21,2, дна 4,5, высота 18,2 см (рис. 26,7) [Симоненко, 1977. – С. 224].

33. с. Софиевка, к. 42, п. 2. Впускное в курган эпохи бронзы, в 2 м к С

от репера. Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. Под ним прослежены следы травяной подстилки. За черепом стоял сосуд (1), рядом с ним находился фрагмент ножа, в районе грудной клетки — бусы (2), у левой кисти — прясло (3) (рис. 21,2).

1. Гончарный сероглиняный кубок с отогнутым венчиком, широким горлом и грушевидным туловом. На плечике — стилизованная зооморфная ручка. Дно вогнутое, плоское. Венчик фрагментирован. Диаметр тулова 12,5 см, дна 7,5, высота 11,7 см (рис. 21,2б).

2. Керамическое усеченно-коническое прясло с вертикальным каналом. Диаметр оснований 2 и 3,8 см, высота 3 см (рис. 21,2в).

3. Мелкий кольцевой бисер из глухого белого и голубого стекла — 40 экз. [Симоненко, 1977. — С. 223].

34. с. Любимовка, к. 26, п. 2 (рис. 12,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 2,5 м к северо-западу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленной северной стенкой, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2,2 x 0,8 м, дно на глубине -115 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на Ю. Верхняя часть посткраниального скелета разрушена. В ногах стояли пять сосудов (1-5), у левого колена лежала фибула (6), вокруг голеней — бусы (7).

1. Краснолаковая гончарная миска с закругленным загнутым венчиком, округлыми стенками, на кольцевом поддоне. Основание поддона с одной стороны подчеркнуто штампованной полосой косых насечек. Длина полосы около 8 см. Над ней в горизонтальной части стенки такая же полоса, но короче, около 5 см. На стенке под венчиком два отверстия — следы ремонта. Лак оранжевый, невысокого качества. Внутренняя поверхность покрыта им полностью, внешняя — до придонной части, с подтеками. Диаметр венчика 21 см, дна 9,5, высота 10,5 см (рис. 12,1б).

2. Краснолаковая гончарная тарелка с заостренным загнутым венчиком, имеющим внутреннее ребро, на кольцевом поддоне. В центре внутренней поверхности штампованное клеймо — стопа, окруженная косой штриховкой. На одном участке стенки — три пары отверстий (следы ремонта). Лак оранжевый, невысокого качества. Внутренняя поверхность лакирована полностью, внешняя — до придонной части, с подтеками. Диаметр венчика 20 см, дна 9, высота 4,5 см (рис. 12,1в).

3. Гончарный красноглиняный кубок со слегка отогнутым заостренным венчиком, грушевидным туловом, на кольцевом поддоне. Ручка утрачена, крепилась одним концом под венчиком, другим — на скате плечика. Диаметр венчика 5,5 см, дна 4,5, высота 7,7 см (рис. 12,1е).

4. Гончарный сероглиняный горшок с округлым отогнутым венчиком, округло-биконическим туловом, на плоском слегка вогнутом дне. По плечу — две параллельные кольцевые вдавленные линии, образующие валик. Диаметр венчика 7,5 см, дна 5,5, высота 9,5 см (рис. 12,1з).

5. Лепной сероглиняный горшочек с округлым отогнутым венчиком, невысокой цилиндрической шейкой, округлым туловом, на уплощенном дне. Основание шейки подчеркнуто неглубоким вдавлением. Внешняя поверхность подложена, черного цвета. Диаметр венчика 7,5 см, дна 5, высота 11 см (рис. 12,1д).

6. Бронзовая проволоочная лучковая подвижная фибула. Спинка дуговидная ромбическая в сечении, конец ножки уплощен и слегка расширен. Приемник обвязан вокруг спинки в один оборот. Пружина двухвитковая, с верхней тетивой. Длина фибулы 6,5, высота 2,5 см (рис. 12,1ж).

7. Бусы бочонковидные, с невысоким манжетом у начала отверстия и горизонтальным каналом, из глухого коричневого стекла. Длина 0,8, диаметр 0,6 см — 50 экз. [Лесков и др. Отчет, 1968. — С. 26].

35. с. Новокаменка, к. 3, п. 4. (рис. 9,4). Впускное в курган эпохи бронзы,

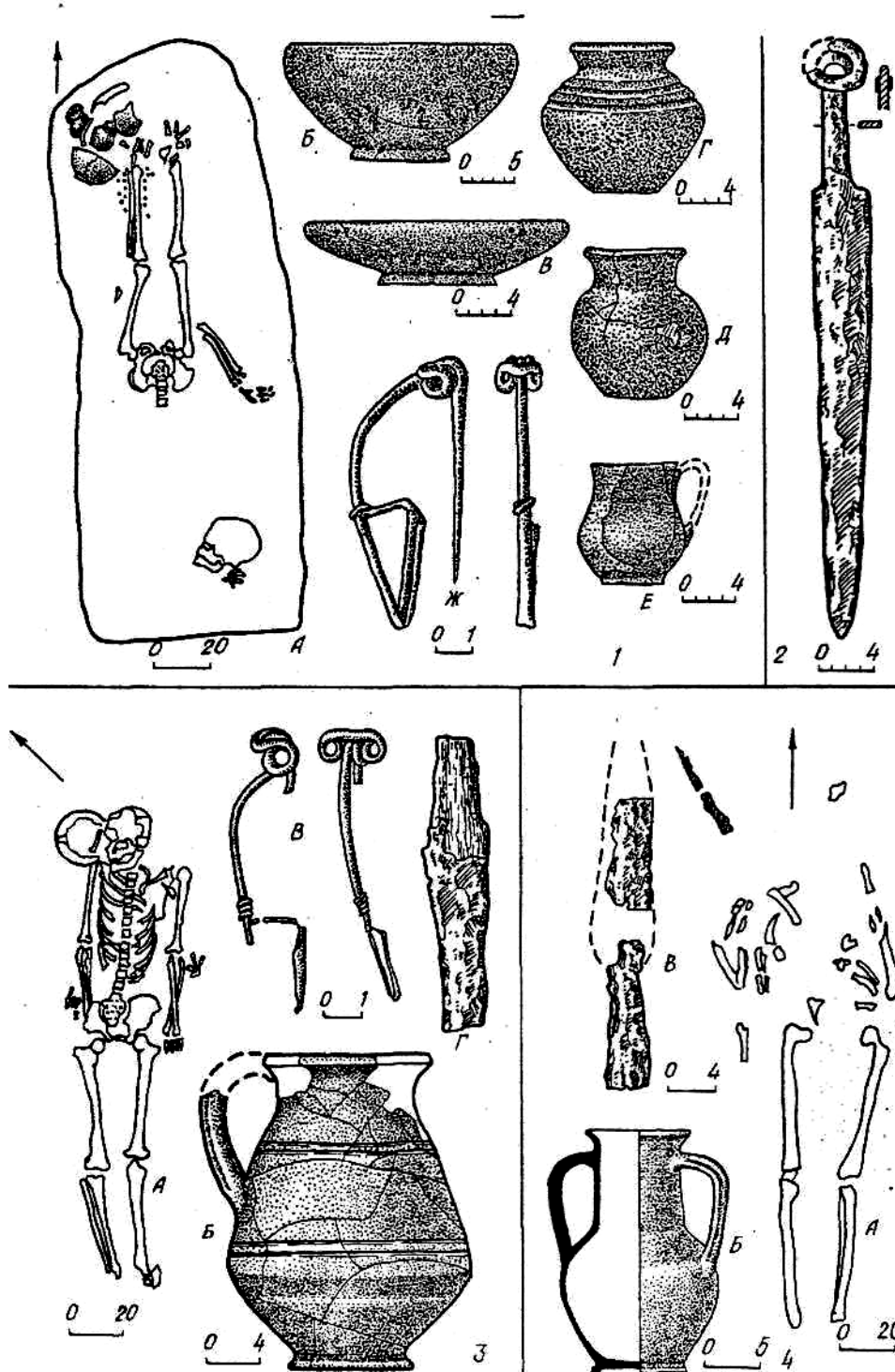

Рис. 12. Погребения I – первой половины II в. н. э.
1 – Любимовка, 26/2; 2 – Староселье; 3 – Вольная Дружина, 5/9; 4 – Осокоровка, 4/1.

в 2,3 м к северу от репера и в 1,3 м к западу. Контуры могильной ямы не прослеживались. В заполнении над скелетом зафиксированы остатки продольных плах деревянного перекрытия и уголь. Скелет мужчины 35-55 лет лежал вытянуто на спине, головой на СВ на глубине -85 от условного 0. Вдоль правого бедра располагался меч (1), рядом с ним оселок (2), под левой лопаткой лежал кусок мела. В ногах погребенного находились кости овцы.

1. Железный меч с кольцевым навершием (распалось) и прямым перекрестьем. Клинок линзовидный в сечении, лезвия сужаются в последней трети длины. На ручке и клинке – следы деревянных обкладок. Перекрестье прямое, узкое. Ручка слегка сужается к навершию. Длина клинка 41 см, ширина у пяты 5, длина перекрестья 6,5, ширина 2,5, длина ручки 9 см (рис. 9,4б).

2. Два фрагмента сланцевого оселка каплевидной формы, округлого в сечении. Верхняя часть значительно шире нижней. В широкой части отверстие. Длина оселка 12, сечение 4 x 1,5 см (рис. 9,4в) [Кубышев и др. Отчет, 1983. – С. 21].

36. с. Богдановка, к. 2, п. 2. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ на глубине -54 от условного 0. У левой кисти лежал оселок (1), на левом крыле таза – нож (2).

1. Оселок из кварцитового песчаника, подпрямоугольный в сечении, с закругленными торцами, расширяющийся в нижней части. В верхней части в 0,9 см от края – отверстие диаметром 0,2 см. Длина оселка 10,9, сечение 2,5 x 1,4 см.

2. Фрагмент железного ножа, клиновидного в сечении. Ширина клинка 1,5 см [Кубышев и др. Отчет, 1977. – С. 48].

37. с. Архангельская Слобода, к. 4, п. 8 (рис. 13,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 1,75 м к северо-востоку от репера. Могильная яма была перекрыта каменным закладом из бессистемно расположенных плит известняка. Яма прямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,05 x 1,75 м, дно на глубине -115 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ, кисти рук на тазу. Поверх него прослежены остатки цинковки. По обе стороны черепа лежали подвески (1), чуть ниже левого плеча – кольцо (2), между левым локтем и грудной клеткой найден браслет (3). На тазовых костях, под скелетом и в нижней части ямы собраны бусы (4). Чуть ниже левой ступни лежало зеркало (5), а около правой ступни – сосуд (6).

1. Бронзовые спиралевидные цилиндрические подвески из круглой в сечении проволоки. Длина 1,2, сечение 0,2 см.

2. Бронзовое массивное кольцо с желобком внутри. В желобке зафиксированы остатки кожи. Диаметр кольца 2,2 см, ширина 0,6, диаметр отверстия 1,1 см (рис. 13,1е).

3. Бронзовый браслет с тупыми, заходящими друг за друга концами, из круглой в сечении проволоки. Диаметр браслета 6,2, сечение 0,35 см (рис. 13,1з).

4. Бусы (рис. 13,1д):

– ромбическая, уплощенная, из прозрачного желтого стекла, с горизонтальным каналом. Размеры 2 x 1,2 см;

– округлая, с ребристой поверхностью, из прозрачного светло-голубого стекла. Диаметр 1,1, толщина 0,5 см;

– округлая, из глухого красного стекла, украшенная семью сине-бело-желтыми глазками. Диаметр 0,85 см;

– уплощенная треугольная подвеска из прозрачного фиолетового стекла, покрытая серебристым налетом. Размеры 0,85 x 0,6 см;

– округлые, из прозрачного стекла, с вертикальным каналом. Диаметр 1,1 см – 2 экз.;

– округло-сжатая из оранжевого стекла, с металлической прокладкой. Диаметр 0,6 см;

– биконические, из прозрачного стекла, с металлической прокладкой. Диаметр 0,5 см – 2 экз.;

– бочонковидные, из глухого белого стекла, с горизонтальным каналом. Длина 0,6, диаметр 0,35 см – 3 экз.;

– округло-сжатые, из глухого синего, белого, коричневого стекла. Диаметр 0,3-0,7 см – 37 экз.

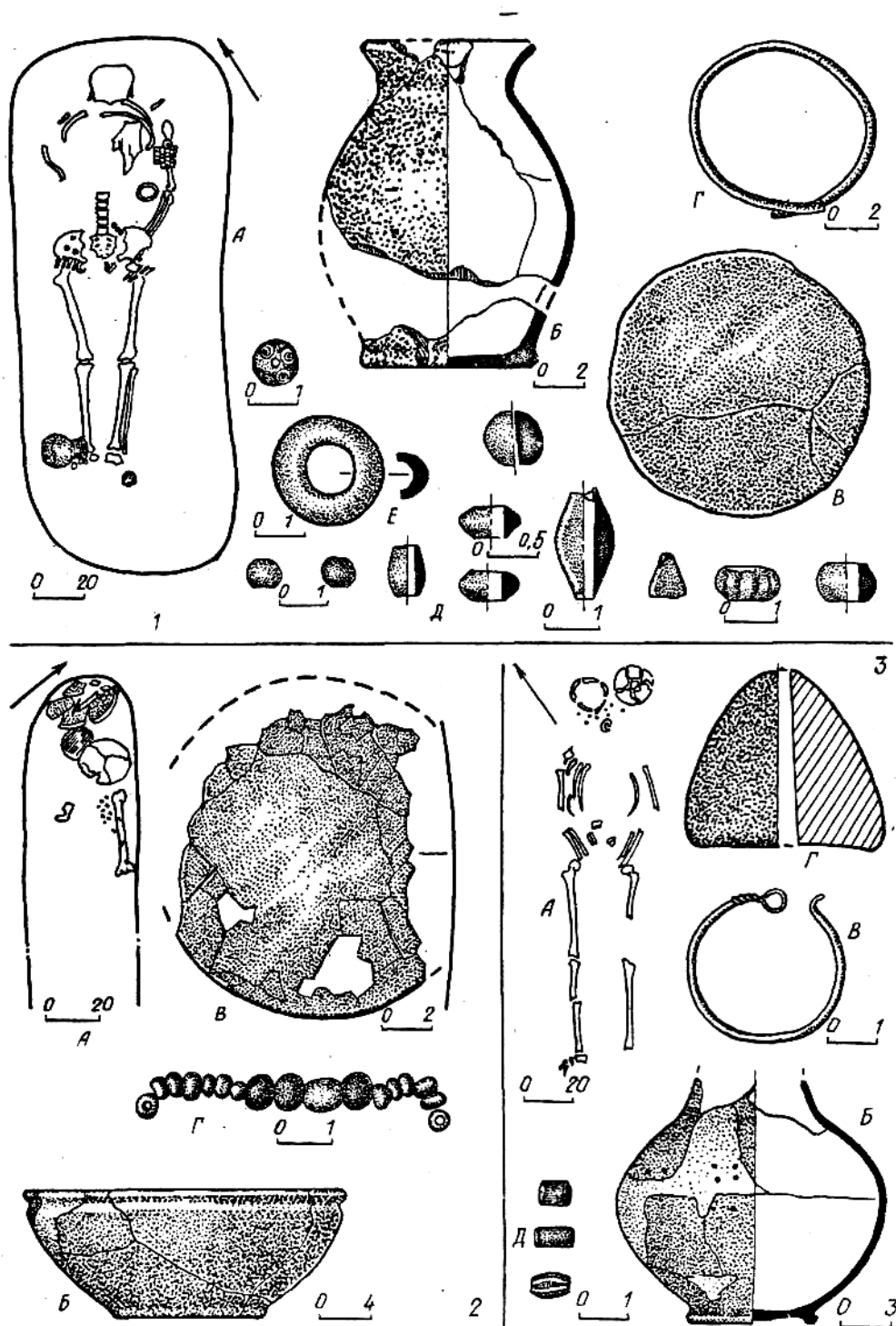

Рис. 13. Погребения I — первой половины II в. н. э.
1 — Архангельская Слобода, 4/8; 2 — Калиновка, 1/9; 3 — Семеновка, 1/5.

5. Бронзовое круглое плоское неорнаментированное зеркало. Диаметр 5 см (рис. 13, Г).

6. Фрагментированный лепной горшочек с округлым отогнутым венчиком, воронковидной шейкой, грушевидным туловом, на плоском дне. Нижняя часть не восстанавливается. Диаметр венчика 7, дна 6,8 см [Лесков и др. Отчет, 1969. — С. 101].

38. с. Архангельская Слобода, к. 7, п. 1. Основное. Насыпь совершенно распахана и выделялась на поверхности поля более светлым пятном. В центре пятна под закладом из трех известняковых плит находилась могильная яма, прямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками. На отметке -120 от условного 0 по всему периметру ямы, кроме северной стенки, проходил узкий уступ. Яма ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,8 х 0,75 м, дно на глубине -145 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С. У правой голени найдена половинка цилиндрической бусины из молочно-белого стекла. Диаметр 1 см, высота 0,8 см [Лесков и др. Отчет, 1969. – С. 110].

39. с. Красный Перекоп, группа РІ-І, к. 1, п. 1 (рис. 15,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 2,7 м к С от репера. Контуры ямы не прослеживались. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. На левом крыле таза найден сосуд (1), за черепом – кости овцы и нож (2).

1. Лепной сероглиняный кувшин с округлым отогнутым венчиком, округлым туловом, на плоском дне. Ручка утрачена, крепилась одним концом под венчиком, другим — на скате плечика. Диаметр венчика 9 см, дна 8, высота 15 см (рис. 15,1б).

2. Фрагмент клинка железного ножа с горбатой спинкой и прямым лезвием, клиновидный в сечении. Длина 7,8, ширина 1,6 см [Лесков и др. Отчет, 1970. – С. 56].

40. с. Семеновка, группа II, к. 1, п. 5 (рис. 13,3). Впускное в курган эпохи бронзы, в 3 м к северо-западу от репера. Контуры ямы не прослежены. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на СВ на глубине -125 от условного 0. Кисти находились на тазу. Слева от черепа стоял сосуд (1), у черепа лежали серьга (2) и бусы (3), на костях таза – прясло (4).

1. Гончарный красноглиняный кувшин. Венчик и горло отбиты, тулово шаровидное, на кольцевом поддоне. На тулове следы ремонта – два ряда отверстий. Диаметр горла 7,5 см, дна 7, высота 14 см (рис. 13,3б).

2. Бронзовая кольцевидная серьга из круглой в сечении проволоки. Один конец свернут в петлю, другой – загнут крючком. Фрагментирована. Диаметр 3, сечение 0,2 см (рис. 13,3в).

3. Бусы (рис. 13,3д):

– бочонковидные, из глухого темно-лилового стекла с чередующимися белыми горизонтальными полосками. Длина 0,8, диаметр 0,4 см – 19 экз.;

– цилиндрические из кирпично-красного коралла. Длина 0,7, диаметр 0,4 см – 5 экз.

4. Керамическое округло-коническое прясло с вертикальным каналом. Основание слегка вогнуто. Поверхность серо-бежевого цвета. Высота 3,2 см, диаметр 3,7, диаметр канала 0,45 см (рис. 13,3е) [Лесков и др. Отчет, 1971. – С. 28-29].

41. с. Магдалиновка Чаплинского р-на, к. 3, п. 2 (рис. 14,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 1,25 м к северу от репера. Погребение в яме с подбоем. Входная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 1,9 х 0,66 м, дно на глубине -200 от условного 0. Дно входной ямы невысокой пологой ступенькой спускалось в подбой северной стенки. Его форма в плане – сильно вытянутый овал, ориентирован по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,2 х 0,6 м, дно на глубине -210 от условного 0. Скелет мужчины (?) старше 55 лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В западном углу ямы, почти у края ступеньки, найден сосуд (1), в ногах скелета – еще один (2), за черепом лежали половина скелета передней части тушки овцы и нож (3). У левого крыла таза найден оселок (4).

1. Красноглиняный арибалл с узким горлом и шаровидным туловом на кольцевом поддоне. Ручка утрачена. Верхняя часть тулова украшена двумя concentрическими полосками бурого лака, им же покрыта придонная часть и поддон. Диаметр горла 2,3 см, тулова 11, дна 6,3, высота 11,3 см (рис. 14,1в).

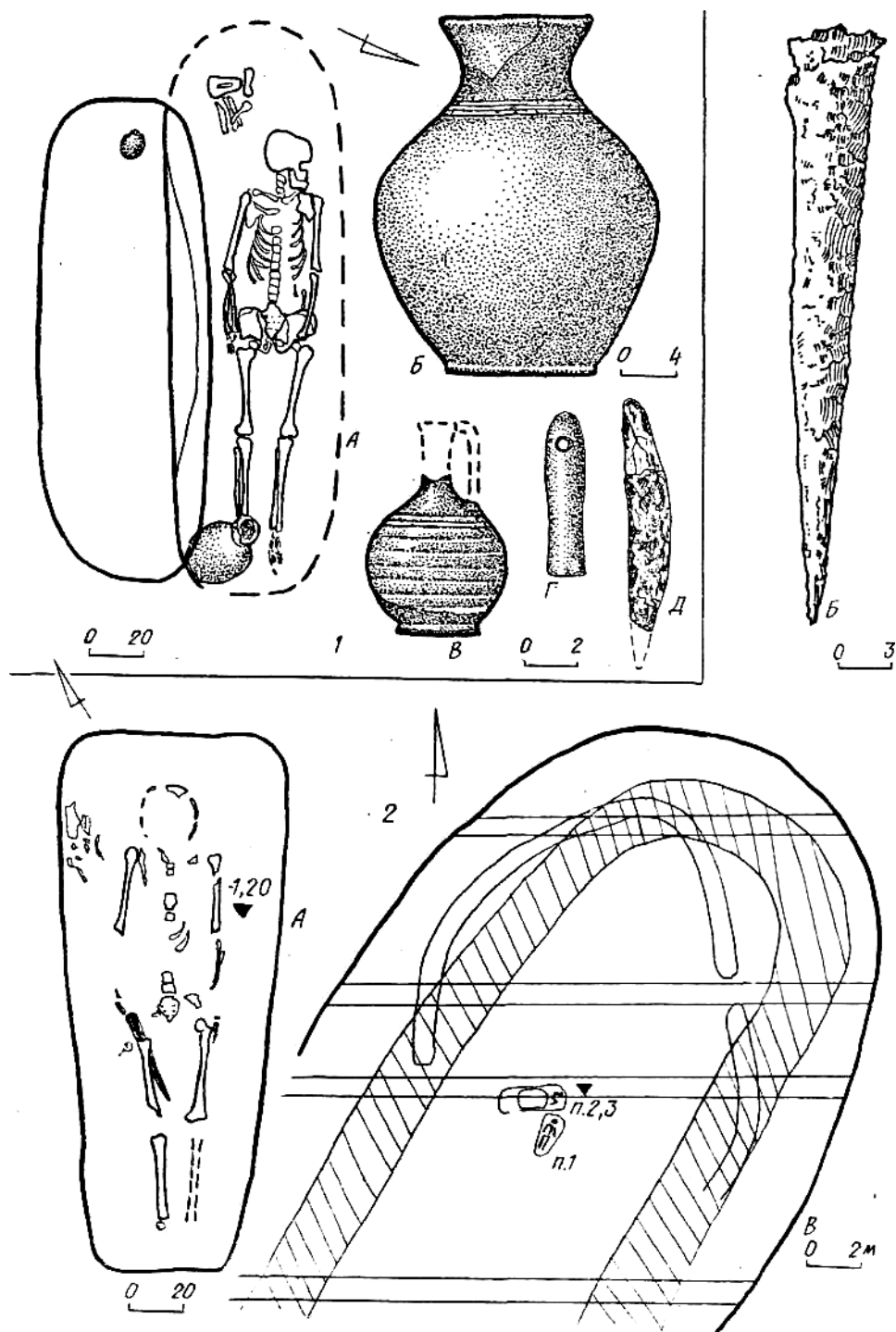

Рис. 14. Погребения I – первой половины II в. н. э.
1 – Магдалиновка, 3/2; 2 – Павловка, 1/1.

2. Гончарный сероглиняный горшок с округлым отогнутым венчиком, воронковидным горлом, покатыми плечиками, сужающимся ко дну туловом, на кольцевом поддоне. Поверхность покрыта черным лощением. По основанию шейки – четыре concentрических врезных линии. Диаметр венчика 10 см, тулова 22, дна 11,6, высота 22 см (рис. 14,1б).

3. Железный черешковый нож с горбатой спинкой и прямым лезвием, черенок плоский, короткий, не выделен. Сохранились остатки деревянной ручки. Острие обломано, клинок клиновидный в сечении. Длина клинка 5,6 см, ширина у пяты 1,7, длина черенка 3 см (рис. 14, 1д).

4. Обломок сланцевого оселка с закругленным концом. В 1 см от него – сквозное отверстие. Оселок овальный в сечении, длина его 6 см, сечение 1 х 1,4, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 14, 1г) [Кубышев и др. Отчет, 1984. – С. 182-183].

42. с. Павловка, к. 1, п. 1 (рис. 14, 2). Впускное в срубный курган, в 1,5 м к юго-западу от репера. Могильная яма трапециевидная в плане, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2 х 0,85 х 0,5 м, дно на глубине -120 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Под правым бедром найден меч (1), справа от черепа лежали кость овцы и фрагмент железного изделия (ножа?).

1. Железный меч с кольцевым навершием и прямым перекрестьем (фрагментированы). Клинок в форме сильно вытянутого треугольника, линзовидный в сечении. Длина клинка 34, ширина у пяты 4,5 см (рис. 14, 2б) [Кубышев и др. Отчет, 1975. – С. 77-78].

43. с. Каирка, к. 6, п. 3. Впускное в курган эпохи бронзы, в 1,2 м к югу от репера и в 5,5 м к востоку. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2,2 х 0,9 м, дно на глубине -60 от условного 0. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на С. У правой кисти – скелет грудного ребенка в той же позе и ориентации. На пальце правой руки женского скелета было надето кольцо (1), рядом лежал нож (2). У черепа найдена серьга (3), в районе шеи – бусы (4).

1. Бронзовое овальное кольцо из круглой в сечении проволоки. Размеры 1,6 х 0,9, сечение 0,12 см.

2. Железный черешковый нож с изогнутым клинком, клиновидным в сечении. Черенок плоский, на нем следы дерева и отверстия для заклепок. Длина сохранившейся части 6,8, ширина 1,9 см.

3. Бронзовая кольцевидная серьга с несомкнутыми концами, из круглой в сечении проволоки. Диаметр 2,3, сечение 0,3 см.

4. Биконические бусины из глухого палевого (2 экз.) и белого (1 экз.) стекла, с горизонтальным каналом. Длина 0,7, диаметр 0,5 см [Кубышев и др. Отчет, 1986. – С. 88].

44. с. Каирка, к. 6, п. 11. Впускное в курган эпохи бронзы, в 3,2 м к северу от репера. Польностью разрушено вспашкой. *In situ* сохранились череп и близ него сосудов (1).

1. Лепной горшок с отогнутым утолщенным венчиком, цилиндрической шейкой, овальным туловом, на плоском дне. По плечикам орнаментальный пояс: два валика по основанию шейки, ниже них – две врезные линии, подчеркнутые врезными парными дугами. Диаметр венчика 9,8 см, дна 7,3, высота 17,8 см (рис. 26, 5) [Кубышев и др. Отчет, 1986. – С. 91].

45. с. Каирка, к. 1, п. 2 (рис. 15, 3). Впускное в курган эпохи бронзы. Находилось в 2,8 м к востоку от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами, ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,35 х 0,6 м, дно на глубине -95 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Справа от черепа находился распавшийся наконечник копья (1).

1. Железный втульчатый наконечник копья с листовидным пером, линзовидным в сечении, и короткой втулкой. Длина пера около 35, ширина около 5 см [Кубышев и др. Отчет, 1987. – С. 15].

46. с. Каирка, к. 1, п. 3 (рис. 15, 4). Впускное в курган эпохи бронзы, в 1,6 м к востоку от репера. Могильная яма трапециевидная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2,1 х 0,9 х 0,5 м, дно на глубине -130 от условного 0. Яма была перекрыта деревом. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, голо-

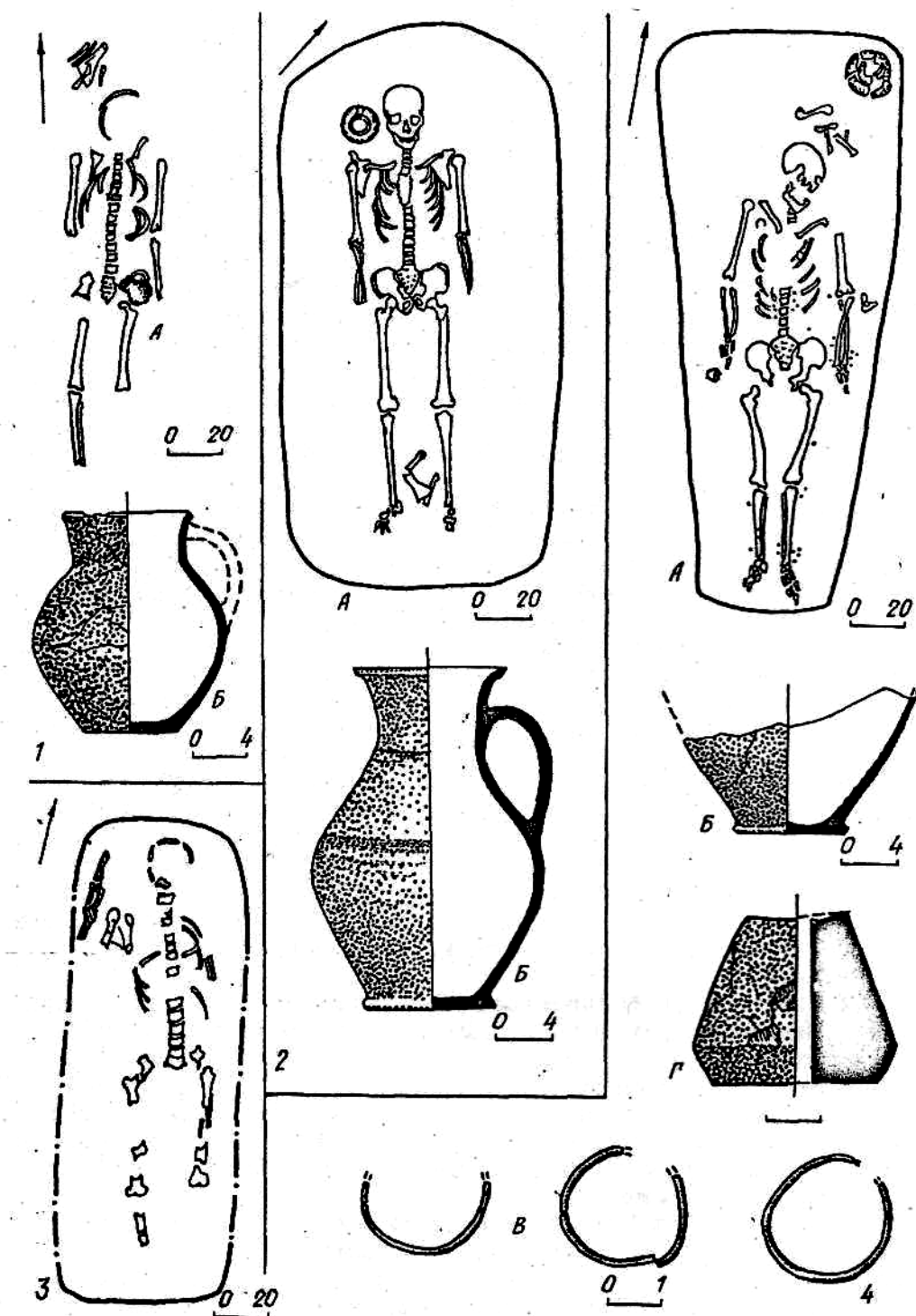

Рис 15. Погребения I — первой половины II в. н. э.
1 — Красный Перекоп, 1/1; 2 — Каирка, 1/2; 3 — Каирка, 1/3; 4 — Каирка, 1/18.

вой на С. В северо-восточном углу могилы стоял сосуд (1), около черепа лежали кости барана и нож (2), в районе груди — серьги (3), у правой кисти — пряслице (4). На запястье и голенях найден бисер (5).

1. Нижняя часть гончарного красноглиняного кувшина с сужающимися ко дну стенками, на плоском дне с закраиной. Поверхность покрыта оранже-

вым ангобом. Закраина подчеркнута врезной линией. Диаметр дна 9 см (рис. 15, 4б).

2. Фрагмент клинка железного ножа с прямой спинкой и закругленным к острию лезвием, клиновидный в сечении. Длина 4,2, ширина 1,1 см.

3. Три бронзовые кольцевидные серьги из круглой в сечении проволоки, с заостренными несомкнутыми концами. Одна фрагментирована. Диаметр около 2,5, сечение 0,2 см (рис. 15, 4в).

4. Керамическое усеченно-коническое прясло с вертикальным каналом. Верхнее основание слегка утоплено, по нижней части проходит фаска. Диаметры оснований 3 и 1,8 см, высота 3, диаметр канала 0,6 см (рис. 15, 4г).

5. Короткоцилиндрические и кольцевые мелкие бусины из глухого и прозрачного желтого, белого, синего стекла и стекла с металлической прокладкой. Диаметр 0,2-0,3 см – 147 экз. [Кубышев и др. Отчет, 1987. – С. 16].

47. с Каирка, к. 1, п. 6. Впускное в курган эпохи бронзы, в 5 м к югу от репера и в 2 м к западу. Контуры могильной ямы не прослежены. Почти несохранившийся скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, на глубине -40 от условного 0. Рядом с ним найдены фрагменты гончарного красноглиняного сосуда [Кубышев и др. Отчет, 1987. – С. 17].

48. с. Каирка, к. 1, п. 18 (рис. 15, 2). Впускное в курган эпохи бронзы, в 4 м к югу от репера. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, размеры 2,2 x 1 м, дно на глубине -170 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Справа от черепа стоял сосуд (1), между ног, у голеней, помещались кости барана и передняя нога с лопаткой.

1. Гончарный красноглиняный кувшин с резко отогнутым, прямоугольным в сечении венчиком, длинным горлом, покатыми плечиками, вытянутым туловом, на плоском дне с закраиной. Петлевидная ленточная ручка одним концом закреплена на середине горла, другим – на середине тулова. Поверхность желто-оранжевого цвета. По середине тулова – две широкие (1 см) линии, нанесенные оранжево-красным лаком, по основанию горла – врезная линия. Диаметр венчика 10,7 см, дна 2,3, высота 25, ширина ручки 3 см (рис. 15, 2б) [Кубышев и др. Отчет, 1987. – С. 20].

49. с. Первоконстантиновка, к. 1, п. 2 (рис. 16, 1). Впускное в скифский курган, в 4 м к северо-западу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными короткими сторонами, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, размеры 2,3 x 1,05 м, дно на глубине -183 от условного 0. Дно ямы под скелетом было посыпано мелом. Под черепом – остатки подушки из камки. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Справа от черепа стоял сосуд (1), вдоль правого бедра лежал меч (2), чуть правее его – кости овцы, при них – нож (3). В районе поясницы, возможно, в кисете, подвешенном к поясу, находились два куска желтоватой серы и кремневый отщеп, на тазовых костях лежала пряжка (4).

1. Гончарный сероглиняный кувшин с отбитым рифленным горлом, приземистым округло-биконическим туловом, на плоском дне. На плечике овальная в сечении петлевидная ручка и орнамент из отпечатков зубчатого штампа в виде буквы "гамма", ниже их – четыре врезные линии. Диаметр горла 7 см, дна 8, высота 12,5 см (рис. 16, 1б).

2. Железный меч с кольцевым навершием и прямым перекрестьем. Клинок с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети длины, линзовидный в жчении. Ручка подпрямоугольная в сечении, ровная по всей длине. На клинке и ручке остатки дерева от ножен и обкладок. Длина клинка 44,4 см, ширина у пяты 4, длина ручки 8,5, ширина 2,5, диаметр навершия 4 см (рис. 16, 1в).

3. Железный черешковый нож с прямой спинкой и закругленным к острию лезвием, клиновидный в сечении. Черенок длинный, плоский, отделен от клинка перехватом со стороны лезвия. На черенке следы дерева рукояти. Длина клинка 9,5, ширина у пяты 1,2 см.

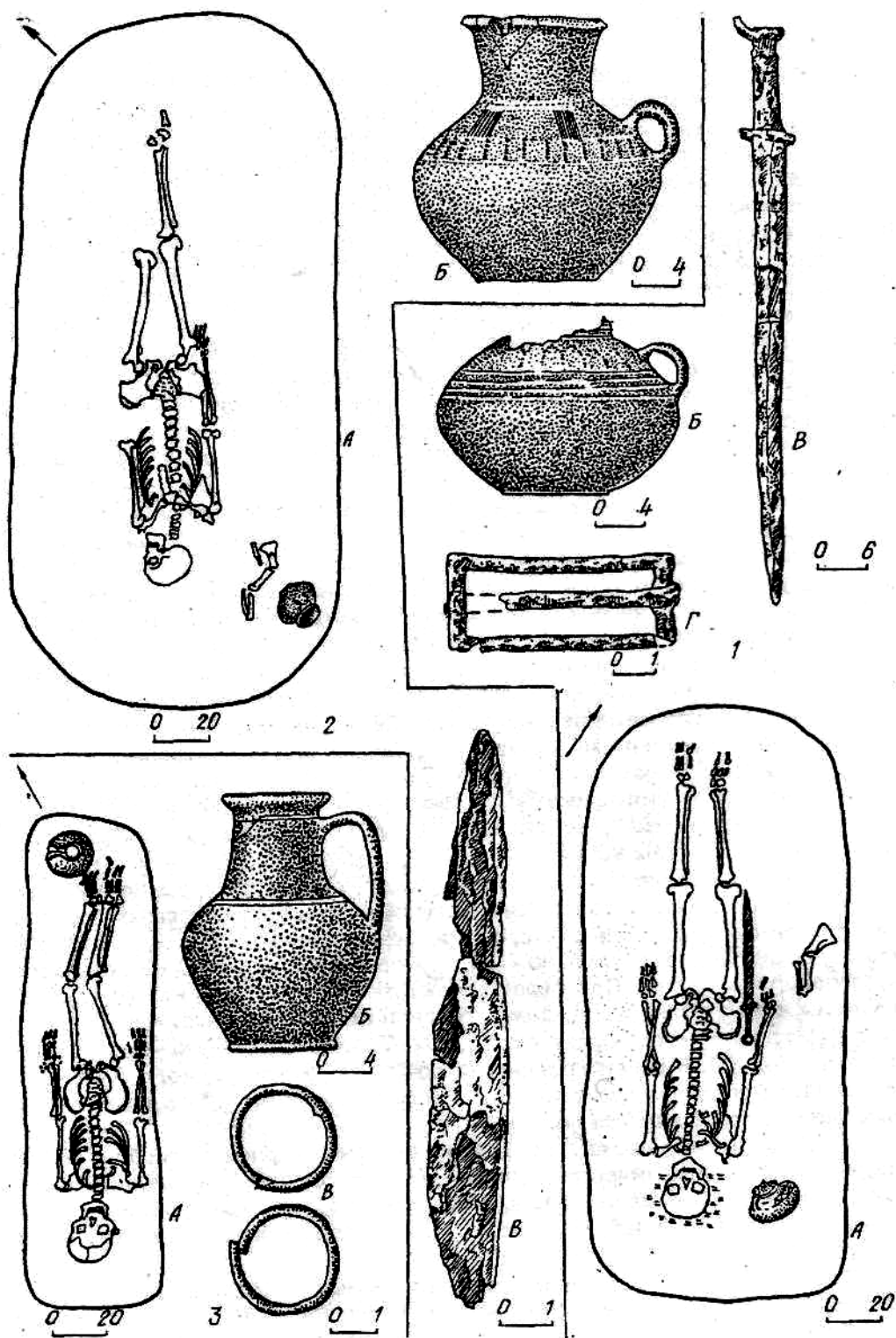

Рис. 16. Погребения I – первой половины II в. н. э.
1 – Первоконстантиновка, 1/2; 2 – Первоконстантиновка, 1/5; 3 – Ольговка, 2/2.

4. Железная пряжка с длинной прямоугольной круглой в сечении рамкой и подвижным язычком. Конец его уплощен и обернут вокруг рамки. Размеры рамки 7 x 2,6, сечение 0,5 см (рис. 16, 1з) [Кубышев и др. Отчет, 1986. – С. 100].

50. с Первоконстантиновка, к. 1, п. 3. Впускное в скифский курган, в 5 м к северу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, северо-западная часть ямы разрушена средневековым рвом. Сохранившиеся размеры 1,1 x 0,9 м, дно на глубине -180 от условного 0. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ [Кубышев и др. Отчет, 1986. – С. 100].

51. с. Первоконстантиновка, к. 1, п. 5 (рис. 16,2). Впускное в скифский курган, в центре насыпи. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,6 x 1,25 м, дно на глубине -228 от условного 0. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Левое предплечье и голень отсутствовали. В юго-западном углу ямы стоял сосуд (1), рядом лежали кости передней ноги барана и нож (2).

1. Гончарный сероглиняный кувшин с утолщенным отогнутым венчиком, воронковидным горлом, округло-биконическим туловом, на плоском дне. Округлая в сечении петлевидная ручка прикреплена на скате плечика. По основанию горла проходит рельефный валик, по плечикам – две горизонтальные врезные линии. Между ними вертикальные отпечатки зубчатого штампа, выше их – косые полосы расчесов, нанесенных тем же штампом. Диаметр венчика 11 см, дна 9, высота 20,5 см (рис. 16,2б).

2. Фрагмент клинка железного ножа, клиновидного в сечении, с прямой спинкой и закругляющимся к острию лезвием. Длина 7, ширина 1,3 см [Кубышев и др. Отчет, 1986. – С. 101].

52. с. Первоконстантиновка, к. 2, п. 3. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Погребение в яме с подбоем. Входная яма разрушена средневековым погребением. Подбой находился в ее северной стенке, подпрямоугольный в плане, ориентирован по оси ЗСЗ-ВЮВ, размеры 2,2 x 0,6 м, дно на глубине -150 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на боку, головой на ВЮВ. Возле голеней обнаружены бусы (1).

1. Бусы:

– округлые, поперечно-сжатые, из глухого синего стекла. Диаметр 0,6 см – 10 экз.;

– мелкий кольцевой бисер из глухого белого стекла. Диаметр 0,3 см – 2 экз. [Кубышев и др. Отчет, 1986. – С. 104].

53. с Балтазаровка, к. 3, п. 2 (рис. 17,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре кургана. Погребение в яме с подбоем. Входная яма была, по-видимому, с западной стороны, где на глубине -110 от поверхности сохранилась небольшая ступенька шириной в 20-25 см. Высота ее при спуске в подбой 20 см. Камера ориентирована по оси СЗ-ЮВ, размеры 2,5 x 0,9 м, дно на глубине -135 от условного 0. Свод обрушен, вероятная высота немного более 0,35 м. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги были подняты коленями вверх. В головах стоял сосуд (1), справа от черепа находилась фибула (2), слева — кости овцы и нож (3), под которыми прослежены остатки деревянного блюда. В верхней части грудной клетки собраны бусы (4). В заполнении ямы найдены фрагменты курильницы (5).

1. Лепной кувшин с отогнутым венчиком, воронковидным горлом и округлым туловом, на плоском дне. Ручка петлевидная, овальная в сечении, прикреплена одним концом чуть ниже венчика, другим – на скате плечика. Поверхность заглажена. Высота 23,5 см (рис. 17,1б).

2. Железная проволоочная лучковая подвязная фибула. Приемник утрачен. Сохранились часть спинки и пружинный аппарат с иглой. Пружина 4-витковая с верхней тетивой. Сечение фибулы 0,5 см (рис. 17,1г).

3. Железный черешковый нож с прямым лезвием и горбатой спинкой. Черенок обломан. Длина 9,5 см (рис. 17,1д).

4. Мелкие округлые поперечно-сжатые бусы из белого стекла с металлической прокладкой. Диаметр 0,3 см – 40 экз.

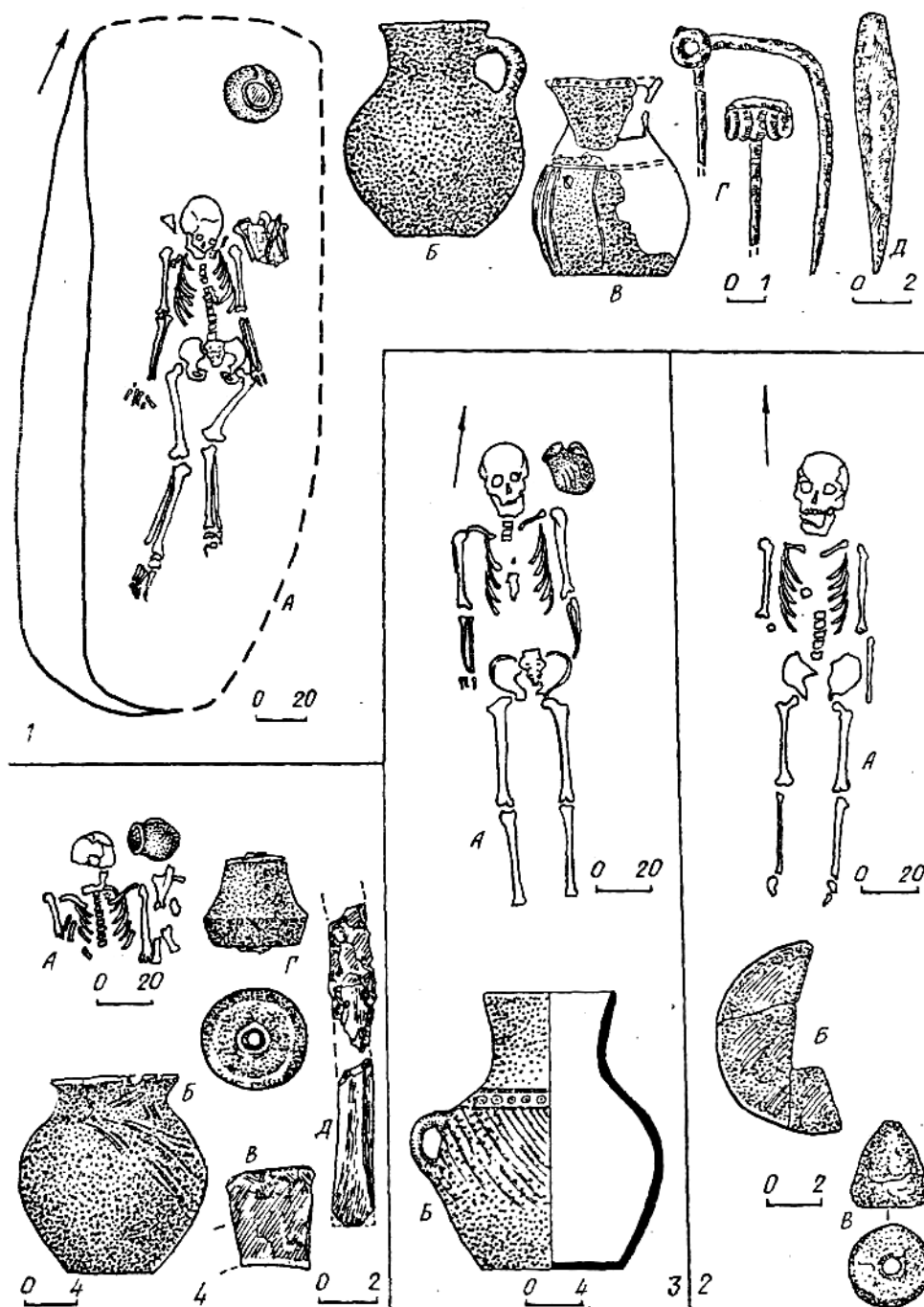

Рис 17. Погребения I – первой половины II в. н. э.
1 – Балтазаровка, 3/2; 2 – Скадовск, 7/1; 3 – Скадовск, 7 2; 4 – Садово, 2/11.

5. Фрагмент венчика и нижней части тулова лепной курильницы. Венчик отогнут, косо срезан, по срезу украшен точечными вдавлениями. Тулово овальное, на широком плоском дне. Основание шейки подчеркнуто врезной линией, от которой вниз до дна отходят вертикальные линии. На плечике – сквозное отверстие. Высота курильницы 10,5 см (рис. 17, 1в) [Ковпаненко, 1967. – С. 42].

54. пгт Каланчак, рц, к. 3, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто на

спине, головой на СВ на глубине -70 от условного 0. В области таза обнаружены фрагменты железного предмета (пряжки?). У ног погребенного лежали кости ноги овцы [Евдокимов и др. Отчет, 1980. – С. 36].

55. с. Широкое Скадовского р-на, к. 6, п. 3. Впускное в курган эпохи бронзы, в 5,5 м к востоку от репера. Контуры ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ на глубине -160 от условного 0. Левая кисть находилась на тазовых костях. За черепом стоял сосуд (1), рядом лежали кости барана и при них нож (2).

1. Лепной горшок с отогнутым венчиком со скошенным внешним краем, невысокой шейкой, высокими плечиками, сужающимся ко дну туловом на плоском дне. Диаметр венчика 12,3 см, тулова 18, дна 10 см.

2. Железный черешковый нож с горбатой спинкой и прямым лезвием. Черенок короткий, плоский, отделен от спинки небольшим перехватом. Клинок в сечении клиновидный. На черенке – следы деревянной рукояти. Длина ножа 12, ширина клинка у пяты 2 см [Черненко, Яковенко, Корпусова, 1967. – С. 30].

56. Скадовск, р/ц, к. 4, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы, в 1 м к северо-западу от репера. Погребение разрушено, положение и ориентацию скелета определить не удалось. На глубине -100 от условного 0 найден сосуд (1).

1. Гончарный красноглиняный кувшин с граненым отогнутым венчиком, цилиндрической шейкой, приземистым округлым туловом, на широком плоском дне. Прямая в перегибе ручка одним концом крепилась под венчиком, другим – на скате плечика. По основанию шейки – следы красной краски. Диаметр венчика 9,5 см, дна 9,5, высота 16,5 см (рис. 26,9) [Черненко и др. Отчет, 1975. – С. 23].

57. Скадовск, к. 7, п. 1 (рис. 17,2). Впускное в курган эпохи бронзы, в 0,5 м к югу от репера. Контуры ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С, на глубине -90 от условного 0. На груди найдены фрагменты зеркала (1), возле правого локтя – прясло (2).

1. Три фрагмента, составляющие половину бронзового плоского круглого неорнаментированного зеркала. Диаметр 7,8 см (рис. 17,2б).

2. Керамическое округло-коническое прясло с вертикальным каналом. Диаметр основания 3 см, высота 3, диаметр канала 0,5 см (рис. 17,2в) [Черненко и др. Отчет, 1975. – С. 41].

58. Скадовск, к. 7, п. 2 (рис. 17,3). Впускное в курган эпохи бронзы, в 3,2 м к югу от репера. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, на глубине -120 от условного 0. Слева от черепа найден сосуд (1), в области груди – фрагменты железа (пряжка?).

1. Гончарный сероглиняный кувшин с прямым венчиком, воронковидным горлом, шаровидным туловом, на плоском дне. На скате плечика петлевидная ручка, подпрямоугольная в сечении. По основанию шейки – циркулярный орнамент, заключенный между двумя врезными линиями; от нижней по тулову отходят врезные свисающие дуговидные линии (рис. 17,3б). Поверхность подлощена. Диаметр венчика 9,5, тулова 16, дна 10, высота 20 см [Черненко и др. Отчет, 1975. – С. 41].

59. Скадовск, к. 1, п. 11 (рис. 18,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 7 м к северу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2 x 0,8 м, дно на глубине -260. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. За черепом находился сосуд (1), на груди – пряжка (2), на правой руке – железный браслет (3) и браслет из бус (4). В насыпи найдены амфоры (см. с. 84).

1. Лепной горшок с отогнутым венчиком, округлыми стенками, на плоском дне. Венчик утрачен. Диаметр тулова 17, дна 6,5 см (рис. 18,1б).

2. Железная пряжка с овальной рамкой и подвижным язычком. Рамка в сечении плоская, размеры 4 x 2,6 см (рис. 18,1в).

3. Железный браслет – кольцевидный, с сомкнутыми концами, из круглой в сечении проволоки. Диаметр 7 см (не сохранился).

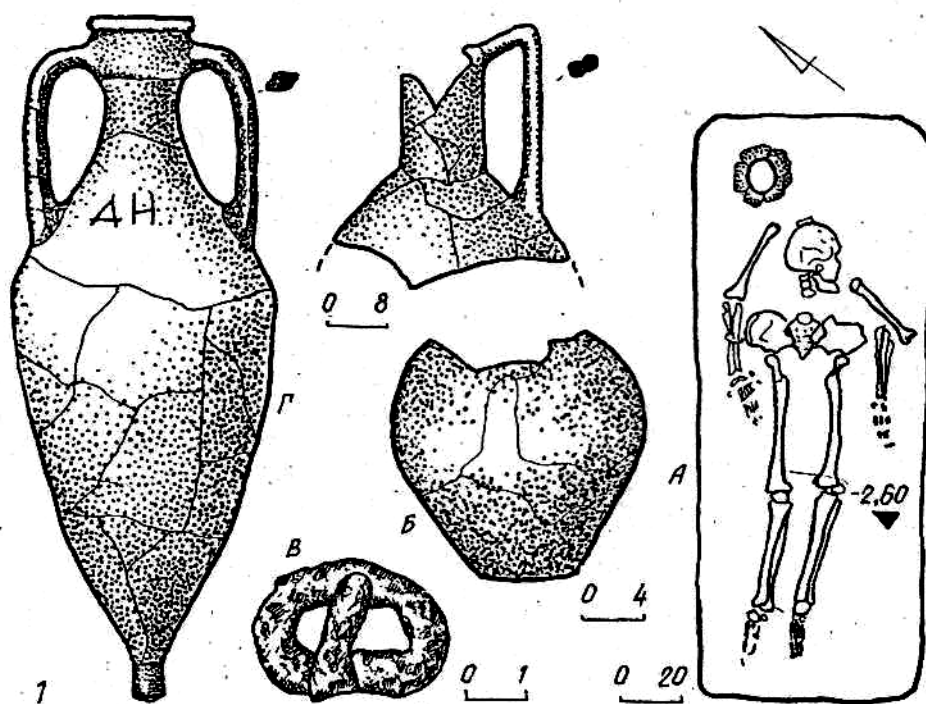
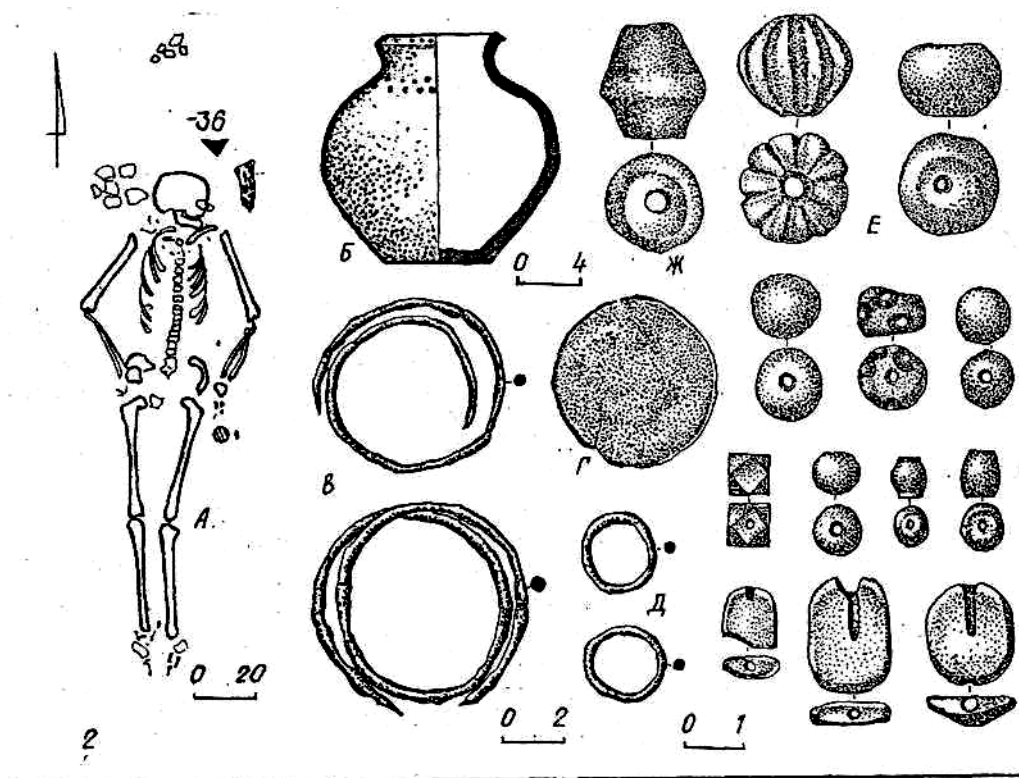

Рис 18. Погребения I – первой половины II в. н. э.
1 – Скадовск, 1/11; 2 – Красное, 6/10.

4. Бусы:

– плоская, из прозрачного желтоватого стекла, овальная, с выделенным манжетом. Фрагментирована;

– бочонковидная, из прозрачного темно-фиолетового стекла, с выделенным манжетом. Длина 0,6, диаметр 0,5 см;

– округло-биконическая, из глухого коричневого стекла, с выделенными манжетами. Длина 1, диаметр 0,4 см [Евдокимов и др. Отчет, 1984. – С. 131].

60. с. Красное Скадовского р-на, к. 6, п. 10 (рис. 18,2). Впускное в курган эпохи бронзы, в 12 м к югу от репера. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С, кисти находились на тазовых костях. За черепом найден сосуд (1), справа от черепа – лопатка овцы и на ней нож (2). Слева от черепа лежали серьги (3), в области шеи – бусы (4). На запястьях находились браслеты (5), у левой кисти руки – зеркало (6) и прясло (7). На левой щиколотке найдены бусы (4).

1. Лепной горшок с отогнутым скошенным венчиком, невысокой шейкой, округлым туловом, на плоском дне. Внешний край венчика орнаментирован точечными наколами, плечики — двумя рядами таких же наколов. Диаметр венчика 9 см, дна 7,5, высота 15 см (рис. 18,2б).

2. Фрагменты железного ножа, клиновидного в сечении.

3. Две серебряные кольцевидные серьги с сомкнутыми концами, из круглой в сечении проволоки. Диаметр 2,5 и 3 см, сечение 0,3 см (рис. 18,2д).

4. Бусы (рис. 18,2е):

– ребристые, биконические из глухого белого стекла. Диаметр 1,7-2, высота 1,1-1,5 см – 6 экз.;

– бочонковидные, с металлической прокладкой с закраиной. Диаметр 0,6, длина 0,6 см – 6 экз.;

– округлые, поперечно-сжатые, из прозрачного синего стекла. Диаметр 0,5 см – 24 экз.;

– бочонковидные, с металлической прокладкой, трехсекционные. Диаметр 0,3 см – 14 экз.;

– округлая, из прозрачного белого стекла. Диаметр 1,2 см;

– глазчатая, из глухого голубого стекла, глазки бело-сине-желтые с синим центром (7 экз.), расположены треугольником. Диаметр 1,2 см;

– 14-гранная, из прозрачного желто-зеленого стекла;

– сердоликовые бочонковидные с двухсторонним сверлением. Длина до 1 см – 10 экз.;

– сердоликовые шаровидные. Диаметр 0,3-1,0 см – 11 экз.;

– хрустальная неправильной округлой формы. Диаметр 1,5 см;

– янтарные овальные плоские пронизы с продольным каналом. Размеры 2 х 1,5 см – 3 экз.

5. Бронзовые проволочные браслеты с заостренными концами, в два оборота, из круглой в сечении проволоки. Диаметр 7, сечение 0,25 см (рис. 18,2в).

6. Бронзовое круглое плоское неорнаментированное зеркало. Диаметр 5,8 см (рис. 18,2з).

7. Керамическое усеченно-биконическое пряслице с вертикальным каналом. Верхнее основание слегка утоплено. Диаметр 3, высота 3,5 см (рис. 18,2ж) [Черненко и др. Отчет, 1975. – С. 91-92].

61. с. Новочерноморье Голопристанского р-на, к. 2, п. 12б. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 2,55 х 1,1 м, дно на глубине -195 от условного 0. Вдоль длинных стенок сделаны уступы шириной 15-20 см. На них прослежены остатки продольных плах перекрытия, в северо-восточном углу найден череп и кости овцы. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ, левая кисть руки на тазовых костях. На них же найдена пряжка (1).

1. Железная пряжка с овальной плоской рамкой и подвижным язычком. Фрагментирована [Ковпаненко, Качалова, Шарафутдинова, 1967. – С. 62].

62. с. Новочерноморье, к. 5, п. 7. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Контуры ямы не прослежены. На площади размерами 1,5 x 0,6 м обнаружены остатки деревянного перекрытия из плах шириной 5-7 см, лежащих в направлении С-Ю. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, ноги скрещены в голенях. У левого локтя найден обломок железного ножа с деревянной рукоятью [Ковпаненко, Качалова, Шарафутдинова, 1967. – С. 69].

63. с. Бехтеры, к. 5, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Могильная яма узкая, прямоугольная в плане, ориентирована по оси ССЗ-ЮЮВ, размеры 1,8 x 0,6 м, дно на глубине -105 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. В северо-западном углу ямы находились кости передней ноги барана и нож (1). Слева от черепа стоял сосуд (2). У левого бедра найден деформированный железный предмет.

1. Железный черешковый нож, фрагментирован.

2. Гончарный красноглиняный кувшин с отогнутым венчиком (утрачен), цилиндрическим горлом, невысоким сужающимся ко дну туловом, на кольцевом профилированном поддоне. Ручка прямая в перегибе, линзовидная в сечении, одним концом закреплена под венчиком, другим – на скате плечика. Диаметр венчика 8 см, горла 9,5, дна 8,5, высота 18, ширина ручки 3 см [Симоненко, 1977. – С. 223].

64. с Садово, группа II, к. 2, п. 11 (рис 17,4). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет (сохранилась верхняя часть) лежал вытянуто на спине, головой на С на глубине -65 от условного 0. Слева от черепа находился сосуд (1), у правого плеча лежали кости передней ноги и лопатка барана, нож (2), в области шеи – бусы (3), справа от правого плеча – прясло (4), рядом с ним – фрагмент зеркала (5).

1. Лепной горшок с закругленным отогнутым венчиком, короткой шейкой, шаровидным туловом, на уплощенном выпуклом дне. Диаметр венчика 9 см, дна 6, высота 14,5 см (рис. 17, 4б).

2. Фрагмент клинка и костяной ручки железного ножа с горбатой спинкой и изогнутым лезвием. Ручка расширяется к концу, крепилась железной заклепкой у пяты. Ширина клинка 1,5 см (рис. 17,4д).

3. Бусы:

- деформированная, ребристая из глухого бурого стекла. Диаметр 0,8 см;
- округлая, из прозрачного желтого стекла. Диаметр 0,3 см;
- мелкие, округлые, с металлической прокладкой. Диаметр 0,2 см – 13 экз.;

4. Керамическое усеченно-коническое прясло с закраинами у концов канала. Диаметр оснований 1,1 и 1,6, высота 1,7 см (рис. 17, 4г).

5. Фрагмент бронзового круглого плоского неорнаментированного зеркала (рис. 17,4в) [Евдокимов и др. Отчет, 1982. – С. 67].

65. с. Черноморское, к. 1, п. 7 (рис. 19,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 2,3 м к западу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси С-Ю. Погребение было ограблено, яма несколько разрушена. Длина сохранившейся ее части 1,57, ширина 0,45 м, дно на глубине -133 от условного 0. Скелет был разрушен до того, как истлели связки, поэтому части его сохранились в анатомическом порядке. Судя по их расположению, скелет лежал вытянуто на спине, головой на С. За черепом находился сосуд (1), справа вдоль скелета лежал меч (2), у левой руки найдены кости овцы и на них фрагменты ножа. Под правой ключицей лежала фрагментированная фибула (3), обернутая тканью.

1. Лепной кувшин с косо срезанным венчиком, воронковидным горлом, широким округлым туловом, на плоском дне. Петлевидная ручка с центральным ребром одним концом крепилась ниже венчика, другим — на скате плечика. По плечикам – врезной орнамент из соединенных концами дуг, подчеркнутых наколами. От места соединения дуг – тройные свисающие линии. Диаметр венчика 9,5 см, дна 7,4, высота 19 см (рис. 19,1в).

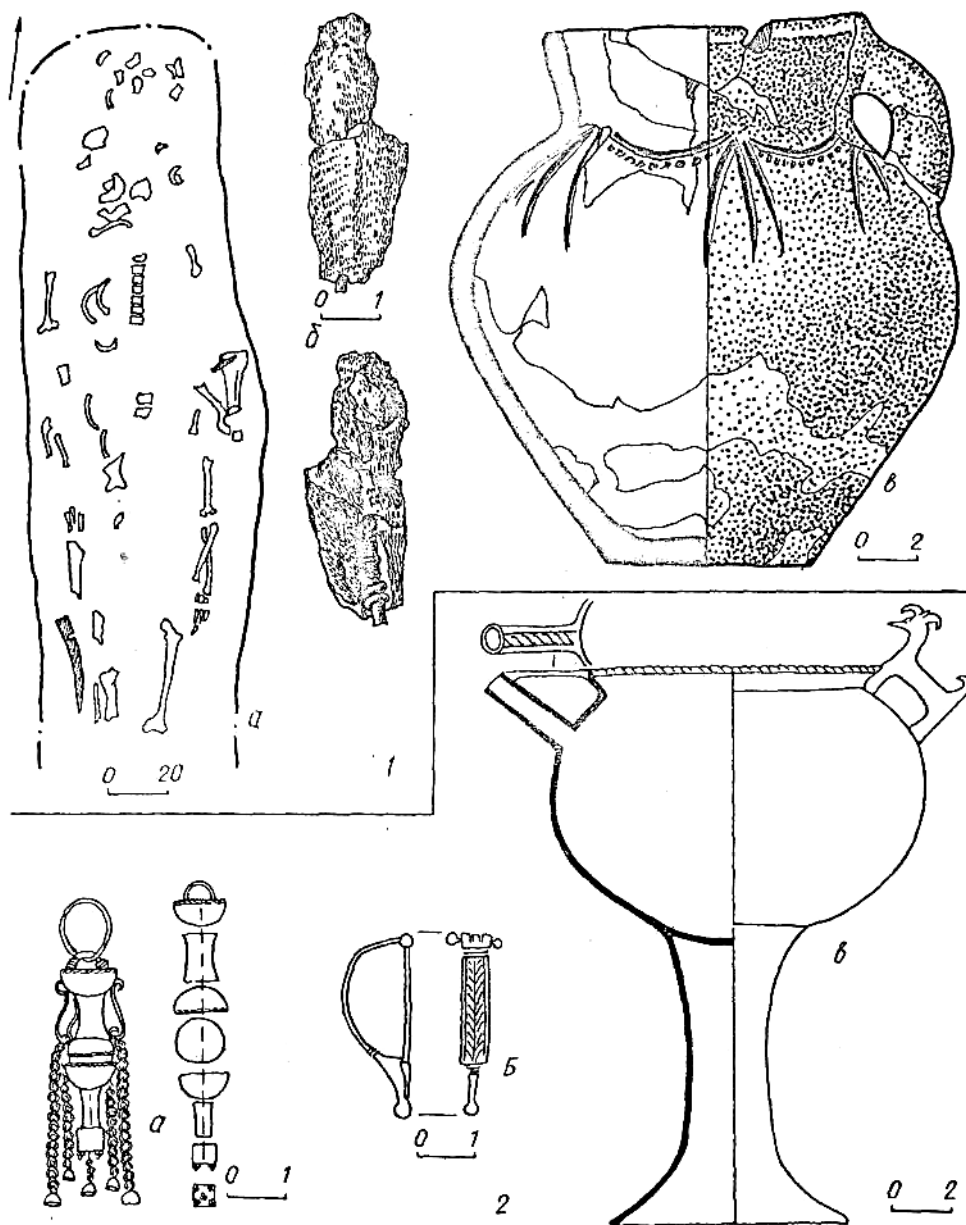

Рис. 19. Погребения I — первой половины II в. н. э.
1 — Черноморское, 1/7; 2 — Давыдов Брод.

2. Фрагменты клинка и острие железного меча, линзовидного в сечении, с остатками деревянных ножен. Ширина клинка 4 см.

3. Фрагменты железной проволоочной подвязной фибулы, сечение 0,25 см (рис. 19, 1б) [Симоненко, Ольговский. Отчет, 1981. — С. 14].

66. с. Черноморское, к. 2, п. 4. Впускное в курган эпохи бронзы, в 6,9 м к северу от репера и в 2,3 м к востоку. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на СЗ на глубине -246 от условного 0. У левой руки находились кости овцы и нож (1).

1. Железный черешковый нож с серповидным клинком и деревянной рукоятю, которая крепилась к черенку железными заклепками. Черенок плоский, широкий, от клинка не отделен. Длина клинка 8,2 см, ширина 2,5, длина сохранившейся части рукояти 2,2, ширина 2 см [Симоненко, Ольговский. Отчет, 1981. — С. 19].

67. с Вольная Дружина, к 5, п. 9 (рис. 12, 3). Впускное в курган эпохи бронзы, в центре кургана. Контуры могилы не прослежены. Скелет лежал

вытянуто на спине, головой на СВ на глубине -110 от условного 0. Справа от черепа находился сосуд (1), рядом с ним лежал нож (2), на левом плече – фибула (3).

1. Гончарный сероглиняный одноручный кувшин с отогнутым венчиком, грушевидным туловом, на кольцевом поддоне. Диаметр дна 8,5, высота 23,5 см (рис. 12,3б).

2. Железный черешковый нож с прямой спинкой и изогнутым лезвием. Черенок отделен от лезвия перехватом. Ширина 1,2 см (рис. 12,3г).

3. Бронзовая проволоочная подвязная фибула. Пружина четырехвитковая с внешней тетивой. Длина 6,5, высота 1,8 см (рис. 12,3в) [Евдокимов и др. Отчет, 1979. – С. 14-15].

68. с. Давыдов Брод Великоалександровского р-на. Случайная находка в кургане, вероятно, разрушенное впускное погребение. Обнаружены фибула (1), котел (2), серьги (3).

1. Бронзовая фибула с плоской дуговидной спинкой, сплошным треугольным приемником с бусиной на конце. Приемник отделен от ножки двумя врезными линиями. Спинка украшена четырьмя продольными врезными линиями и двумя ложновитыми между ними. Пружинный аппарат – шарнир, удерживающий ось, на концах ее – шарики-кнопки. Длина 3,4 см, высота 1,4, ширина спинки 0,6 см (рис. 19,2б).

2. Бронзовый котел с отогнутым венчиком, край которого украшен валиком с косыми насечками. Корпус шаровидный, слегка сдавлен с полюсов, на высокой трубковидной приклепанной ножке. На плечике – ручка в виде фигурки козла с загнутым хвостом, парой рогов, с выделенными ушами и глазами. На противоположной стороне корпуса – слив в виде трубки. Край ее соединен с краем венчика плоской пластинкой, по центру которой проходит ложновитая линия. Диаметр венчика 11 см, корпуса 13,5, высота котла 18,5, ножки 10, диаметр ее по низу 8,5 см (рис. 19,2в).

3. Две золотые серьги. Основу изделия составляет сердоликовая шаровидная бусина с вертикальным каналом. На ее верхний полюс надет золотой двояковогнутый цилиндр с плоским верхом, спаянный из двух полусфер, соединенных вогнуто-цилиндрической втулкой, на нижний полюс – золотая полусфера, к которой припаян отходящий вниз цилиндр, заканчивающийся золотым кубиком. На нижней грани кубика по углам и в центре расположены пять пирамидок зерни из четырех шариков каждая. Край верхнего цилиндра и край полусферы украшены полоской скани. К стенкам верхнего цилиндра припаяно пять S-видно изогнутых проволочек, концы которых загнуты в колечки. В нижние колечки протянуты пять четырехгранных свисающих цепочек, оканчивающихся полусферами. Все части серьги подвижно соединены в одно целое по вертикальной оси золотой проволокой (рис. 19,2а). Нижний конец ее скрыт внутри кубика, верхний выходит на основание двояковогнутого цилиндра и обмотан вокруг припаянной к нему петли, в которую пропущено золотое кольцо с заостренными, слегка заходящими друг за друга концами. Длина серьги 4,5 см, длина верхней и нижней частей 1,5 см, диаметр верхнего основания 0,9, сердоликовой бусины 0,7, длина грани кубика 0,35 см [Костюк, 1975. – С. 98-99].

69. с. Староселье. Разрушенное погребение в кургане, в 300 м к СЗ от села. Местными жителями найдены меч (1), красноглиняный кувшин и краснолаковая миска с ручками-налепами (местонахождение последних неизвестно).

1. Железный меч с кольцевым навершием (рис. 12,2). Клинок в форме сильно вытянутого треугольника, пята переходит в рукоять под прямым углом, линзовидный в сечении. Ручка прямоугольная в плане и в сечении. Кольцо навершия круглое, надето на ручку так, что конец ее слегка выступает внутрь кольца. Длина клинка 33,5 см, ширина у пята 4,4, длина ручки 9, ширина 2, диаметр кольца 4 см (сообщение В.П. Былковой).

70. с. Осокоровка Нововоронцовского р-на, к. 4, п. 1 (рис. 12,4). Впускное в

курган эпохи бронзы, в 2,2 м к востоку от репера. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С, на глубине -110 от условного 0. За черепом находился сосуд (1), справа от черепа – наконечник копья (2).

1. Гончарный красноглиняный кувшин с уплощенным отогнутым венчиком, цилиндрическим горлом, округлым туловом, на кольцевом поддоне. Две прямые в перегибе ручки, профилированные двумя продольными каннелюрами, одним концом прикреплены ниже венчика, другим – на скате плечика. Диаметр венчика 11,5 см, тулова 18, дна 10,5, высота кувшина 26,5, ширина ручек 3 см (рис. 12, 4б).

2. Железный втульчатый наконечник копья, фрагментирован (рис. 12, 4в). Форма и размеры пера не восстанавливаются, в сечении оно линзовидное. Втулка слегка расширяется к низу. Ширина пера около 4,5, диаметр втулки 3 см [Генинг. Отчет, 1988. – С. 10].

71. с. Ольговка Бериславского р-на, к. 2, п. 2 (рис. 16, 5). Впускное в скифский курган, в 0,7 м к югу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси ЮЮЗ-ССВ, размеры 1,8 х 0,48 м, дно на глубине -105 от условного 0. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, ноги слегка согнуты в коленях. Под скелетом прослежен коричневый тлен. По бокам черепа лежали серьги (1), на левое запястье был надет браслет из бус (4), в северном углу ямы стоял сосуд (3), у щиколоток находились бусины (2).

1. Бронзовые проволочные серьги со слегка заходящими друг за друга концами. Диаметр 1,6, сечение 0,2 см (рис. 16, 3в).

2. Бусы округлые, поперечно-сдавленные, из глухого синего стекла. Диаметр 0,3-0,4 см – 6 экз.¹

3. Гончарный красноглиняный кувшин с овальным отогнутым венчиком, невысоким коническим горлом, крутыми плечиками, плавно сужающимся ко дну туловом, на широком кольцевом поддоне. По основанию венчика и несколько ниже его, при переходе в шейку – врезные линии (одна по венчику и две по шейке). Две такие же линии – по плечикам. Поддон рельефно выделен. Ленточная ручка прикреплена одним концом в верхней части шейки, другим – на скате плечика. Верхняя ее точка выше места прикрепления к шейке. По ручке – три каннелюры. Поверхность ровного кирпично-красного цвета. Диаметр венчика 8 см, дна 8, высота кувшина 19 см (рис. 16, 3б).

4. Бусины бочонковидные, с горизонтальным каналом, из глухого белого стекла с черными продольными полосками. Диаметр 0,3-0,5, длина 0,7 см – 25 экз. [Кубышев и др. Отчет, 1976. – С. 24].

72. с. Новокаиры, к. 3, п. 8. Впускное в курган эпохи бронзы, в 7,5 м к СВ от репера. Контуры могильной ямы не прослеживались. В насыпи на глубине -125 от репера лежал скелет, вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. У левого плеча – зеркало (1) и фрагмент ручки (?) к нему (2). В области головы, кистей и берцовых костей – бусы (3).

1. Зеркало бронзовое, круглое, плоское, с уплощением по краю, неорнаментированное, диаметром 5 см.

2. Сильно корродированный железный, круглый в сечении, стержень длиной 8,5 см и диаметром 2,5 см.

3. Бусы:

– биконические и цилиндрические, из глухого черного стекла, с продольными белыми полосками – 32 экз.;

– биконические и цилиндрические, из глухого красного стекла – 11 экз.;

– цилиндрические, из глухого черного стекла – 6 экз.;

– биконическая и цилиндрическая, из глухого белого стекла;

– цилиндрическая, из глухого красного стекла с двумя глазками – синим и красным;

– цилиндрическая, из прозрачного голубого стекла;

– сферическая, из прозрачного бесцветного стекла;
– биконическая, с металлической прокладкой;
– округло-сжатая, из горного хрусталя;
– биконические и цилиндрические, сердоликовые – 13 экз. [Тощев и др. Отчет, 1988. – С. 45-46].

73. с. Приозерное Белозерского р-на, к. 1. В насыпи кургана найден гончарный сероглиняный кувшин с отогнутым венчиком, невысоким широким горлом, покрытым каннелюрами, округло-биконическим туловом, на плоском дне. Ручка петельчатая, с двумя желобками. В нижней части тулова процарапана тамга. Диаметр венчика 7,5 см, дна 5,7, высота 17 см [Евдокимов и др. Отчет, 1986. – С. 11-12] (рис. 26,12).

74. с. Правдино, к. 1, п. 17. Впускное в курган эпохи бронзы, в 6,5 м к юго-западу от репера. Контуры ямы не прослежены. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, на глубине -130 от условного 0. За черепом находился лепной горшок со скошенным отогнутым венчиком, овальным туловом, на плоском дне. Диаметр венчика 11,3 см, дна 8,2, высота горшка 15,6 см [Евдокимов и др. Отчет, 1984].

75. с. Широка Балка, к. 2, п. 11 (рис. 20,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 5,4 м к юго-западу от репера. Погребение в катакомбе. Входная яма трапециевидная в плане, ориентирована по оси В-3, размеры 2,15 x 1,15 м, дно на глубине -145 от условного 0. Дно входной ямы у устья камеры спускается ко входу двумя пологими ступеньками, а затем обрывается в камеру вертикальной ступенькой высотой 0,65 м. Камера выкопана в западной стенке входной ямы. Вход в нее перекрыт закладом из бессистемно расположенных каменных плит. Высота устья 1 м, ширина 0,75 м. Камера подпрямоугольная в плане, южная стенка слегка изогнута, ориентирована по оси В-3, размеры 2,15 x 1,1 м, дно на глубине -210 от условного 0. Скелет лежал в деревянном прямоугольном гробовище из досок толщиной 0,2 м размерами 1,7 x 0,54 м, вытянуто на спине, головой на З, руки согнуты в локтях, правая нога – в колене. На груди найдена фибула-брошь (1), у правой кисти – браслет (2), у таза – бусина (3), у ступней лежали наконечники стрел (4). Справа за гробовищем на уровне локтя стояли сосуд (5) и миска (6), в ней – кости овцы и нож (7).

1. Серебряная фибула-брошь. Щиток штампованный, круглый, по краю обрамлен двойным выпуклым бордюром. В центре погрудное изображение Афродиты с Эротом, в высоком рельефе. Богиня представлена анфас, голова слегка повернута влево. Прическа (волосы, зачесанные вверх и назад) передана вертикальными рубчиками. Лицо хорошо промоделировано, на шее горизонтальной выпуклой линией передано украшение (гривна или ожерелье). Богиня одета в распашную одежду с правым запахом, отороченную мехом, который передан рельефной линией с косой насечкой. Руки не промоделированы. На правом плече богини скипетр. У левого плеча сохранилась рука (?) Эрота, сама его фигурка утрачена. Диаметр щитка 3,3 см. Застежка – бронзовая одночленная фибула с 4-витковой пружиной с нижней тетивой, пластинчатой спинкой, сужающейся к ножке, и прямоугольным приемником. Основание спинки несколько нависает над пружинным аппаратом, спинка прямая, понижающаяся к приемнику. Длина 2,8 см, высота 1, ширина спинки 2 см (рис. 20,1б).

2. Круглый бронзовый браслет с несомкнутыми концами из круглой в сечении проволоки диаметром 0,3 см. Диаметр браслета 7 см (рис. 20,1д).

3. Кварцевая (?) бусина неправильной полусферической формы с уплощенными основаниями (верхнее – меньше, нижнее – больше), с вертикальным каналом. Диаметр 1,3, высота 1 см (рис. 10,1з).

4. Железные черешковые наконечники стрел, трехлопастные, с прямым углом атаки и коротким черенком (6 экз.). Длина головки 2 см, ширина 1,2, длина черенка 1,5 см (рис. 20,1е).

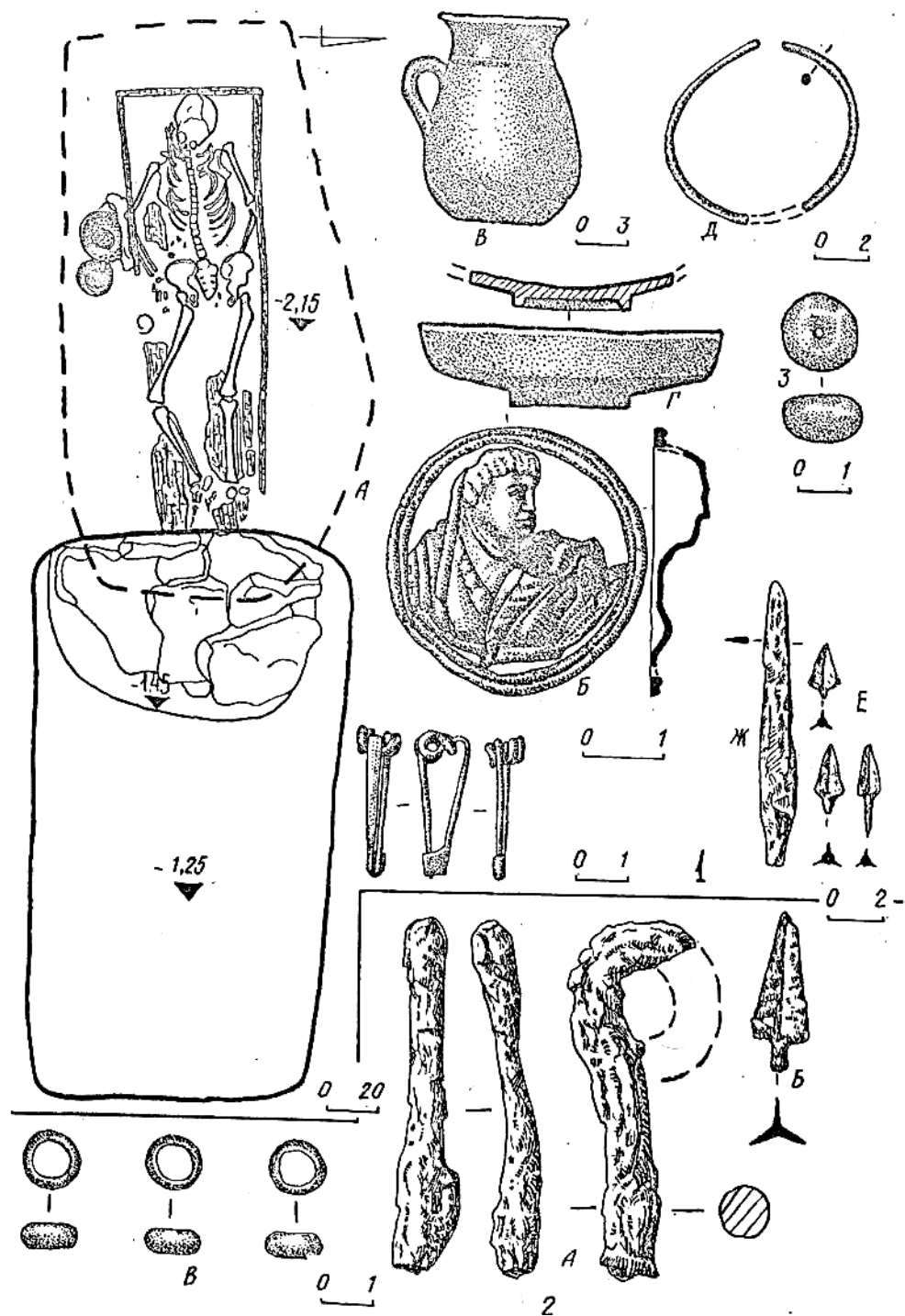

Рис. 20. Сарматские погребения Таврии.
1 – Широка Балка, 2/11; 2 – Широка Балка, 3/1.

5. Краснолаковый гончарный кувшин с косо срезанным, отогнутым венчиком, короткой шейкой, по основанию которой проходит валик, грушевидным туловом, на плоском дне. Ленточная петлевидная ручка прикреплена одним концом чуть ниже валика, другим – чуть ниже середины тулова. Оранжево-красный плохого качества лак покрывает почти весь сосуд, за исключением придонной части. Диаметр венчика 10 см, диаметр

дна 6,2, высота 18, ширина ручки 2,5 см. По центру ручки – невысокий валик (рис. 20, 1в).

6. Гончарная сероглиняная тарелка с закругленным венчиком, вертикальным, слегка отогнутым бортиком, на кольцевом поддоне. Покрыта так называемым графитным лаком изнутри и по внешней поверхности бортика. Дно изнутри слегка утоплено. Диаметр венчика 23 см, диаметр дна 9, высота 5,5 см (рис. 20, 2г).

7. Железный нож, клиновидный в сечении, с прямым лезвием и прямой, слегка загнутой к острию спинкой (рис. 20, 1ж). Короткий черенок отделен от лезвия небольшим перехватом, спинка переходит в черенок дуговидно. Длина клинка 10 см, черенка 1,5, ширина у пяты 1,5 см [Евдокимов и др. Отчет, 1977. – С. 46-47].

76. с. Широка Балка, к. 3, п. 1. Курган, разрушенный земляными работами. Высота кургана 1,5, диаметр 22 м. В поле насыпи (впускное?) погребение в склепе (190 x 70 см). Стены склепа были обложены местным ракушечником. Плиты размерами 150 x 100 или 150 x 120 см, толщиной от 25 до 32 см. Погребение сильно разрушено. Останки скелета свидетельствуют, что погребенный лежал головой на С. В погребении найдены два браслета (1, 2), две фибулы (3) и бусины (4).

1. Бронзовый браслет в виде кольца, покрытого тройными выступами-"шишечками". Диаметр 8, сечение 0,5 см.

2. Бронзовый проволочный браслет с расширяющимися несомкнутыми концами. Диаметр 7, сечение 0,6 см.

3. Две бронзовые лучковые проволочные одночленные фибулы (сохранилась одна). Пружина 4-витковая, с верхней тетивой. Длина 4,5 и 3,5 см, высота 1,5 и 1,2 см.

4. Три гагатовые бусины [Вірлич, 1965. – С. 177-178. – Рис. 1-3].

НИКОЛАЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

77. с. Лупарево Октябрьского р-на, к. 7, п. 1. Впускное в скифский курган, в северо-западной поле кургана, почти полностью в окружавшем его ровике. Могильная яма подпрямоугольная в плане, ориентирована по оси ЮЗ-СВ, размеры 1,87 x 0,6 м, дно на глубине -70 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, таз и ноги слегка завалены вправо и согнуты в коленях. Справа от черепа и у правой ступни – сосуды (1, 2). За теменем кучкой лежали бусы (3), тут же – совершенно разложившийся бронзовый предмет. Под затылком найдено зеркало (4).

1. Лепной горшок с туловом яйцевидной формы, которое сужается к широкому плоскому дну. В основании горла – горизонтальный валик треугольного сечения. Поверхность светло-коричневого цвета, подлощена. Венчик утрачен. Диаметр тулова 12,5 см, дна 7, высота горшка 13 см.

2. Лепной горшок с воронковидным горлом и округло-биконическим туловом. Поверхность темно-серая, шероховатая. Диаметр венчика 7,5 см, дна 5,4, тулова 9,5, высота горшка 10,5 см.

3. Бусы:

– треугольная подвеска с горизонтальным каналом из бесцветного прозрачного стекла. Ширина 0,5 x 1,1, высота 1,7 см;

– округлые, из бесцветного стекла, с горизонтальным каналом. Диаметр 0,4 см – 3 экз.;

– округло-биконические, из синего стекла, с цилиндрическим каналом. Диаметр 0,3 см;

– такая же, но коричневая, с коническим каналом. Диаметр 0,4 см;

– округлая, из прозрачного светло-зеленого стекла. Диамет. 1,3, высота 1,1 см;

- бочонковидная, с металлической прокладкой. Размеры 0,7 х 0,7 см;
  - кольцевидные, с ребристой поверхностью, бесцветного стекла. Диаметр 0,7, высота 0,3 см – 2 экз.
  - цилиндрическая, из глухого голубого стекла. Длина 0,9, ширина 0,75 см.
4. Бронзовое круглое зеркало с валиком по краю, выступом в центре и петлей для подвешивания (фрагментирована). Диаметр 7,5 см, ширина валика 0,9, высота 0,3, диаметр выступа 1,5, высота 0,8 см [Петренко, 1984. – С. 202-205].

КРЫМСКАЯ ОБЛАСТЬ

78. с Чкалово Нижнегорского р-на, к. 1, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы, в 1,2 м к западу от репера. Контуры могильной ямы не прослежены. На глубине -40 от условного 0 обнаружено деревянное гробовище, которое состояло из поставленных на ребро плах шириной 5-6, толщиной 1-1,5 см. Длина сохранившейся части гробовища 1,53, ширина 0,55 м. Гробовище было перекрыто тонкой дранкой. Скелет мужчины 40-50 лет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Череп деформирован. Правая рука согнута в локте, кисть ее на поясе. У правого бедра найден меч (1), в 0,35 м к северо-востоку от погребения на той же глубине – сосуд (2).

1. Железный меч с антенновидным навершием. Перекрестье утрачено. Клинок с параллельными лезвиями, линзовидный в сечении, конец обломан. Навершие плоское, волюты закруглены в один оборот и соприкасаются. Ручка прямоугольная в сечении. Длина сохранившейся части клинка 25 см, ширина у пяты 4,2, длина ручки 10, ширина навершия 5,4 см.

2. Гончарный сероглиняный кувшин с сильно отогнутым венчиком и чуть приподнятым сливом. Горло невысокое, тулово округлое, дно плоское. Петлевидная ручка отбита. По шейке проходит узкий рельефный валик с косыми насечками, подчеркнутый рядом вдавленных кружков. Поверхность чернолощенная. Диаметр горла 12,5 см, дна 10, тулова 26, высота кувшина 24 см [Нечитайло, Бунятян, 1984. – С. 7].

79. с. Чкалово, к. 1, п. 2. Впускное в курган эпохи бронзы, в 2,1 м к юго-востоку от репера. Контуры могильной ямы не прослежены. На глубине -90 от уровня насыпи найдено деревянное гробовище длиной 1,7, шириной 0,55 м, перекрытое дранкой. Скелет женщины 60-70 лет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки согнуты в локтях, кисти на животе. В области груди – бусы и бисер (1). Справа возле черепа находился сосуд (2), фрагменты мисочки (3) и железного предмета (пряжки ?). Слева от скелета, очевидно, за стенкой гробовища, обнаружено скопление угольков от сгоревших веток. Среди них найдены прясло (4) и несколько бисеринок.

1. Бусы:

- бочонковидные, с металлической прокладкой – 14 экз.;
- цилиндрические, бирюзовые, из египетского фаянса;
- цилиндрическая, из глухого зеленого стекла;
- такая же, из голубого стекла;
- цилиндрические коралловые – 6 экз.

2. Гончарный красноглиняный миниатюрный кувшин с уплощенным профилированным венчиком, невысоким горлом, приземистым округло-биконическим туловом, на кольцевом поддоне. Прямая в перегибе ручка одним концом прикреплена под венчиком, другим – на скате плечика. Внешняя поверхность ангобирована темно-красным цветом. В нижней части корпуса две горизонтальные полосы, нанесенные светлой краской, на горле – одна такая же. Диаметр венчика 7,4 см, корпуса 11,6, дна 6,6, высота кувшина 11,8 см.

3. Лепная сероглиняная миска полусферической формы с загнутым венчиком. Дно не сохранилось. Диаметр венчика 6,5 см.

4. Керамическое усеченно-коническое прясло с округлыми стенками и вертикальным каналом. Высота 2,3 см [Нечитайло, Бунятян, 1984. – С. 7].

80. с Чкалово, к. 3, п. 7. Впускное в курган эпохи бронзы, в 10 м к северо-востоку от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси ЮВ-СЗ, размеры 2,2 x 0,8 м, дно на глубине -200 от условного 0. Скелет пожилой женщины лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. У правой кисти находились зеркало (1) и прясло (2). В северо-западной части ямы, у самой ее стенки – тлен от двух-трех бревен, вероятно, от перекрытия. Здесь же лежали кости животного и, видимо, нож (3). Рядом стоял сосуд (4).

1. Бронзовое круглое плоское неорнаментированное зеркало с истлевшей деревянной рукоятью. Она крепилась к диску с помощью бронзовой прямоугольной пластинки размерами 2 x 1 см с двумя заклепками. Диаметр зеркала 11 см.

2. Свинцовое усеченно-коническое прясло с вертикальным каналом. Верхнее основание слегка утоплено. Диаметр нижнего основания 2,2 см.

3. Железный нож с прямой спинкой и округлым лезвием, клиновидный в сечении. Рукоять в виде согнутого пополам железного прутка крепилась к пяте клинка. Длина ножа 12 см.

4. Гончарный красноглиняный миниатюрный кувшин с закругленным отогнутым венчиком, шаровидным туловом, на кольцевом поддоне. Плоская петлевидная ручка отходит от края венчика. Плечики украшены двумя горизонтальными линиями в виде пояса, расчлененного косыми штрихами по три в ряд. Аналогичные орнаментальные линии спускаются от плечиков, перекрещиваясь у дна кувшина. Диаметр венчика 9 см, дна 6, высота сосуда 15 см [Нечитайло, Бунятян, 1984. – С. 21-22].

81. с. Чкалово, к. 3, п. 11. Впускное в курган эпохи бронзы, в 11,5 м к северу от репера. Погребение в яме с подбоем. Входная яма округло-вытянутая в плане, ориентирована по оси В-З, размеры 1,5 x 0,5 м, дно на глубине -200 от условного 0. Подбой сделан в южной стенке, подпрямоугольный в плане, ориентирован по оси В-З, размеры 1,6 x 0,55 м, дно на глубине -250 от условного 0. Скелет ребенка 6-9 лет лежал вытянуто на спине, головой на З. Ноги перекрещены в голених. У левой кисти руки лежали нож (1), лопатка и кости передней ноги барана.

1. Железный черешковый нож с деревянной ручкой. Длина сохранившегося фрагмента клинка 6 см [Нечитайло, Бунятян, 1984. – С. 23].

82. с. Источное Джанкойского р-на, к. 1, п. 2 (рис. 21,1). Впускное в курган эпохи бронзы, в 8,5 м к северо-востоку от репера. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет (сохранился очень плохо) лежал вытянуто на спине, головой на СВ, на глубине -160 от условного 0. Около грудной клетки найден развал сосуда (1), в 15 см к северо-востоку от него прясло (2).

1. Сероглиняный лепной кубок с невысоким венчиком (утрачен), грушевидным туловом, на плоском дне. На стенке остатки петлевидной ручки, возможно, стилизованной зооморфной. Диаметр венчика около 7 см, тулова 11, дна 6, высота кубка около 11 см (рис. 21,1б).

2. Керамическое асимметричное усеченно-коническое прясло с вертикальным каналом (рис. 21,1в). Диаметры оснований 1,6 и 1,8 см, максимальный диаметр 3,4, высота 4 см [Щепинский. Отчет, 1979. – С. 27].

83. Кировское, р/ц, к. 1, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы, в 2 м к востоку-юго-востоку от репера. Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Правая рука была слегка согнута в локте, кисть ее лежала между ног, левая рука согнута сильнее, кисть на тазу. Справа от черепа стоял сосуд (1), на шее найдены бусы (2).

1. Гончарный красноглиняный кувшин. Венчик утрачен, горло цилиндри-

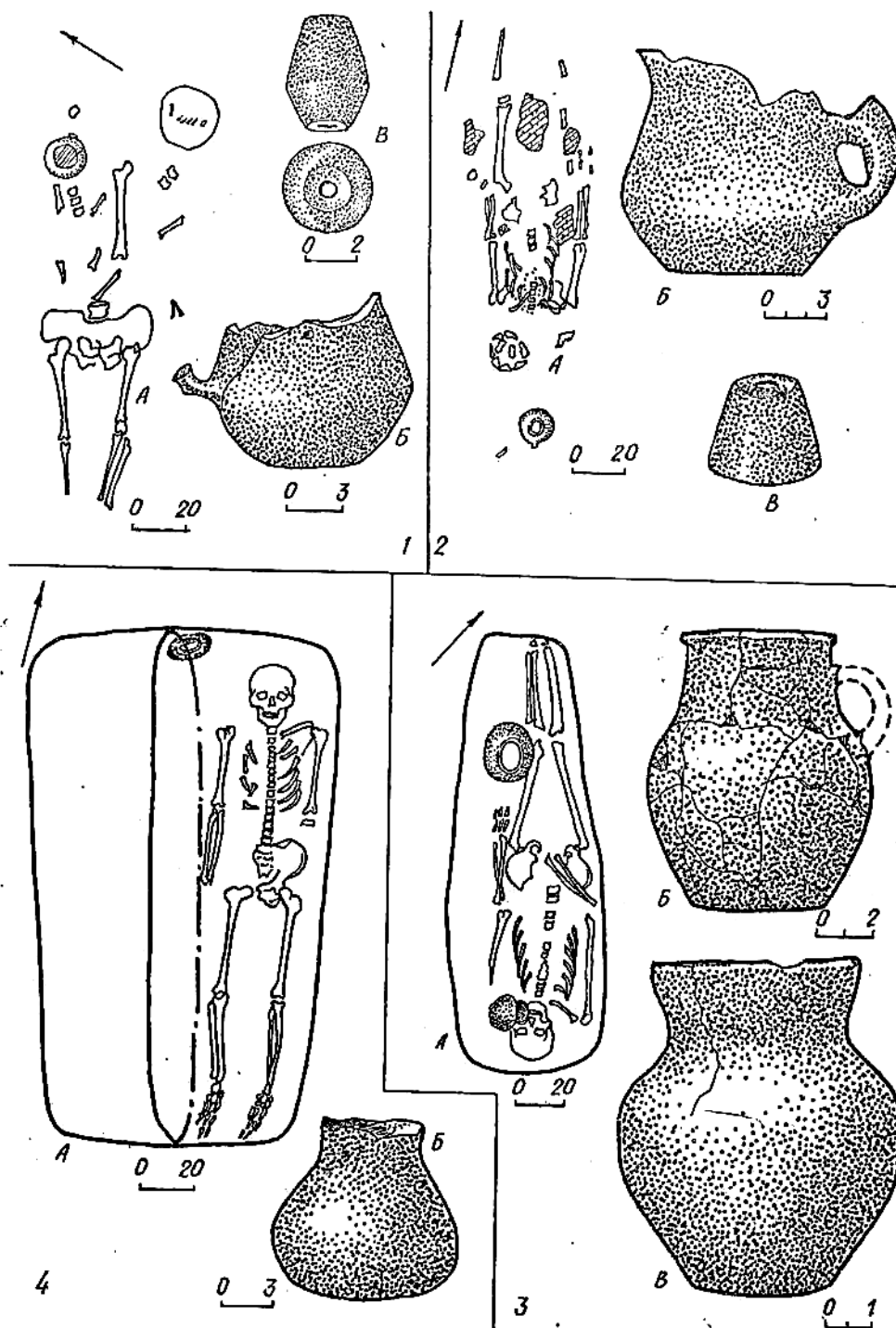

Рис. 21. Сарматские погребения Таврии:

1 – Неточное, 1/2; 2 – Софиевка, 42/2; 3 – Первоконстантиновка, 10/3; 4 – Орловка, 1/1.

ческое, тулово сферическое, на кольцевом поддоне. Ручка утрачена. По основанию венчика две врезные линии. Диаметр горла 7 см, тулова 14, дна 6,5 см.

2. Бусы:

- мелкий голубой и белый кольцевой бисер – более 40 экз.;
- округлые, из глухого голубого стекла – 3 экз.;

– треугольная подвеска из глухого красноватого стекла с вертикальным каналом [Щепинский. Отчет, 1975. – С. 9 – 10].

84. Советское, р/ц, к. 1, п. 8. Впускное в курган эпохи бронзы, в 4 м к западу от репера. Контуры могильной ямы не прослежены. На глубине -70 от условного 0 при снятии бровки было разрушено погребение. Судя по сохранившимся *in situ* костям, скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. У черепа слева найдены сильно фрагментированный лепной сосуд, бусины (1) и обломки меча (2).

1. Сферическая бусина из глухого темно-синего стекла со спиралевидным орнаментом. Диаметр 1,2 см (рис. 9,56).

2. Железный меч с кольцевым навершием и прямым перекрестьем. Сохранились фрагмент навершия, эфес с частью рукояти и клинка и нижняя часть клинка (рис. 9,5а). Клинок линзовидный в сечении, с параллельными лезвиями, ширина у пяты около 3 см, длина не восстанавливается. Ширина перекрестья 4,8 см [Щепинский. Отчет, 1976. – С. 9-10].

85. с. Ильичево Ленинского р-на, к. 1, п. 3. Впускное в курган эпохи бронзы, в 7 м к юго-востоку от репера. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, на глубине -180 от условного 0. Левая кисть находилась на тазу. Под черепом лежала серьга (1), на костях грудной клетки найдено около 50 мелких плохо сохранившихся бус из глухого белого и голубого стекла.

1. Бронзовая проволочная серьга с сильно заходящими друг за друга концами. Диаметр 1,5 см [Щепинский. Отчет, 1975. – С. 45].

86. с. Китай Сакского р-на, к. 3, п. 3. Впускное в курган эпохи бронзы, в 5,65 м к северу от репера. Могильная яма узкая, прямоугольная в плане, с закругленными короткими стенками, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2,1 x 0,45 x 0,3 м, дно на глубине -115 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на Ю. Справа от черепа помещались сосуды (1, 2), фрагмент железного ножа и кости овцы. У правого колена, в области таза и в ногах найдены четыре бусины (3).

1. Красноглиняный гончарный кувшин с отогнутым венчиком, грушевидным туловом, на кольцевом поддоне. Ручка утрачена.

2. Гончарная миска с загнутым венчиком, подчеркнутым невысоким валиком, коническим туловом, на кольцевом поддоне.

3. Округлые поперечно-сжатые бусины из глухого синего стекла [Щепинский. Отчет, 1975. – С. 93].

87. с. Червоное Нижегородского р-на, к. 5 (Ногайчинский), п. 18*. Впускное в курган эпохи бронзы, в 7 м к ЮЗ от репера. Контуры погребального ооружения не прослежены. На глубине -651 от репера стоял "прямоугольный деревянный ящик" (А. Щепинский) размерами 1,92 x 0,85 x 0,15 м. На нем прослежены остатки краски. По углам могилы сохранились круглые углубления от деревянных столбиков. "Ящик" был ориентирован по оси СЗ-ЮВ. В нем вытянуто на спине, головой на СЗ лежал скелет женщины. На шейных позвонках находилась гривна (1), по бокам черепа – серьги (2), на лбу – диадема (3), на запястьях и щиколотках – браслеты (4, 5). В области шеи найдена брошь (6). Рядом с правой берцовой костью стояла деревянная шкатулка размерами около 0,3 x 0,2 м. В ней находились туалетные флаконы (7-12),

*Богатое захоронение в Ногайчинском кургане исследовано А.А. Щепинским в 1974 г. [Щепинский, 1977. – С. 75-76; Щепинский, 1976. – С. 525-526]. Отдельные вещи из комплекса опубликованы [SUR, 1989. – С. 130-131]. В настоящее время для исследования доступны лишь золотые украшения, хранящиеся в МИДУ. В отчете [Щепинский, Отчет, 1974. – С. 54-55. – Рис. 94-101] практически нет описания и рисунков вещей (кроме нескольких малоформатных ракурсных фото плохого качества). Полевая документация и часть вещей (керамика, бусы, серебряные чаши, зеркало, алебастровые сосуды) хранятся в Археологическом музее на общественных началах, организованном А.А. Щепинским при базе экспедиции (г. Симферополь, ул. Гавена, 103), и по ряду причин в настоящее время недоступны для исследования. Поэтому здесь приводится подробное описание лишь вещей из коллекции МИДУ. Вещи, хранящиеся у А.А. Щепинского, описаны по фотографиям и данным отчета.

фибулы (13), медальон (14), два перстня и кольцо (15, 16), подвески в виде львиных голов (17), амулет (18). У правого плеча обнаружены кувшин (19) и бальзамарий (20), рядом с ним – зеркало (21). В области грудной клетки собраны бусы (22) и золотые бляшки (23). Кисти погребенной покоились в серебряных чашах (24). Около шкатулки найдены алебастровый сосуд (25), стеклянная чашечка (26) и фаянсовая тарелка (27). Над скелетом, выше его на 0,1-0,15 м по всему периметру могилы находились золотые бляшки (28)*.

1. Золотая 4-витковая гривна из круглого в сечении прута. Окончания гривны оформлены напаянными фризами в виде трех чередующихся грифонов. Верхний край фриза начинается фигурка орлиноголового грифона. Голова на высокой шее повернута назад, круп приподнят, лапы поджаты. Серповидные крылья развернуты, оперение на них передано косыми насечками, оперение (?) на груди и шеи – крестовидными. Хорошо промоделированы поджатый хвост, трехпалые лапы; глаз, мышцы плеча, бедра и основания ребер подчеркнуты голубыми стеклянными вставками. Следом за ним, грудью смыкаясь с крупом первого, расположен второй, волкоголовый (?) грифон, также припавший к "земле". Его голова обращена вперед, от плеча вверх отходит серповидное крыло, хвост загнут между ног. Длинные уши прижаты к затылку, шерсть или оперение на груди и шее передано крестовидными насечками, бедро покрыто рельефными косыми линиями, передающими шерсть. Хорошо промоделированы трехпалые лапы; глаз, ухо, основание крыла, ребра и мышцы плеча подчеркнуты голубыми стеклянными вставками (некоторые утеряны). Следом за ним вплотную к крупу помещен львиноголовый грифон. Он также припал на лапы, голова развернута en face. По бокам носа рельефными завитками переданы характерные львиные "бакенбарды", могучие мышцы шеи подчеркнуты рельефным ребром. Хорошо промоделированы когти четырехпалых лап. Небольшое серповидное крыло поднято вверх, хвост, покрытый рельефными поперечными линиями, вытянут и оканчивается головкой орла. Глаза, уши, ребра, мышцы бедра и окончание хвоста украшены голубыми стеклянными вставками (некоторые утрачены).

Чудовища на нижнем фризе аналогичны верхним, но с некоторыми отличиями: у второго грифона выделена пышная грива, ниспадающая по шее в виде рельефных волнистых линий, крыло третьего грифона украшено такими же линиями. Оба фриза выполнены в технике круглой скульптуры. Гривна сделана грубовато, почти не полирована и производит впечатление изделия, изготовленного специально для похорон. Диаметр 14 см, высота 18, сечение 0,6 см (вклейка, фото 1-3).

2. Золотые серьги (2 шт.). Основу изделия составляет круглый щиток, в центре которого в глухом касте закреплен круглый кабошон изумруда. Вставка окружена черно-белыми эмалевыми треугольниками, расположенными по кольцу, внутри которого – напаянная витая проволока. Такая же проволока оконтуривает бортик щитка. Выше щитка в овальном касте, окруженном витой проволокой, помещена агатовая вставка, по ее бокам – две круглые вставки зеленого стекла, увенчанные золотыми бусинами, а ниже всей композиции, на верхнем краю центрального круглого щитка – две золотые волюты с сердоликовой вставкой, увенчанной золотой бусиной в центре. Ниже центрального щитка симметрично завиткам волют подвижно (в петельках) закреплены две круглые вставки изумруда, между ними – золотая с зернью петелька. В ней подвижно закреплена стержневидная подвеска с окончанием в виде кубика и двумя напаянными волютами в центре. К круглым нижним вставкам подвижно прикреплены три цепочки с сердоликовыми и стеклянными бусинами на концах. С тыльной стороны каж-

*Г.Т. Ковпаненко упоминает о находке в этом комплексе двух серебряных ложек [Ковпаненко, 1986. – С. 86]. Однако ни в тексте отчета, ни в коллекции МИДУ их нет. Вероятно, они хранятся на базе А.А. Щепинского.

дой серьги припаян крючок-застежка. Длина серьги 5,2, диаметр центрального щитка 1,5 см (фото 4).

3. Золотая диадема, сплетенная из трех цепочек. К нижней подвижно прикреплены 36 вертикальных подвесок, спаянных из пяти шариков и увенчанных цилиндром. Окончания диадемы оформлены фигурными пластинками, украшенными сканными волутами и овами. В центре пластинок – овальные гранатовые вставки. Длина диадемы 31 см, ширина 0,7, длина подвесок 1,4 см (фото 5).

4. Два золотых ручных браслета. Корпус изделия кольцевидный, полый, с уплощенной внутренней поверхностью, на внешних краях напаяны две рифленые проволоки. Между ними закреплены 53 косо расположенные золотые проволоочки с плотно нанизанными на них речными жемчужинами. В центре нижней стороны и чуть ниже краев (между 10 и 11 рядами жемчужин) помещены три низки ониксовых и стеклянных бусин, разделенных золотыми колечками, украшенными зернью. В отверстия по концам браслетов вставлены и припаяны парные скульптурные композиции – Эрот и Психея. На Психее закрытый хитон, Эрот полуобнажен. Со спины обе фигурки покрыты широким плащом, концы которого соединяются на фронтальной части композиции. Под плащом видна правая рука Эрота, обнимающая плечи Психеи, левой рукой он гладит ее щеку. Психея правой рукой обнимает Эрота за талию, левая рука покоится на бедре. Тщательно промоделированы улыбающиеся лица персонажей, завитки волос, складки одежды, пальцы. Композиция отличается тонкой работой и художественным совершенством. К фигуркам на одном браслете припаяно по золотой проволочке, фиксирующей в центре композиции маленький изумруд, оправленный в золото. Между головами фигурок на шарнирах помещен замок браслета: прямоугольная (в одном случае) и овальная (в другом) граненая полая золотая пластина, в центре которой трапецевидная вставка циркона (браслет № 1) и овальная вставка цитрина (браслет № 2). Диаметр браслета 10,3 см, толщина 1,66, высота фигурок 3,7, размеры замка 3,1 x 1,8 и 3,4 x 2,75 см (фото 6-10).

5. Два золотых ножных спиралевидных браслета в 3,5 витка, из круглой в сечении проволоки. Диаметр 9,1 см, высота 6,1, сечение 0,4 см (фото 11).

6. Золотая брошь. Основу изделия составляет круглый плоский щиток. В центре овальный кабошон матового светло-зеленого стекла в зубчатом касте, украшенном сканью, и оправе из золотых миниатюрных листьев. Под ней — сканный орнамент в виде "бегущей волны". Вокруг центральной вставки на щиток напаяны два концентрических ряда конусов, увенчанных шариком зерни и разделенных проволочкой. По окружности щитка – шесть каплевидных вставок сердолика в глухих кастах (две утрачены). К нижнему краю щитка припаяны десять круглых золотых петелек для подвесок (утрачены). Край броши оконтурен витой проволокой. С оборотной стороны напаяна застежка в виде плоского золотого крючка. Диаметр броши 5 см, размеры центральной вставки 1,52 x 1,1, малых 0,9 x 0,6 см (фото 12).

7. Золотая пиксида с гладким грушевидным корпусом, на округлом дне. На корпус надета полусферическая крышка, украшенная чеканным орнаментом из S-видных завитков и кружков. В крышке и корпусе пробито по два отверстия для крепления. Орнамент над ними образует тамгообразный знак из горизонтальной волуты и отходящего вверх крючка. Диаметр крышки 3,3 см, высота 2,03, диаметр корпуса 3,03, высота 2,14 см (фото 13, 14).

8. Золотой флакон со сплюснутым сферическим туловом и цилиндрическим горлом. На него надета плоская цилиндрическая крышка. Корпус флакона украшен двумя рядами напаянных сдвоенных витых проволочек, между которыми помещен ряд сердцевидных гнезд со вставками голубой эмали. Крышка орнаментирована циркульным орнаментом, сканными S-видными завитками, сердоликовой вставкой в центре. Дно украшено чеканными концентрическими линиями, окруженными циркульным орнаментом. На крышке и плечиках флакона –

Вещи из Ногачинского кургана

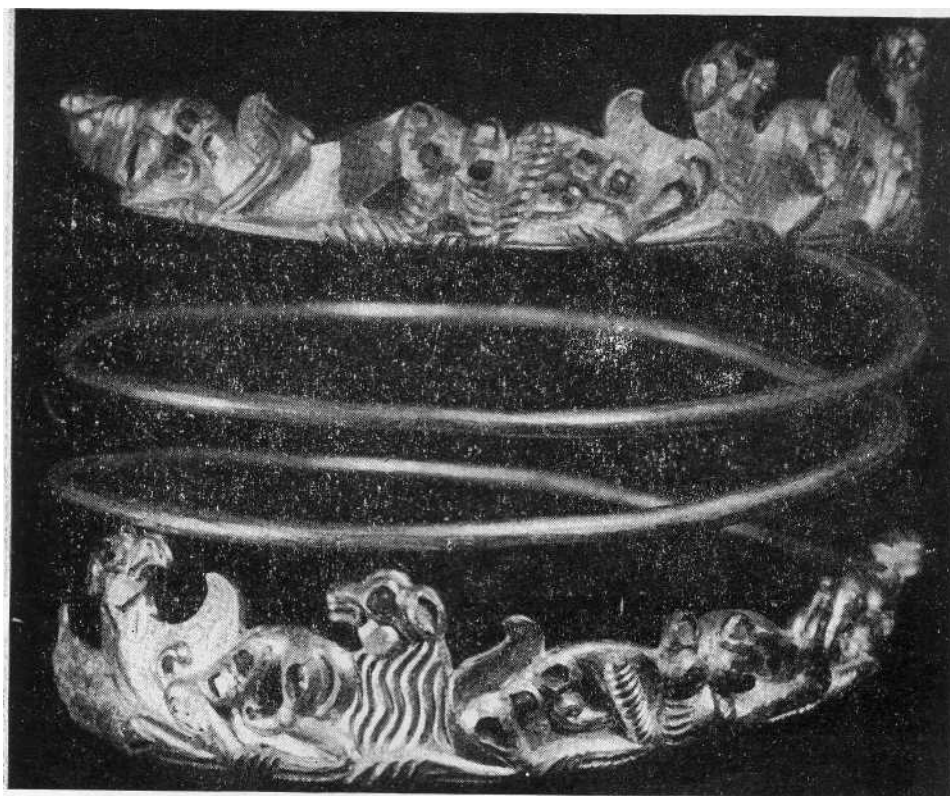

Фото 1. Гривна (общий вид)

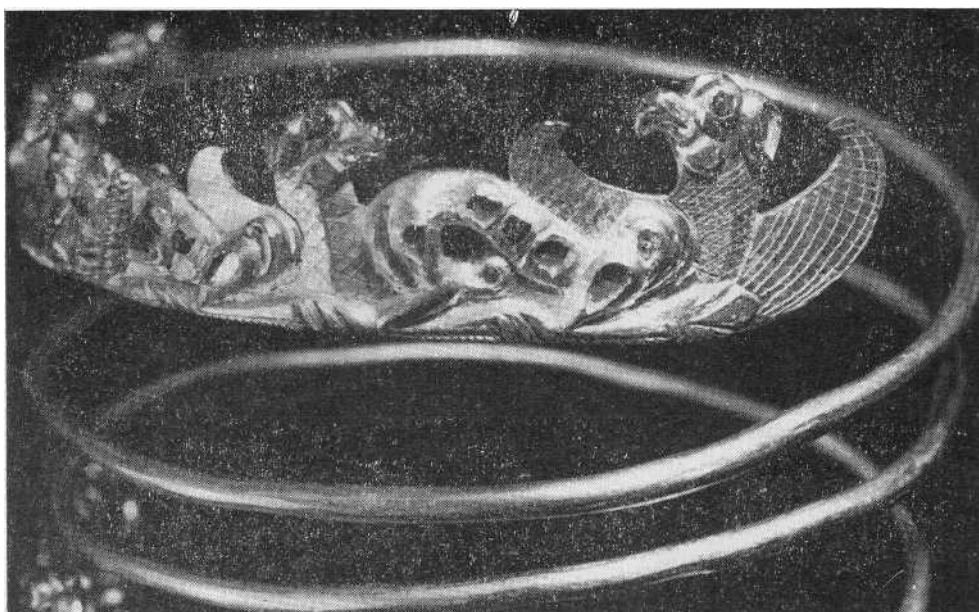

Фото 2. Гривна (верхний фриз)

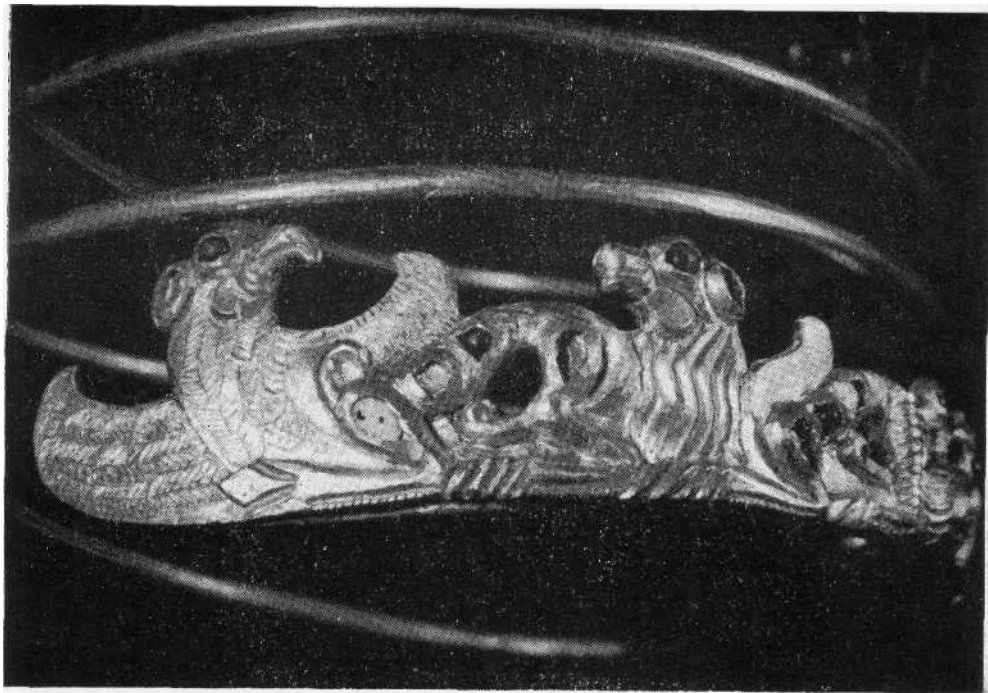

Фото 3. Гривна (нижний фриз)

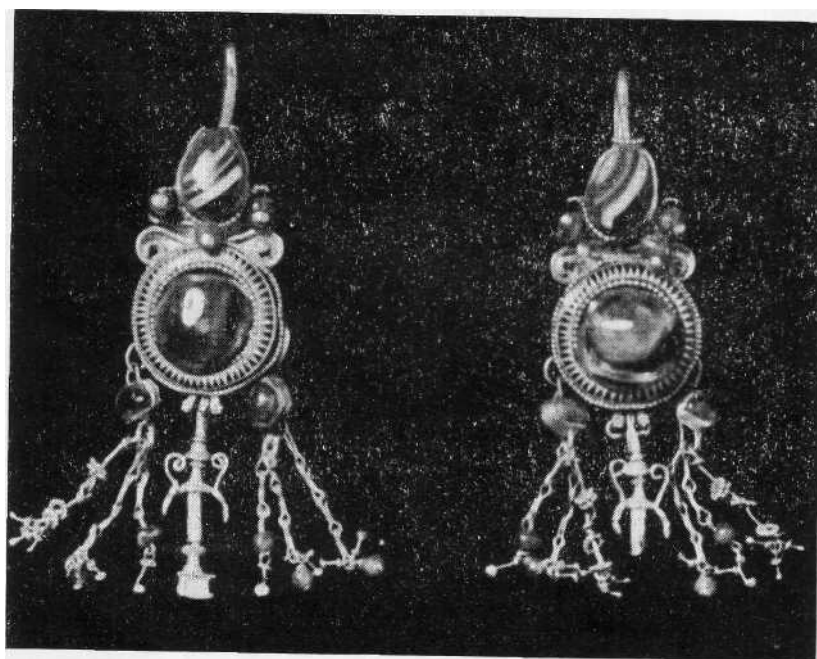

Фото 4. Серьги

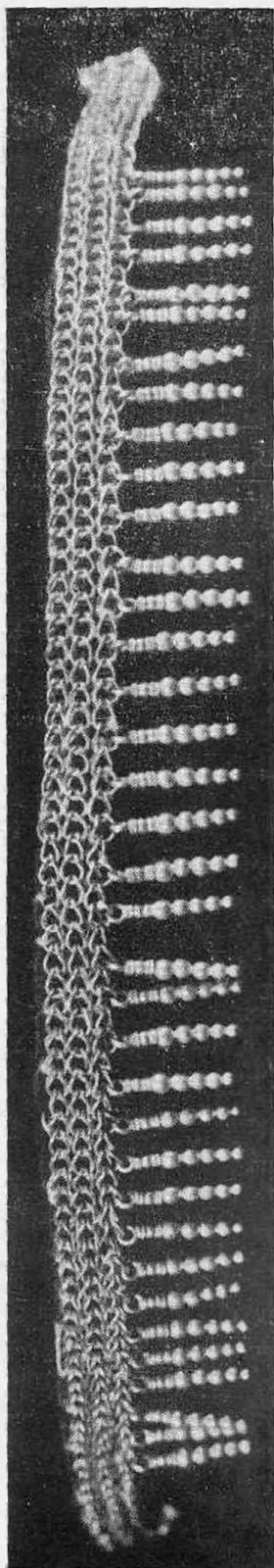

Фото 5. Диадема

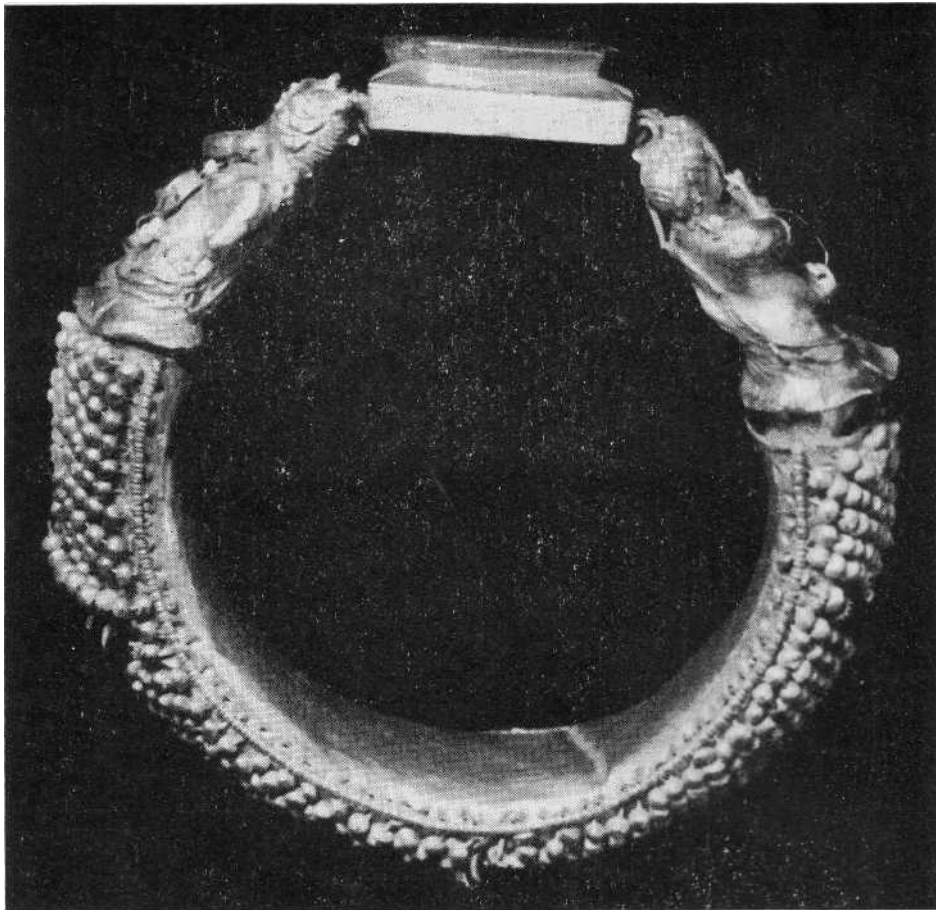

Фото 6. Ручной браслет (№ 1)

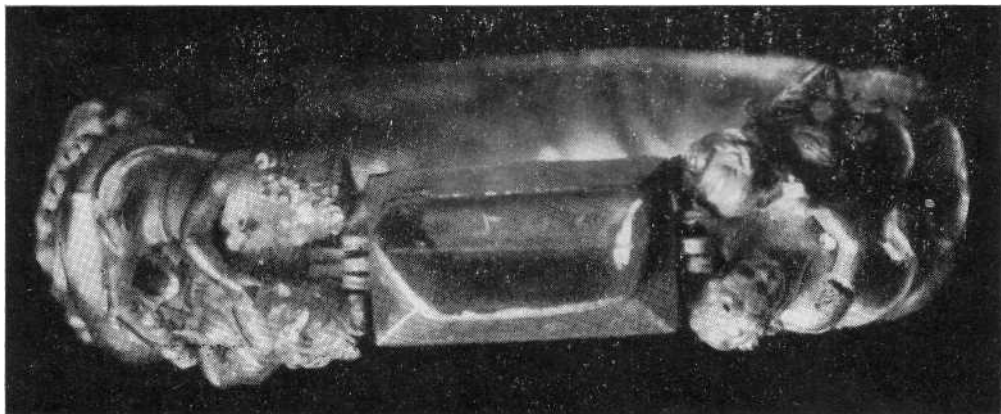

Фото 7. Ручной браслет (замок)

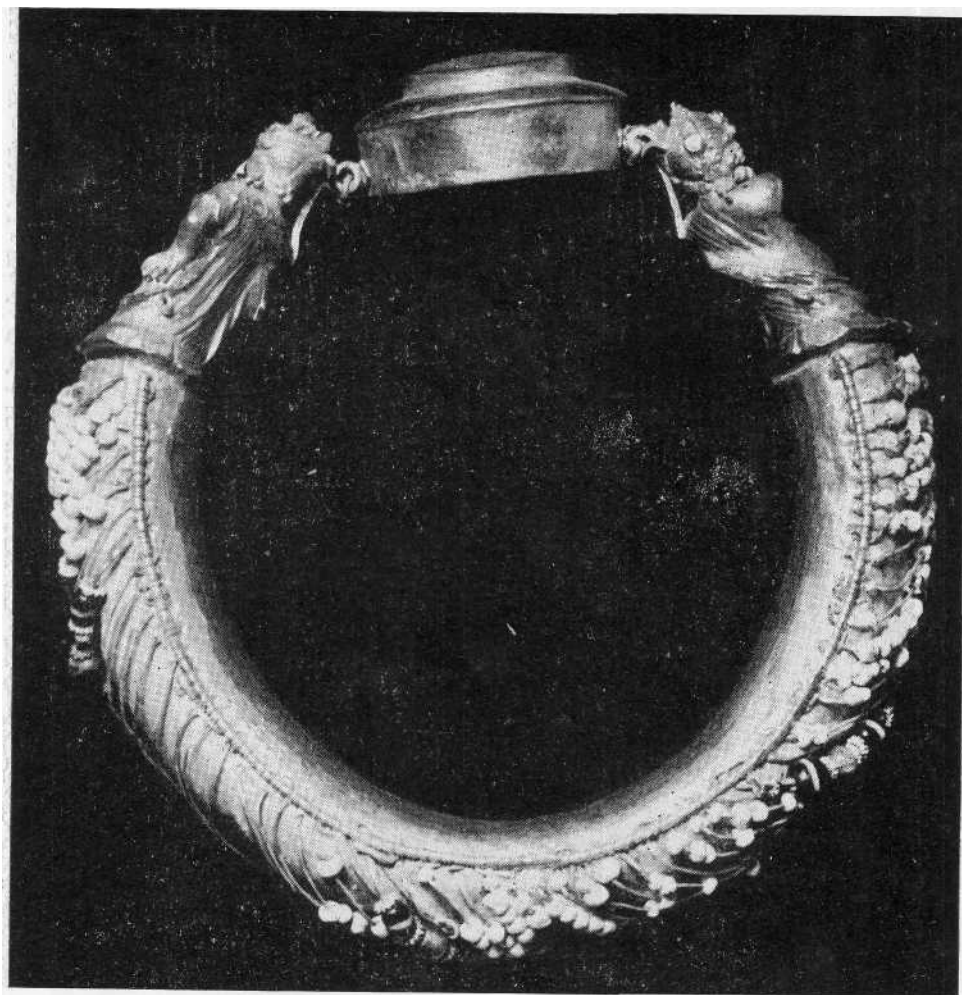

Фото 8. Ручной браслет (№ 2)

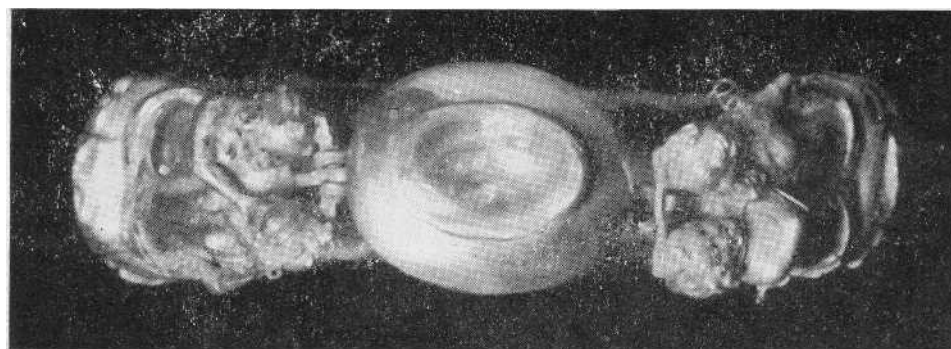

Фото 9. Ручной браслет (замок)

Фото 10. Композиция на окончаниях ручного браслета (№ 1)

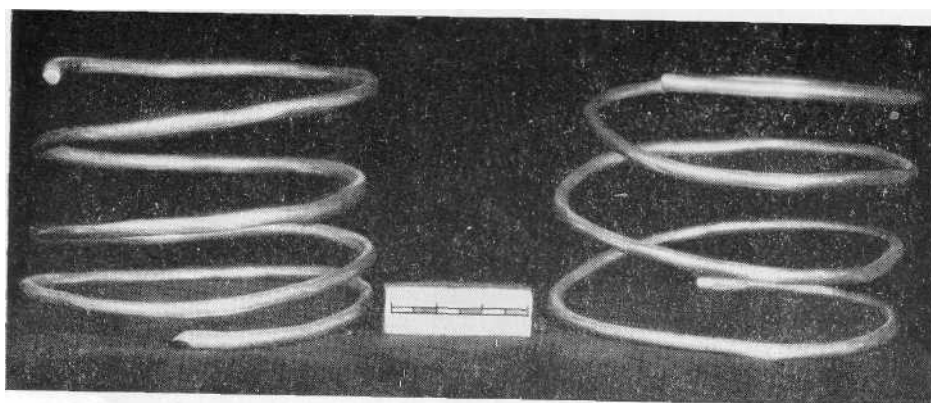

Фото 11. Ножные браслеты

Фото 12. Брошь

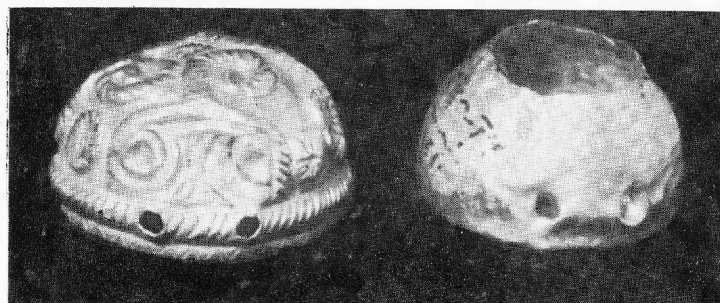
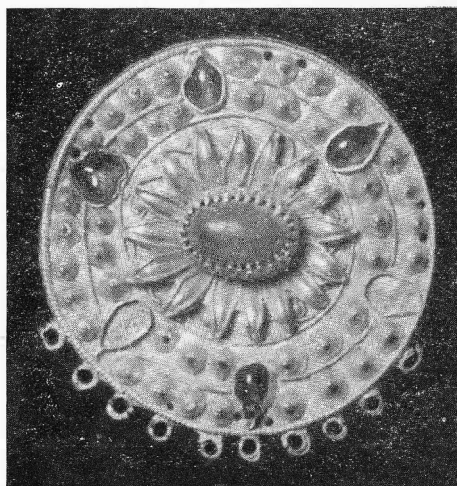

Фото 13. Пиксида

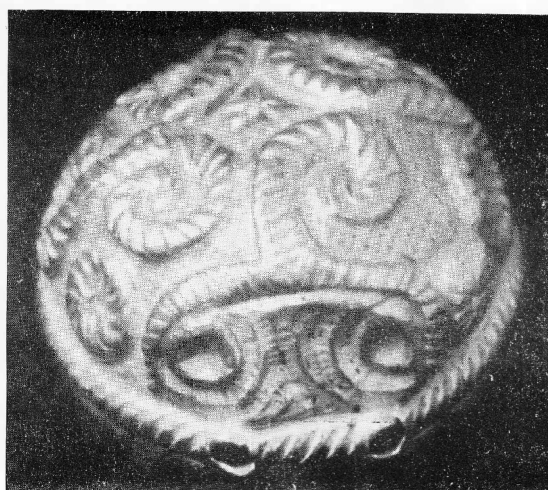

Фото 14. Тамгообразный узор на пиксиде

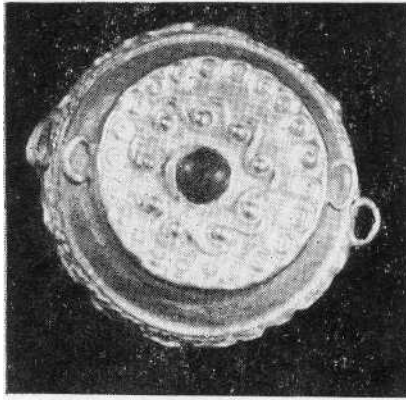

Фото 15. Туалетный флакон

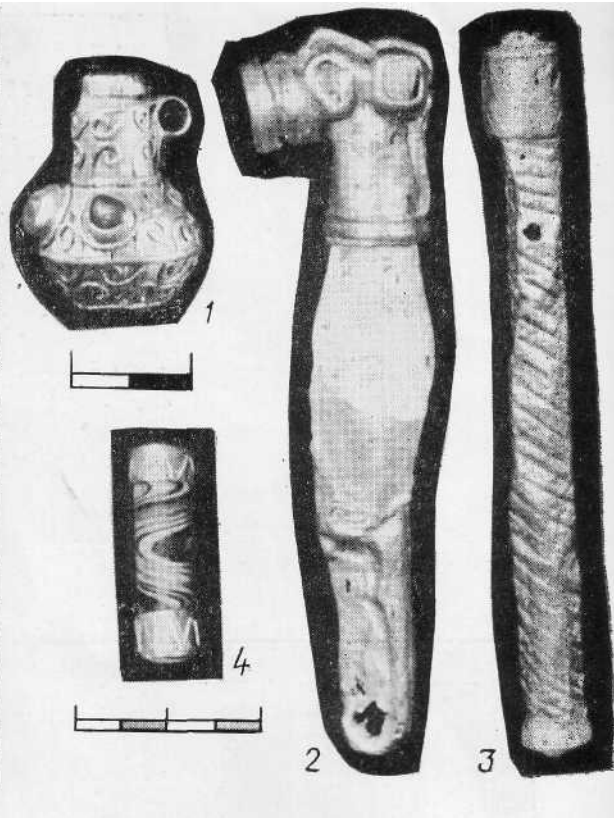

Фото 16. Туалетные флаконы

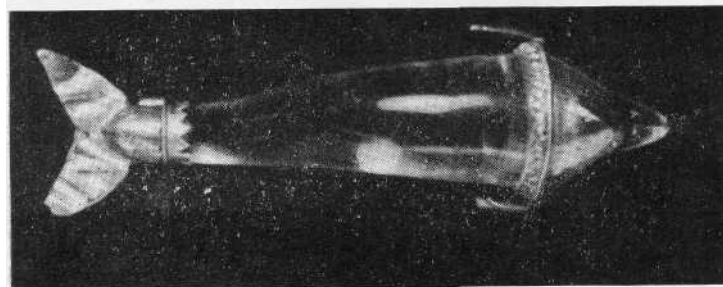
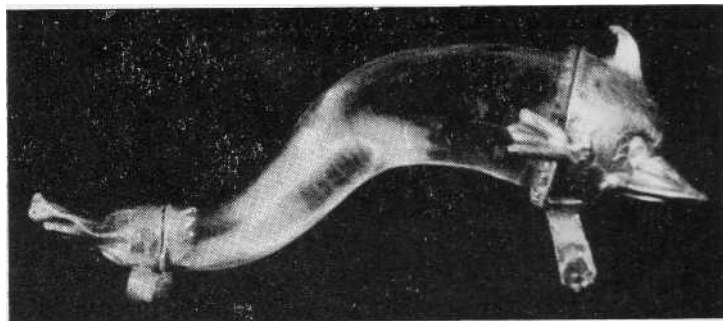

Фото 17. Фибула

Фото 18. Фибула (деталь)

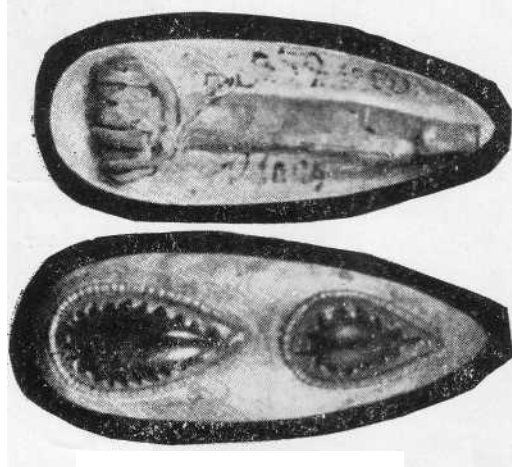

Фото 19. Фибула-брошь

Фото 20. Агатный медальон

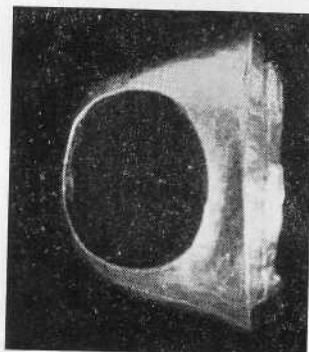

Фото 21. Перстень с геммой

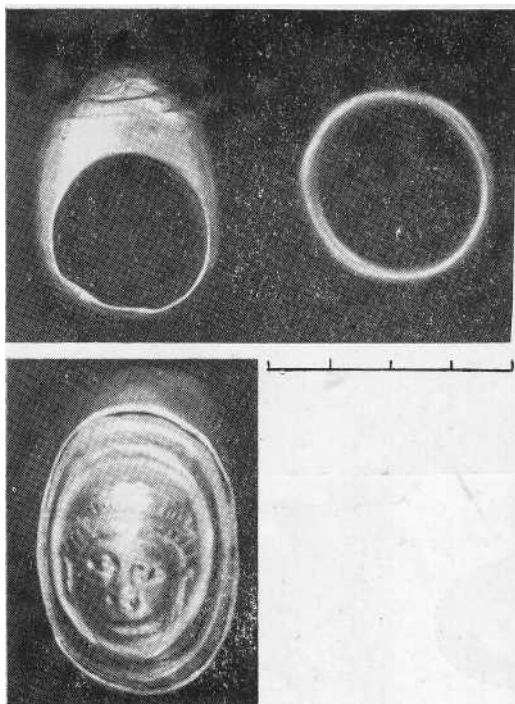

Фото 22. Перстень и кольцо.

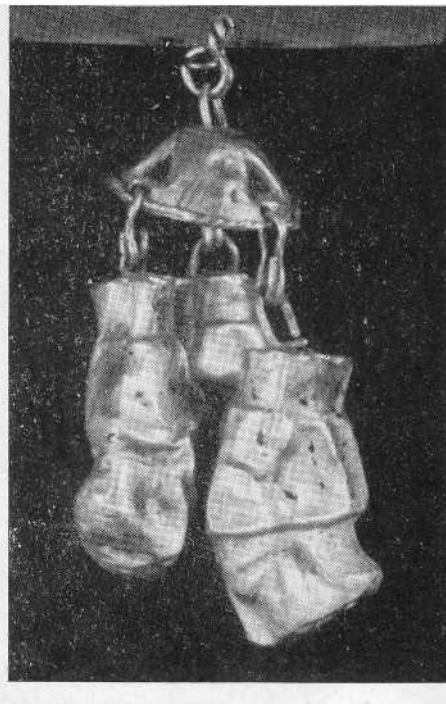

Фото 23. Подвеска-амулет

Фото 24. Антропоморфный амулет

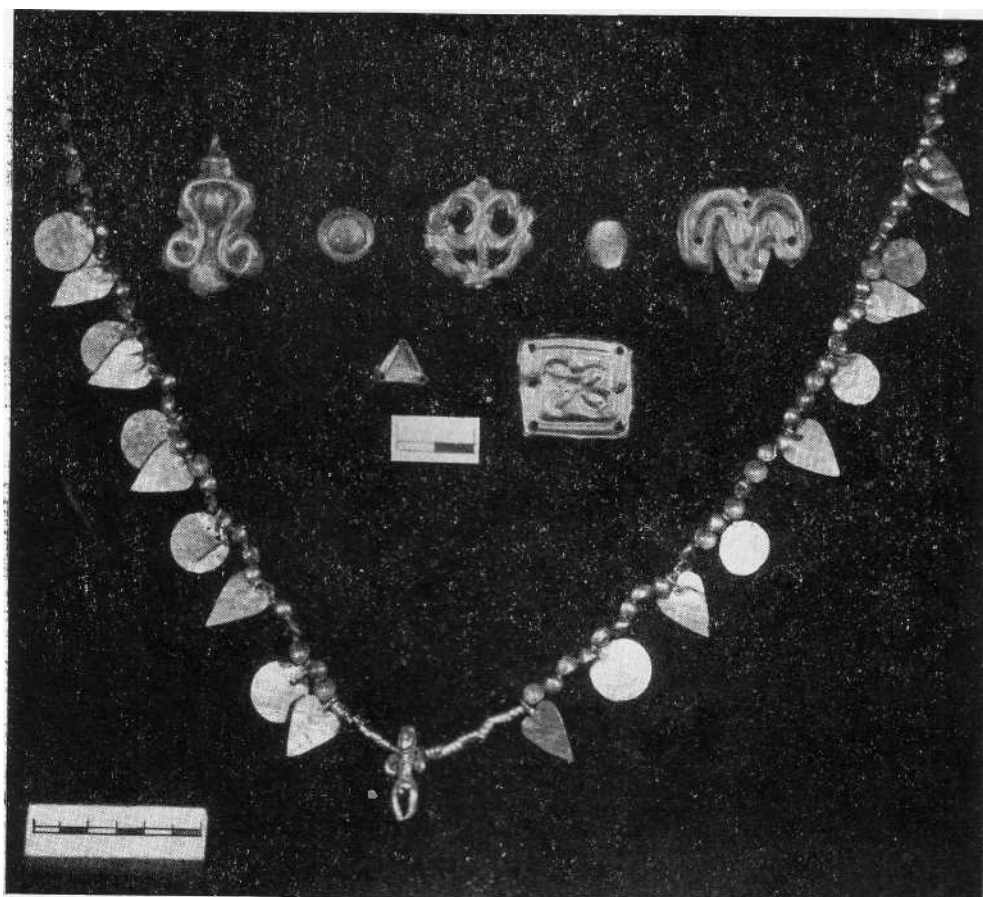

Фото 25. Типы нашивных бляшек

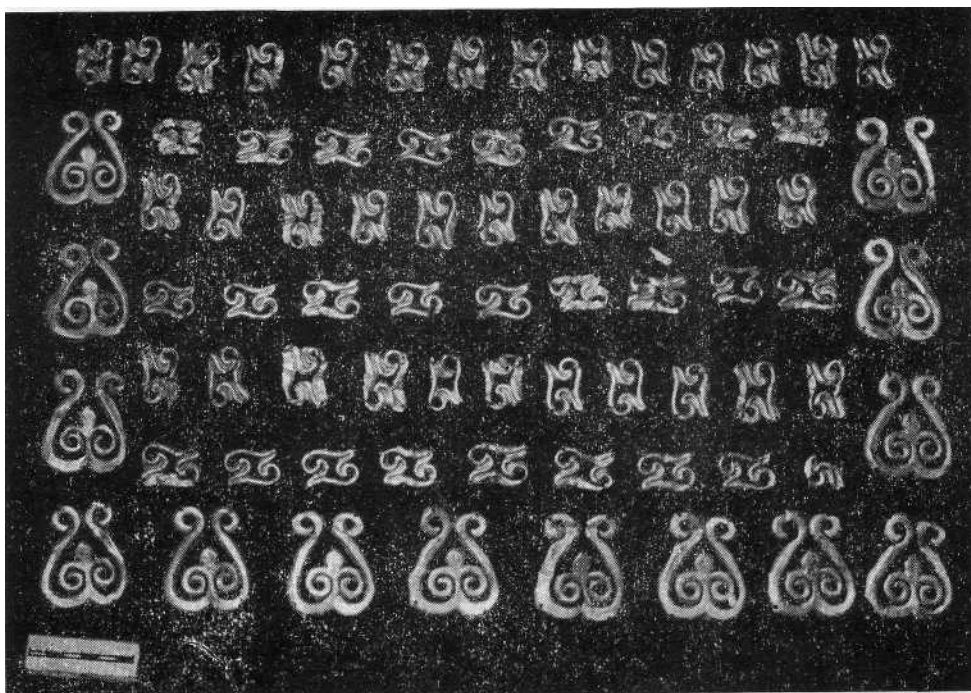

Фото 26. Типы нашивных бляшек

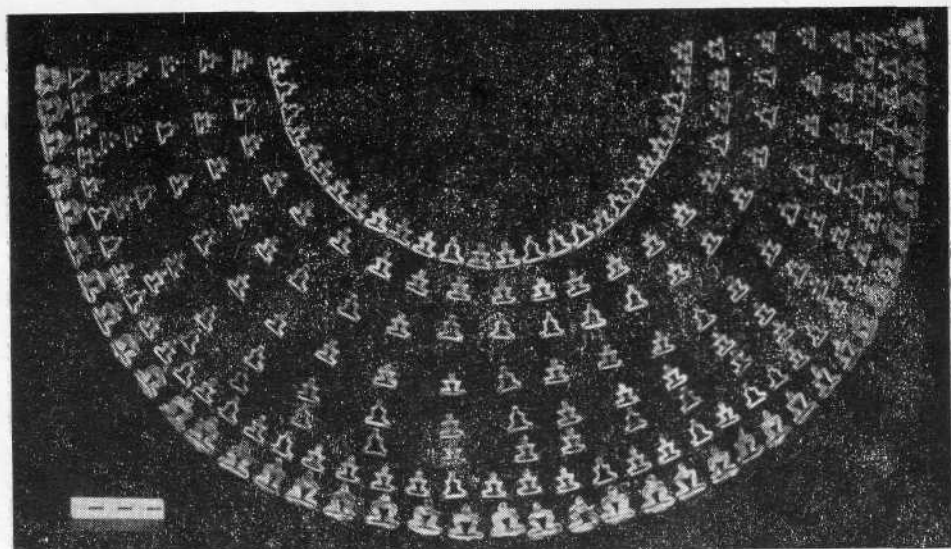

Фото 27. Типы нашивных бляшек

по две петельки для подвешивания. Диаметр корпуса 2,7, крышки 1,9 см, высота корпуса 1,85, крышки 0,69 см (фото 15).

9. Золотой флакон с округлым корпусом и цилиндрическим горлом с притертой костяной пробочкой. На горле петля для подвешивания. Корпус и основание горла украшены тремя горизонтально напаянными проволочками, между которыми помещены фризмы из сканных завитков, и тремя вставками из голубого и желтого стекла. На крышке – сердоликовая вставка, оправленная в золото. Диаметр корпуса 1,35 см, горла 0,7, высота 2,1 см (фото 16,1).

10. Флакон из алебаstra с веретенообразным корпусом. Нижнее окончание его оформлено золотой пластиной, подтреугольной в сечении, верхнее – в виде золотой львиной головки. Длина 7,6, диаметр 1,3 см (фото 16,2).

11. Золотой флакон с корпусом в виде узкой трубочки, покрытой косым рифлением и точечным орнаментом. Нижний конец слегка расширяется, верхний закрыт золотой цилиндрической крышкой. Длина 7,8, диаметр 0,7 см (фото 16,3).

12. Флакон с цилиндрическим корпусом из агата, закрытым с двух сторон золотыми цилиндрическими крышками, орнаментированными сканными овами. Длина 2,3, диаметр 0,65 см (фото 16,4).

13. Фибулы:

а) пружинная зооморфная. Корпус из горного хрусталя в виде дельфина. Золотая головка надета на корпус. На темени изогнутый плавник, по бокам два плавника с выделенными перепонками. Круглые глаза окружены врезными линиями, изображающими ресницы. Рыло вытянутое, напоминающее утиный клюв, с рельефно выделенной пастью. От подбородка вниз отходит золотой плоский штырек, в котором поперечно закреплена железная ось пружины. Край головы подчеркнут кольцевой линией из шариков зерни и оформлен зубчиками, заходящими на хрусталь. Золотой хвост также надет на корпус, конический, с горизонтальным хвостовым плавником. Край хвоста оформлен заходящими на хрусталь зубчиками и подчеркнут напаянной проволочкой. На нижней стороне хвоста расположен напаянный двойной золотой приемник со следами окиси от игл. Иглы и пружинный аппарат утрачены. Длина фибулы 7,8 см, максимальный диаметр 1, длина оси пружины 1,3 см (фото 17, 18).

б) брошь с золотым каплевидным щитком, слегка изогнутым по длинной оси. По ней же расположены две каплевидные вставки – верхняя гранатовая, нижняя зеленого стекла – в зубчатых кастах, окруженных проволокой с поперечными насечками. Застежка бронзовая, с 6-витковой пружиной с нижней тетивой и коротким приемником. Длина 4,2, ширина 1,5 см (фото 19).

14. Овальный медальон с агатовой вставкой. Агат матовый, с желтыми прожилками, в зубчатой оправе, с петелькой на краю для подвешивания. Ободок оправы орнаментирован двойной витой проволокой, зубчики – гладкой сканью. Размеры 3,7 x 3,4 см (фото 20).

15. Золотой перстень с массивной, расширяющейся к щитку полый шинкой и усеченно-коническим щитком. В жуковину вставлена инталия на фиолетовом стекле – человеческая голова вправо. Отверстие для пальца круглое. Диаметр 3, размеры щитка 3,5 x 1,5 см (фото 21).

16. Золотой перстень с расширяющейся к щитку шинкой и овальным щитком, украшенным рельефным изображением головы Афины (?). Диаметр 2,4, размеры щитка 2 x 1,4 см; золотое кольцо из круглой в сечении проволоки. Диаметр 2,6, сечение 0,3 см (фото 22).

17. Четыре золотые подвески в виде трех полых львиных голов, подвижно соединенных с конусом, в центре которого петля (фото 23).

18. Золотой амулет в виде фигурки человека с прижатыми к плечам ладонями, кривыми короткими ногами и выраженными мужскими половыми признаками. Высота 1,9 см (фото 24).

19. Гончарный кувшин с отогнутым граненым венчиком и поднятым сливом,

высоким воронковидным горлом, сферическим туловом, на плоском дне. По основанию горла невысокий валик, по плечикам двойная врезная линия, от нее по тулову такие же вертикальные свисающие линии. Ручка петлевидная*.

20. Красноглиняный бальзамарий с манжетовидным венчиком, высоким, слегка воронковидным горлом, прямыми плечиками, резко сужающимся ко дну туловом, на коническом поддоне.

21. Бронзовое круглое зеркало с валиком по краю диска и боковой ручкой-штырем. На ручке цилиндрическая насадка.

22. Бусы "из гагата, халцедона, стекла" (А.Щ.).

23. Золотые бляшки (фото 25):

- подвески лировидные с петлей – 8 экз. Размеры 2 x 1,4 см;
- цилиндрические "пуговицы". По верху цилиндра, в круглом касте – вставка из синего (4 экз.), желтого (2 экз.) и светло-зеленого (1 экз.) стекла. В цилиндре два отверстия для пришивания. Диаметр вставки 0,7 см, цилиндра 0,5, высота 0,5 см – 7 экз.;
- ажурные "якоревидные", диаметр 1,5 см – 9 экз.;
- круглые, коротко-цилиндрические, диаметром 0,4 см, с двумя отверстиями – 5 экз.;
- треугольные, с загнутым бортиком и тремя отверстиями, размеры 0,7 x 0,7 см – 8 экз.;
- круглые, полусферические, с петлей на обороте, диаметром 0,6 см – 10 экз.;
- круглые полусферические "кнопки" с двумя отверстиями. Диаметр 0,3 см – 95 экз.;
- в виде бараньих рожек, с 4 отверстиями, размеры 1,8 x 1,5 см – 5 экз.;
- фрагменты золотого шитья в виде крестовидно переплетенной плоской ленты;
- листовидные, с петлей, размерами 1,1 x 1 см – 10 экз.;
- диски с петлей, диаметром 1,2 см – 9 экз.;
- гофрированные пронизи диаметром 0,3 см.

24. Две серебряные чаши "типа килика" (А.Щ.).

25. Алебастровый сосуд с резко отогнутым уплощенным венчиком, сдавленным сферическим туловом, на плоском дне.

26. Чаша из стекла миллефиори, с округлым венчиком, полусферическим туловом, на высоком коническом поддоне.

27. Фаянсовая тарелка с плоским, резко отогнутым венчиком, на плоском дне. Венчик покрыт врезным орнаментом в виде плетенки, на дне – рельефная голова Сатира.

28. Золотые нашивные бляшки:

- ажурные, лировидные, размерами 2,9 x 2,5 см – 14 экз. (фото 26);
- ажурные, ромбические, с двумя завитками в центре, размерами 1,6 x 1 см – 62 экз. (фото 26);
- ажурные "городки", размерами 1,1 x 1,3 см – 41 экз. (фото 27);
- такие же, размерами 1 x 0,9 см – 173 экз. (фото 27);
- прямоугольные, со штампованной двойной рамкой и 4-лепестковой розеткой в центре, по углам от шести до восьми отверстий. Размеры 1,3 x 1,5 см – 18 экз. (фото 25).

88. с. Константиновка Симферопольского р-на. Разрушенное погребение на склоне балки, случайная находка 1971 г. Данные о погребальном обряде неизвестны. На месте находки обнаружены бронзовый таз (1), кувшин (2), стакан (3), две амфоры (4), краснолаковые кувшины (5, 6), тарелка (7) и чаша (8), бронзовый браслет (9), железные удила (10).

---

*Номера 19-22 и 24-27 описываются по фотографиям либо по тексту отчета А.А. Щепинского. Поскольку фото ракурсные и без масштаба, привести размеры нет возможности.

1. Бронзовый таз – Эггерс 100.
2. Бронзовый кувшин Blechkanne типа "Стралджа".
3. Цилиндрический бронзовый стакан местного изготовления.
4. Две светлоглиняные узкогорлые амфоры малоазиатских центров.
5. Краснолаковый кувшин с грушевидным корпусом и небольшой ручкой на плечике.
6. Краснолаковый кувшин с приземистым широким корпусом и прямой в перегибе ручкой.
7. Краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком.
8. Фрагмент краснолаковой чаши с высоким коническим корпусом и прямым венчиком.
9. Бронзовый браслет с разомкнутыми ромбовидными концами.
10. Железные двухколенчатые удила с двойными кольцами [Орлов, Скорый, 1989. – С. 63-73]*.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

В I – первой половине II в. н. э. на исследуемой территории продолжают доминировать впускные погребения (83 из 87). Основных захоронений известно три (Метрополь, 8/1; Сергеевка-76, 4/1; Софиевка-83, 25/1). Насыпь над первым была практически распахана. Погребение у с. Сергеевка было перекрыто обычной для сарматов невысокой (1,3 м) круглой в плане насыпью диаметром около 40 м. Несколько необычна, хотя и известна у сарматов, насыпь над погребением у с. Софиевка – овальная, вытянутая по оси С-Ю. Впрочем, не исключено, что это результат все той же распахки.

В таврической степи отсутствуют компактные курганные могильники с основными погребениями. Вряд ли они будут выявлены и в будущем, учитывая степень изученности этой территории (рис. 22). Однако такой могильник известен на восточной границе исследуемой территории, у с. Новофилипповка на р. Молочной. Если, как полагают исследователи [Вязьмитина, 1986. – С. 191], подобные могильники (Подгороднянский, Усть-Каменский) отмечают места зимовий, то не исключено, что сарматы Таврии не имели отношения к населению, оставившему Молочанский могильник. Ниже мы остановимся на сходстве и различии таврических памятников и крупных сарматских могильников, открытых в других районах.

Впускные погребения совершены, как правило, в насыпях эпохи бронзы, в скифских курганах они единичны. Подобная картина наблюдается и в других регионах Северного Причерноморья, некогда населенных сарматами. Вероятно, в сарматское время более древние курганы каким-то образом отличались от сравнительно недавно возведенных скифских, и сарматы – по непонятным мне причинам – предпочитали их. Редко, но встречающиеся в скифских курганах сарматские впускные погребения не позволяют говорить о полном игнорировании сарматами скифских насыпей. Не исключено, что искомое объяснение таких "симпатий" лежит на поверхности: курганов эпохи бронзы просто было больше, чем скифских, и подобная топография впускных сарматских погребений есть лишь результат действия закона больших чисел.

Местоположение погребений этой хронологической группы в насыпи таково: к С от центра – 13%, СВ – 9,5%, СЗ – 12%, Ю – 8,3%, ЮВ – 7,2%, ЮЗ – 10,7%, З – 5,9%, В – 9,5%, в центре насыпи** – 15,5% погребений. Иными словами, большинство захоронений совершалось в северной (34,5 %) и южной (21,2 %) полах насыпей, а также в центре. Если учесть, что часть погребений в полах уда-

---

*Инвентарь этого погребения детально описан и исчерпывающе проанализирован К.К. Орловым и С.А. Скорым.

**Под центром подразумевается пространство диаметром до 2 м в наивысшей точке насыпи.

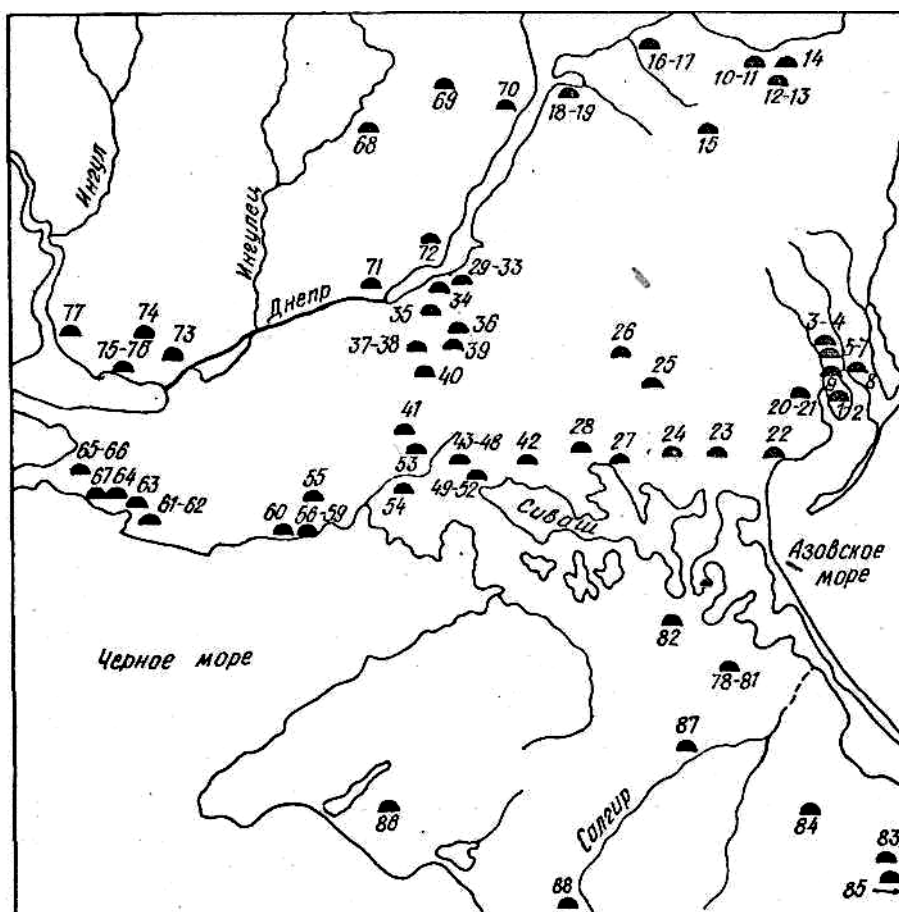

Рис. 22. Карта памятников I — первой половины II в. н. э.

лена от центра не далее как на 3-4 м, то следует признать, что основной тенденцией являлось захоронение в центре или ближе к центру насыпи. Таким образом, на этом хронологическом этапе продолжают традиции предшествующего.

Подобная картина наблюдается в сопредельных регионах — Приазовье и Орель-Самарском междуречье. По данным В.И. Костенко, в последнем преобладают захоронения в центре насыпи и в северной поле. Несколько меньше погребений находилось в южной поле, и совсем единичны могилы в западной и восточной полях [Костенко, 1986. — С. 10-36].

Нетрудно объяснить стремление похоронить покойника в наивысшей, т. е. наиболее заметной, а, значит, почетной и престижной точке кургана. Это соображение подтверждается расположением здесь таких погребений высшей знати, как Соколова Могила или Пороги. Выбор других мест насыпи для захоронения, возможно, зависел от поры года либо сезонных отклонений светил — при настоящем состоянии источников точнее сказать трудно.

Никакие манипуляции с насыпью (изменение ее формы, досыпки и проч.) в исследуемом регионе не отмечены как система. Они зафиксированы лишь в двух случаях. В Павловке после совершения впускного захоронения круглой насыпи придали форма овала, вытянутого по оси СВ-ЮЗ. Ее полы были укреплены материковой крепидой (рис. 14,2в). Лесс брался из выкопанных неподалеку двух ям (прослежены при прокладке траншеи трубопровода). Полная аналогия такому обряду мне неизвестна, а семантически он близок рвам вокруг насыпей в Поднепровье [Гросу, 1979. — С. 252].

Судя по устному сообщению В.А. Колотухина (более точной информацией я не располагаю по причинам, изложенным в примечании к описанию Ногайчинского кургана), над погребением знатной сарматки в этом кургане была совершена досыпка высотой до 3 м, интенсивно прокаленная. По заключению геологов, осматривавших бровки Ногайчинского кургана, на поверхности досыпки была разлита и подожжена нефть, горевшая довольно продолжительное время. При всей уникальности этого обряда следует видеть в нем связь с общесарматским культом огня [Костенко, 1980].

Погребальные сооружения в этой группе пяти типов: прямоугольные и подпрямоугольные, овальные и трапециевидные ямы, ямы с заплечиками и камерные могилы: ямы с подбоем и катакомбы. Не прослеживались контуры ямы 51% погребений. Предположительно, это, скорее всего, обычные прямоугольные ямы. Если принять такое допущение, то этот тип погребальных сооружений превалирует в группе (73%). Очень уступают им количественно (8,1%) ямы с подбоем. Еще меньше (по 4,6 %) овальных и трапециевидных ям. Наконец, наименее представлены (2,3%) ямы с заплечиками, катакомба единична. Совершенно отсутствуют в регионе характерные квадратные ямы, в которых погребенные лежат по диагонали (так называемые диагональные погребения). Это объясняется прежде всего тем, что они всегда содержат основные погребения под индивидуальными насыпями, неизвестные в Таврии. Между тем, погребальные сооружения этого типа хорошо представлены в Поволжье, на Нижнем Дону, в соседнем Приазовье (Молочанский могильник), в Орель-Самарском междуречье (Подгороднянский могильник), непосредственно к северу от условных границ Таврии на правом берегу Днепра (Усть-Каменский могильник). Названные памятники, с одной стороны, очень близки между собой, а, с другой – близкие подобным памятникам Дона и Волги. На это родство уже не раз обращали внимание исследователи [Вязьмитина, 1954. – С. 242; Костенко, 1990. – С. 30]. Приходится констатировать, что памятники Таврии своеобразны в этом плане, хотя в остальном очень сходны с сопредельными. В том же Орель-Самарском междуречье также преобладают прямоугольные ямы (правда, на втором месте – квадратные), уступают им количественно ямы с подбоем, овальные и ямы с заплечиками [Костенко, 1986. – С. 58-61]. В Молочанском могильнике количественное распределение следующее: прямоугольные ямы, ямы с подбоями, квадратные [Вязьмитина, 1954. – С. 221].

Среди среднесарматских памятников Таврии есть захоронение в катакомбе (Широкая Балка, 2/11), необычное не только типом погребального сооружения, но и западной ориентацией. По классификации К.Ф. Смирнова, катакомба из Широкой Балки относится ко II типу, наиболее распространенному у сарматов. Очень близка ей по конструкции катакомба конца I в. н. э. в Порогах [Симоненко, Лобай, 1991а. – С. 8] и синхронная широкобалковской катакомба 154 некрополя Танаиса [Арсеньева, 1977. – С. 41. – Табл. 5,4].

Катакомба – редкий тип сарматского погребального сооружения в Северном Причерноморье. Впрочем, и на остальных территориях они никогда не были широко распространены (за исключением прикубанского Золотого кладбища).

Один из главных вопросов, связанных с сарматскими катакомбами – являются ли они этноопределяющим признаком. Существует точка зрения об аланской принадлежности сарматских катакомб [Нечаева, 1961. – С. 153; Виноградов, 1963. – С. 95; Ждановский, 1979. – С. 38-45], возникшая, главным образом, ретроспективным путем. Отталкиваясь от несомненной принадлежности северокавказских катакомб раннесредневековым аланам [Виноградов, 1963. – С. 95], исследователи в поисках их генетических корней приписывают сарматские катакомбы последних веков до н. э. – первых веков н. э. аланам этого времени. Попутно якобы получают решение вопросы появления алан как самостоятельной этнической единицы, времени их выхода на историчес-

кую арену, проникновения на Северный Кавказ, в донские и кубанские степи и т. д. Между тем, М.Г. Мошкова совершенно справедливо отмечает, что рассматривать сарматское погребальное сооружение (в том числе и катакомбу) как этноопределяющий признак в отрыве от комплекса остальных признаков методически неверно [Мошкова, 1983. – С. 20]. Что касается существа вопроса, то именно спорадичность и разбросанность катакомб во времени и пространстве (с прохоровского по позднесарматское время) не подтверждает их принадлежности аланам и даже того, что этот тип погребального сооружения может быть использован как этноопределяющий признак. С другой стороны, сарматские катакомбные погребения, как правило, снабжены обильным и часто богатым инвентарем, что вероятно, отражает какие-то социальные различия в сарматском обществе.

Не меньшую полемику вызывают генетические корни катакомбного обряда у сарматов. Традиционно, вслед за К.Ф. Смирновым, исследователи ищут их в памятниках Поволжья и Приуралья, где подобные сооружения появляются с IV в. до н.э. [Игнатов, 1986. – С. 68]. Однако, как справедливо заметили А.В. Захаров и С.И. Безуглов (правда, их замечание касалось донских катакомб, но оно верно и для всего сарматского мира), сами по себе катакомбные конструкции абсолютно не показательны, они существуют во многих культурах эпохи раннего железа и при их рассмотрении необходим конкретно-исторический подход [Безуглов, Захаров, 1988. – С. 20]. При таком подходе редкие савроматские катакомбы вряд ли были непосредственными прототипами сарматских, учитывая их культурную и хронологическую дискретность. Даже между близкими по времени и типу катакомбами II – I вв. до н. э. на Кубани (ст. Хоперская, могильники Карстовый, Малаи, Греки) и первых веков н. э. существует лакуна примерно в полстолетия.

Рассматривая катакомбы первых веков н. э. в культурно-историческом единстве, следует, на мой взгляд, разделить их на две группы. В первую должны быть включены памятники I – II вв. н. э. (Пороги, Широкая Балка, некоторые могилы некрополя Танаиса и степей Дона и Кубани). Вторая группа катакомб (при тех же типологических признаках) хронологически ограничена второй половиной III – началом IV в. н. э. В Северном Причерноморье она локализуется на границе степи и лесостепи левобережья Днепра (Дмухайловка, Ново-Подкряж) и в низовьях Дуная (могильники Фрикацей, Владычень, Чауш, Кубей, Курчи). В это время подобные погребальные сооружения практически отсутствуют в степях по обоим берегам Днепра, на Кубани, где встречались ранее, а группируются в низовьях Дона, в междуречье Дона и Сала, частично в бассейне Маныча. Эта группа катакомб столь же компактна, как нижнедунайская (во всех остальных регионах катакомбы спорадичны), близки они по обряду и инвентарю (в том числе по набору диагностирующих вещей: факетированные детали наременной гарнитуры, двухчленные лучковые подвязные фибулы, полихромные украшения). С.И. Безуглов и А.В. Захаров убедительно доказали связь донских и однотипных ставропольских катакомбных памятников второй половины III – IV в. н. э., очертив ареал носителей этого обряда [Безуглов, Захаров, 1988. – С. 22]. Близость их к нижнедунайским погребениям указывает на исходную территорию продвижения последней сарматской волны на запад.

Как видим, динамика распределения погребальных сооружений Таврии по типам практически (если не считать квадратных ям) едина как здесь, так и в сопредельных памятниках. С одной стороны, это говорит о духовном и этническом родстве оставившего их населения. С другой – отсутствие характерных для сарматов от Днепра до Волги диагональных погребений указывает на, скорее всего, иной племенной состав сарматов Таврии (если считать диагональные погребения признаком племенной принадлежности). И, наконец, погребальные сооружения I – первой половины II в. н. э. очень близки могилам предшествующего этапа. Инновацией являются лишь появляющиеся в I в. н. э. ямы с подбоями – до этого они неизвестны.

Оформление могил различно и в общем типично для сарматов. Встречаются растительные подстилки и кошма или войлок, некоторые погребения перекрыты деревом, камнем, камышом (о природе этих различий сказано выше). В двух случаях зафиксированы считающиеся характерными для сарматов меловая подсыпка и куски серы (настораживает, правда, тот факт, что эти "характерные" черты ритуала столь редки). В Водославке (8/3) покойный был помещен в решетчатое гробовище, такие же случаи известны и на предыдущем этапе; в двух погребениях у Чкалова прослежены стенки простого гроба. Судя по всему, в деревянном, декорированном цветным алебастром, античном (?) саркофаге похоронена "царица" в Ногайчинском кургане. Он был покрыт погребальным покровом, расшитым золотыми бляшками*.

Все погребения этой хронологической группы совершены по единому обряду – труположение, вытянуто на спине. Лишь в трех случаях (Первоконстантиновка-86, 2/3; Лупарево; Балтазаровка) прослежены отклонения от типичного сарматского обряда: в первых двух погребенные лежали вытянуто на боку, в третьем – скорченно на спине. Ориентация (в процентах) распределяется следующим образом: в северном полукруге – 76,2% (С – 28,7, СВ – 30, СЗ – 17,5), в южном – 15% (Ю – 6,2, ЮВ – 3,7, ЮЗ – 5). Незначительно число погребенных, ориентированных на 3 (3,7%) и В (2,5%). Таким образом, превалирует, как и на предыдущем этапе, ориентация в северном полукруге.

Интересные результаты дало наблюдение за положением конечностей. В 12 случаях обе или одна кисть лежали на тазу. Из них девять погребений антропологически определены как женские, еще о трех это можно утверждать, исходя из состава инвентаря. Иными словами, положение рук покойного на таз – "женский" признак (попутно заметим, что ни в одном определенно мужском погребении эта деталь обряда не зафиксирована). Правда, в данной группе имеются женские погребения, где руки вытянуты вдоль тела. Возможно, вариативность этой черты обряда объясняется какими-то женскими бинарными оппозициями (невеста-жена, девственница-женщина). Кисти "царицы" из Ногайчинского кургана помещались в античных серебряных чашах. Мне неизвестны аналогии этому обряду, хотя близко ему, на мой взгляд, нахождение стоп покойного в серебряных фаларах в Воздвиженском кургане [Гущина, Засецкая, 1989. – С. 125].

Почти все погребения индивидуальные. Встречено парное захоронение подростков (Софиевка-72, 18/1) и женщины с грудным ребенком (Каирка-86, 6/3). Захоронения последнего типа, хотя и известны у сарматов (Подгороднянский могильник), но достаточно редки. Устойчивым сарматским обычаем следует считать индивидуальное захоронение**.

В 38,7 % погребений обнаружена напутственная пища. Как и на предыдущем этапе, это лопатка и передняя нога барана. В 77,5% случаев напутственная пища сопровождалась ножом. Пищу клали в ноги погребенных (6 случаев, 19,3%), гораздо чаще (25 случаев, 80,6 %) – в головы. В четырех могилах напутственная пища лежала в миске. Иными словами, эта погребальная традиция продолжает существовать практически без изменений. Та же картина наблюдается в сопредельных регионах [Костенко, 1983. – С. 47].

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Оружие. В мужских погребениях этой хронологической группы найдено семь *мечей* (6 целых и 1 фрагментированный) и один *кинжал*. Кроме фрагментированного экземпляра (Черноморское, 1/7), все они входят в известные

*Благодарю С.А. Яценко за любезную консультацию.

**По устному сообщению В.Н. Даниленко, в 1949 (!) г. в Молочанском могильнике им исследовано тройное сарматское погребение. Однако какая-либо документация отсутствует.

типологические схемы [Хазанов, 1971. – С. 5, 15; Симоненко, 1986. – С. 19]: с кольцевым навершием (5 экз.), антенновидным навершием (1 экз.) и с рукоятью-штырем (1 экз.). Оружие первого типа довольно единообразно: клинки средней длины (35-50 см), обоюдоострые, линзовидные в сечении, с прямыми перекрестьями. Конец ручки старосельского меча слегка выходит внутрь кольца навершия. Из-за коррозии сейчас трудно сказать, намеренно ли это было сделано или кольцо "провалилось" на ручку вследствие ослабления соединения. Практически полное отсутствие таких наверший во всем сарматском мире (мне известны лишь подобные клинки из Неаполя Скифского и Звенигорода – последний из пшеворской могилы) говорит в пользу второго объяснения.

Выше отмечались широкий хронологический диапазон таких мечей и невозможность их использования для узкой датировки. Однако то, что в большинстве сарматских погребений Северного Причерноморья до рубежа н. э. найдено оружие с серповидным навершием, заставляет склониться к I в. н. э. (и позднее) как наиболее вероятной дате исследуемых экземпляров. Подтверждает это соображение и инвентарь могил, в которых найдены мечи. В комплексе из Староселья была краснолаковая чаша с вертикальным бортиком и наклепными ручками, прижатыми к нему. Последнее обстоятельство указывает на I в. н. э. [Шелов, 1972. – С. 131]. Сероглиняные кувшины, подобные найденному с перво-константиновским мечом (рис. 16, 1б), обычны в погребениях среднесарматского времени на Дону, и особенно в Поволжье. Бусина, украшавшая рукоять меча из Советского, близка типу 200, датирующемуся концом I в. до н. э. – первыми веками н. э. [Алексеева, 1978. – С. 40-44].

В Чкалове (1/1) найден кинжал с навершием редкого для сарматов типа – антенновидным. В Северном Причерноморье известны три подобных экземпляра – кинжалы из Новолуганского [Шаповалов, 1973. – С. 88-89], Неаполя Скифского [Колтухов, 1983. – С. 223] и меч из Смелы (разрушенное погребение, исследовано С.С. Бессоновой и С.А. Скорым в 1984 г.). Такое навершие считалось характерным для скифских и савроматских клинков конца VI – V в. до н. э. [Мелюкова, 1964. – С. 54]. Но за последние годы в различных районах Сарматии найдено восемь (без учета исследуемых) экземпляров подобного оружия [Симоненко, 1986. – С. 37-38]. Все они датируются средне- и позднесарматским временем. Несколько раньше (в III – I вв. до н. э.) такое оружие бытует у южных соседей сарматов – на Северном Кавказе (Чегемский курган), Кубани (Буерова Могила), в Средней Азии (Кызылтепинский и Тулхарский могильники). Надо полагать, что общеиранская оружейная традиция, сохранившаяся в перечисленных регионах, дала своеобразный "ренессанс" у сарматов в первых веках н. э.

Сосуд, найденный в комплексе с чкаловским кинжалом, близок экземпляру из Молочанского могильника, который М.И. Вязьмитина относит к концу I в. до н. э. – I в. н. э. [Вязьмитина, 1960. – С. 20].

В Водославке найден длинный (75 см) меч с рукоятью-штырем. Навершием его служила маленькая (1,5 x 1,5 см) квадратная пластинка, венчавшая торец деревянной ручки. Меч является классическим образцом позднесарматского (как считалось до недавнего времени) оружия. Однако находки последних лет дали несколько экземпляров таких мечей, датирующихся еще концом II (Брилевка) – I (Арпачин) в. до н. э. Известны они и в I в. н. э. (Светловодск, Рошава Драгана). Именно к этому времени, судя по подвязной фибуле I варианта I серии (по классификации А.К. Амброза), относится и водославский меч. Выясняя время бытования у сарматов длинных мечей, не следует забывать сообщение Корнелия Тацита о том, что воевавшие на Дунае в 68-70-е гг. сарматы были вооружены "очень длинными" мечами, "которые они держат обеими руками" [Тацит. Истории, I, 79]. Дион Хризостом в 83 г., описывая ольвиополита Каллистрата, говорит, что тот был вооружен длинным всадническим мечом – оружием явно сарматским, так как собственно эллинские длин-

ные мечи неизвестны. Количественно длинные мечи уступают коротким в сарматских погребениях I в. н. э.; между тем, именно их находки и данные источников говорят о том, что длинные мечи состояли на вооружении сарматского войска в это время. Не исключено, что нахождение в могилах преимущественно коротких клинков свидетельствует не об их преобладании в составе вооружения, а обусловлено погребальным ритуалом. Короткий меч мог, помимо своей прямой функции, служить признаком принадлежности к воинскому сословию и помещаться в могилу прежде всего в этом качестве. Во всяком случае, контекст сообщения Корнелия Тацита ("*очень длинные мечи их, которые сарматы держат обеими руками*") склоняет к мысли о более широком распространении в I в. н. э. длинных мечей, чем это представляется по данным археологии.

Наконечники копий найдены дважды (Каирка-87, 1/2; Осокоровка). Оба они фрагментированы, и типологические характеристики, которые фиксируются, следующие. Перо листовидное, линзовидное в сечении, шириной 4,5-5 см. Втулка короткая, расширяющаяся к низу, без валика. Длина пера наконечника из Каирки около 35 см. Как и все сарматские наконечники копий, они нейтральны в хронологическом отношении.

Удивляет почти полное отсутствие *наконечников стрел* (шесть наконечников найдены в Широкой Балке) в погребениях Таврии этого времени при многочисленности их на сопредельных территориях. Отмечая это своеобразие памятников, в то же время трудно дать ему однозначное объяснение.

Единична в этой группе и находка предметов *конского снаряжения*. Это удила и псалий из Новогригорьевки (1/17). Удила железные, двухколенчатые – подобные широко распространены во времени и пространстве. Псалий костяной, дуговидный, с восьмерковидным расширением и отверстиями в нем (рис. 10,3в). При общей распространенности такой схемы в сарматское время близкой аналогии ему найти не удалось – впрочем, костяные псалий у сарматов вообще очень редки.

Орудия труда. Как и на предыдущем этапе, они представлены ножами (34 экз.), оселками (4 экз.) и пряслами (14 экз.). Продолжают бытовать все три типа клинков *ножей*: с прямой спинкой и закругленным лезвием, с горбатой спинкой и прямым лезвием и с серповидным клинком. Своеобразен нож из Чкалова (3/7) – его рукоять загнута в виде вытянутой петли. *Оселки* двух типов: прямоугольные в сечении, с сужающимися концами, со скругленными гранями (Новое, 3/3; Новокаменка; Богдановка) и круглый в сечении (Магдалиновка). Более разнообразны *прясла*: биконические (Новое, 3/2; Златополь; Новогригорьевка, 1/17; Красное; Источное), усеченно-конические (Орлянка, 4/1; Софиевка, 42/2; Садово), конические (Семеновка; Осадковск, 7/1), полусферические (Орлянка, 4/3; Чкалово, 1/2). Уникальным для сарматских древностей является свинцовое усеченно-коническое прясло (Чкалово, 3/7). Такие изделия были широко распространены у скифов в IV в. до н. э. [Гаврилюк, 1989. – С. 86]. Единственную, но абсолютную, аналогию ему в синхронных памятниках представляет прясло из могилы 14 (I в. до н. э. – II в. н. э.) восточного некрополя Неаполя Скифского. Вероятно, в позднескифской среде еще сохранилась традиция предшествующего времени. Учитывая территориальную близость погребения у Чкалова и крымского позднескифского объединения, не будет ошибкой предположить "импортное" (т. е. позднескифское) происхождение этого единичного у сарматов изделия.

Керамика является наиболее распространенной категорией материальной культуры в этой хронологической группе (70% погребений). По способу изготовления она делится на лепную (46% всех находок) и гончарную (63,7%). И та, и другая чаще встречаются в женских и детских погребениях, но имеется и в мужских.

Лепная керамика по форме может быть разделена на горшки, кувшины, миски. Наиболее многочисленны **горшки**. Все они сероглиняные, с подло-

щенной поверхностью, с отогнутым венчиком, плоскодонные. По форме тулова выделяется несколько вариантов сосудов.

1. Со сферическим туловом (рис. 26,5). Такая керамика немногочисленна. По пропорциям и форме она близка лепным горшкам поволжских памятников. Орнамент на горшке из Каирки (6/11) тождественен декору кубка из впускного погребения 1 кургана 13 II Бережновского могильника [Синицын, 1960. – Рис. 5,3]. Его дату исследователь определяет I в. до н. э. – I в. н. э. [Синицын, 1960. – С. 159]. Основным в этом кургане было погребение с чернолаковой пеликой III в. до н. э., которая очень долго использовалась сарматами, судя по ее состоянию. В этот же комплекс входил набор черешковых железных наконечников стрел, что указывает на время не позднее I в. до н. э.

2. С яйцевидным туловом, "скифского" облика (рис. 26,1,2). Эта группа наиболее многочисленна (8 экз.). Выше отмечалось, что такая посуда появляется у сарматов на раннем (II – I вв. до н. э.) этапе их проникновения в Северное Причерноморье и, возможно, является отражением контактов с позднескифским населением.

3. С округло-биконическим туловом (рис. 18,2б). Два таких сосуда найдены в комплексах, хорошо датирующихся I в. н. э. наборами бус (Орлянка, 4/3; Красное). Горшок из Красного орнаментирован по венчику и плечикам горизонтальными рядами наколов.

4. С грушевидным туловом (рис. 8,2б). Единственный горшок такой формы, широко распространенной на следующем, позднесарматском этапе [Вязьмитина, 1971. – С. 197] найден в Волчанске (5/16). Комплекс включает глазчатую бусину типа 67/6 по Е.М. Алексеевой, датирующуюся II в. до н.э. – I в. н. э. [Алексеева, 1975. – С. 67]. Помимо полного отсутствия таких форм в раннесарматском керамическом комплексе, отнести этот сосуд к I в. н. э. позволяет очень близкая аналогия из Усть-Каменки (62/7)*, где подобный горшок найден в диагональном погребении. По данным В.И. Костенко, самые поздние погребения Усть-Каменского могильника датируются не ранее начала II в. н.э. [Костенко, 1990. – С. 29].

5. С вертикальным или чуть отогнутым венчиком и биконическим туловом (рис. 9,3в). Два таких маленьких горшочка найдены с античными кувшинами в Геническе и Великой Знаменке. Размер, грубая лепка и плохой обжиг свидетельствуют об их принадлежности к культовой (в данном случае погребальной) посуде.

Лепные **кувшины** найдены в трех погребениях. Они обычной для сарматов формы, с петлевидной ручкой. Подобная посуда известна на широкой территории от Поволжья [Синицын, 1960. – С. 125. – Рис. 47,7] до Северного Причерноморья [Костенко, 1986. – Табл. 17,4]. Комплекс из Балтазаровки, в состав которого входит один из кувшинов, датируется I в. н. э. железной подвязной фибулой I варианта I серии (по А.К. Амброзу). К среднесарматскому времени относятся аналогичные нашим кувшины из Суженого (раскопки Д.И. Яворницкого) и II Бережновского могильников.

Лепные **миски** (4 экз.) двух вариантов: со слегка загнутым венчиком на выделенном поддоне (рис. 10,2в); с плоским венчиком и сферическими стенками (рис. 13,2б). Вполне вероятно, что первые являются подражанием античным красноглиняным и краснолаковым мискам – во всяком случае, в керамике сарматов они почти не встречаются. Наоборот, вторые часты в сарматских могилах на всей территории распространения культуры [Симоненко, 1977. – С. 224].

Гончарная керамика представлена серо-, красноглиняной и краснолаковой столовой посудой. По форме она делится на горшки, кувшины, кубки, миски. Единичны находки туалетных сосудов (арибалл, бальзамарий). В группе *сероглиняной* керамики, кроме двух серолощенных горшков I – начала II в.

---

*Раскопки В.И. Костенко в 1985 г. Не опубликован.

н. э. [Симоненко, 1977. – С. 224; Савовский, 1977. – С. 69], преобладают кувшины (9 экз.). По мнению В.М. Косяненко [Косяненко, 1988. – С. 54-56], подобная серолощенная керамика производилась в гончарных мастерских Прикубанья, откуда и попадала в сарматскую степь. Действительно, большинство экземпляров имеет аналогии в сарматских погребениях Дона и Нижнего Поволжья [Синицын, 1960], т. е. областях, непосредственно граничивших с Прикубаньем. Типично северо-кавказскими изделиями являются характерный лощеный кувшин из Ногайчинского кургана и два кубка со стилизованной зооморфной ручкой из Софиевки и Источного (рис. 21, 1б, 2б). Аналогии им есть в таких ярких северо-кавказских памятниках, как Нижне-дзулатский [Абрамова, 1972. – С. 62-68] и Чегемский [Керефов, 1985. – С. 257] могильники. В Вольной Дружине найден античный серолощенный кувшин (рис. 12, 3б) с грушевидным туловом. Ближайшие аналоги ему – сосуды из погребений II в. н. э. Молочанского (Аккермень II, зап. группа, 17/1) и Усть-Каменского (5/1) могильников. В нашем случае дата сосуда может быть удревнена до I в. н. э. по совместной находке подвязной фибулы I варианта I серии (см. ниже).

В группе **красноглиняной** керамики, кроме горшка из Софиевки-72, 18/1 [Симоненко, 1977. – С. 223], представлены преимущественно одноручные (15 экз.) и двуручные (2 экз.) кувшины. Как правило, это изделия боспорских мастерских, датирующиеся рубежом – первой половиной II в. н. э. Более или менее уверенно к I в. н. э. можно отнести кувшины из Подового и Чкалова, украшенные белой росписью [Вязьмитина, 1954. – С. 235]. Аналогичный семеновскому кувшин найден в кургане VI восточной группы могильника Аккермень II, где по находке с малоазийской чашечкой датируется I в. н. э. [Вязьмитина, 1954. – С. 236]. Своеобразный столовый "сервиз" найден в погребении в Любимовке. В него входили глубокая краснолаковая миска (рис. 12, 1б), такая же тарелка (рис. 12, 1в) и миниатюрный кувшинчик с грушевидным туловом (рис. 12, 1е). Слегка заостренный венчик миски указывает на II в. н. э. – более поздние образцы имеют толстый и закругленный венчик [Книпович, 1952. – С. 315]. В этот же комплекс входит миниатюрный сероглиняный горшочек (рис. 12, 1г). Подобный найден в одной из могил II в. н. э. Усть-Каменского некрополя (Махно, 1961. – С. 29). В центре внутренней поверхности тарелки из Любимовки – полустертое клеймо *planta pedis*, окруженное рядом насечек. Такая посуда изготовлялась в малоазийских или самосских мастерских, а ее импорт в Северное Причерноморье приходится на I в. н. э. [Кадеев, 1970. – С. 132]. Стоит обратить внимание на то, что краснолаковая посуда из Любимовки носит следы ремонта, а сам комплекс датируется фибулой II в. н. э. (см. ниже). Это говорит о довольно длительном использовании античной посуды сарматами, что необходимо учитывать при датировке погребений, где она найдена.

Интересен керамический комплекс Широкой Балки (2/11), у сарматов подобные кувшины найдены в могильнике Аккермень II с краснолаковым блюдом типа Чандерле (первая половина II в. н. э.) и в Усть-Каменском могильнике с фибулой II в. н. э. [Вязьмитина, 1960. – С. 20; Махно, 1961. – С. 29]. К редкой разновидности относится тарелка с черным покрытием. С одной стороны, она напоминает керамику *terra nigra*, с другой – так называемый графитный лак. Такая посуда производилась в западно-римских мастерских с начала I до конца II – начала III в. н. э. [Зубарь, Шевченко, Липавский, 1990. – С. 34]. Подобная тарелка найдена в могиле 80 некрополя Тирамбы [Коровина, 1987. – С. 28. – Рис. 24]. Как общее замечание к этой группе сосудов следует отметить их многочисленность в сарматских погребениях Северного Причерноморья по сравнению с более восточными землями.

В Староселье и Новогригорьевке (1/9) найдены **краснолаковые** миски. Первая – с вертикальным бортиком, на кольцевом поддоне и с ленточными ручками, прижатыми к стенкам. Последнее обстоятельство указывает на I в. н. э. [Шелов, 1972. – С. 131]. Вторую скорее следует назвать чашей (рис. 10,

2б). По форме она близка чаше из Астанина [Зубарь, Кубышев, 1987. – С. 250], но без каннелюр. Прототипом такой посуды, по мнению В.М. Зубаря и А.И. Кубышева, являются мегарские чаши. Однако сердоликовые бусы из этого погребения – с двусторонним сверлением, из мутного с прожилками камня (тип 3а), – по мнению Е.М. Алексеевой, характерны для римского времени [Алексеева, 1982. – С. 16].

Амфоры (рис. 18,1з) найдены в насыпи кургана 1 (эпохи бронзы) у Скадовска, содержащего впускное сарматское погребение 11. Поскольку курган не содержал других погребений раннего железного века, их правомочно связать с ним. Не противоречит такой связи и дата амфор. По типологии Д. Пикока и Д. Вильямса, одна из них (неизвестного, предположительно эгинского, центра) относится к началу I – середине II в. н.э. [Peacock, Williams, 1986. – P. 173. – P1. 91]. Аналогии второй амфоре отыскать не удалось. Единичность находок амфор в исследуемом регионе находится в соответствии с их редкостью в Северном Причерноморье вообще. Известные здесь амфоры (Новофилипповка, Каменка, Пороги) однотипны: светлоглиняные, на кольцевом поддоне, с профилированными ручками. Д.Б. Шелов считает их продукцией синопских мастерских I в. н. э. [Шелов, 1978. – С. 21]. Амфоры из Скадовска, таким образом, для Северного Причерноморья уникальны.

Металлическая посуда представлена котлом из Давыдова Брода (рис. 19,2в) и сосудами из Константиновки. По своим типологическим характеристикам котел входит в I тип, по классификации Н.А. Боковенко [Боковенко, 1977. – С. 231]. Оригинальность придает ему носик-слив, как правило, редкий на подобных котлах (13-й Багаевский, Высочино VII, к. 28) [Raev, 1986. – P1. 39; 70,1]. Этой деталью, как и оформлением ручки, котел из Давыдова Брода близок, помимо названных, котлу, найденному на р. Кальмиус [Вязьмитина, 1971. – С. 201. – Рис. 57]. С другой стороны, опубликовавшая котел из Давыдова Брода Л.И. Костюк справедливо сравнивает его с котлами из Траян, Верхне-Янченкова, Кияковки [Костюк, 1975. – С. 98-99]. На территории Северного Причерноморья подобные изделия найдены, помимо уже упоминавшихся Траян, в Орель-Самарском междуречье [Мухопад, 1986. – С. 136-142], в сарматских комплексах Среднего Поднепровья (Ярошевка₅ Запрудье). Такие, без сомнения, ритуальные котлы относятся к одной из культурных инноваций, вместе с другими – квадратными ямами, заупокойными дарами на древнем горизонте, определенными типами оружия и доспехов, полихромным "бирюзово-золотым" стилем – появляющейся во второй половине I в. н. э. в Северном Причерноморье [Симоненко, 1989а. – С. 119]. Исследователи связывают эти инновации с приходом в степи новой группы кошевого населения – алан [Скрипкин, 1990. – С. 214].

Фибулы найдены в 13 (13,7%) погребениях. Большинство их (6 экз.) железные, лучковые подвязные I варианта I серии, по классификации А.К. Амброза. К этому же варианту относится и бронзовая фибула из Вольной Дружины (рис. 12, 3в). А.К. Амброз определяет время бытования таких фибул I в. н. э., не исключая ограничения этой даты первой половиной столетия [Амброз, 1966. – С. 48]. По разработкам А.С. Скрипкина, в сарматской среде Поволжья эти фибулы (тип I, по А.С. Скрипкину) бытуют на протяжении всего I в. н. э. [Скрипкин, 197. – С. 105]. Одночленные бронзовые подвязные фибулы из Любимовки и Широкой Балки относятся к 3 варианту 1 серии и датируются II в. н. э. [Амброз, 1966. – С. 49]. В Давыдовом Броду найдена бронзовая шарнирная раннеримская фибула (рис. 19,2б). Она близка типу табл. 4,18 и табл. 5,2,3 схемы А.К. Амброза. От первой ее отличает наличие перехвата у приемника, но сближают шарики по концам оси шарнира. У вторых есть перехват и аналогичный орнамент на спинке, однако не сохранился аппарат. И те, и другие А.К. Амброз датирует второй половиной I в. н. э. [Амброз, 1966. – С. 27]. Очень близкая фибула известна в Подгороднянском могильнике [Костенко, 1986. – Табл. 26,41]. Бронзовая фибула из Подового относится к подгруппе 2 группы

"воинских" с прогнутым корпусом (по А.К. Амброзу). По своим характеристикам она входит в тип 5 – с прогнутой спинкой и коротким приемником. Дата – I в. н. э. [Амброз, 1966. – С. 25]. К уникальным изделиям, не имеющим аналогов, относится хрустальная фибула в виде дельфина из Ногайчинского кургана (фото 17, 18). Думается, что при этом не будет ошибкой отнести ее к серии зооморфных фибул боспорского производства, бытовавших в I – начале II в. н. э. [Амброз, 1966. – С. 34].

Интересна фибула-брошь из Широкой Балки (2/11). По форме, сюжету и стилистическим особенностям она примыкает к большому кругу изделий, восходящих к эллинистической эпохе. Наиболее ранние броши с изображением Афродиты с Эротом (или Эротами) служили для скрепления двух перекрещивающихся на груди ремней – элемента эллинского женского костюма. Яркими образцами таких брошей служат экземпляры из Артюховского кургана [Максимова, 1979. – С. 69. – Кат. № Арт. 8, 46]. С их обратной стороны сохранились петли и трубочки для продевания ремней. На медальонах с Афродитой и Эротами римского времени эта деталь уже отсутствует – она заменяется петельками для пришивания к одежде или ожерелью [Галанина, 1973. – С. 55]. Таким образом, перестав быть элементом одежды, эти изделия продолжили свое существование в виде украшений. Еще одну линию развития подобных медальонов представляет собой их использование в качестве щитков для фибул, как в нашем случае. Близкие по времени широкобалковской фибулы-броши с изображением Афродиты с Эротом найдены в гробнице 43/6 некрополя Пантикапея [начало I в. н. э.; Галанина, 1973. – С. 55], в четвертом Усть-Лабинском могильнике [I в. н. э.; Анфимов, 1952. – С. 83], в погребении 29 могильника Бельбек IV [Гущина, 1973. – С. 84]. Однако стилистически ближе всего к исследуемой золотая фибула-брошь с Афродитой и двумя Эротами (это, пожалуй, единственное существенное отличие) из погребения 54 юго-восточной части некрополя Горгиппии [Алексеева, 1982а. – С. 84].

Судя по находке в Тиритаке бронзового штампа [Гайдукевич, 1940. – С. 298], подобные фибулы изготавливались на Боспоре. В этом плане интересны некоторые аксессуары богини с широкобалковской фибулы: гривна на шее и явно не эллинский костюм, отороченный мехом (?). Если эти наблюдения верны (брошь сильно окислена и не исключена ошибка), то богиня изображена не в эллинском, а варварском наряде.

Зеркала. Как и на предыдущем этапе, ведущим типом зеркала остается тип VI, по А.М. Хазанову (8 экз. из 12). Это неудивительно при общей популярности таких зеркал у сарматов. Разнятся они в исследуемой группе лишь по размерам: от 5 (Архангельская Слобода, 4/8) до 12 см (Калиновка) в диаметре. Однако в этой хронологической группе появляются и зеркала новых типов: подвески с валиком по краю и выпуклостью в центре (Лупарево), большое зеркало с валиком по краю и боковой ручкой-штырем с цилиндрической насадкой (Ногайчинский курган), плоские зеркала с накладной железной (Новокаиры) и деревянной (Чкалово, 3/7) ручкой. Первые (тип X, по А.М. Хазанову) достаточно широко представлены в сарматских памятниках (Молочанский, Подгороднянский, Усть-Каменский могильники) I в. н. э. [Вязьмитина, 1954. – С. 238], известны и восточнее, в бассейне Дона и Волги [Скрипкин, 1984. – С. 34], и в позднескифских памятниках [Сымонович, 1983. – С. 97]. Они хорошо диагностируют I в. н. э. в сарматских древностях. Зеркала с валиком по краю и боковым штырем (тип VIII, по А.М. Хазанову) также относятся к числу восточных инноваций, появившихся в I в. н. э. в сарматской культуре. Оформление ручки ногайчинского зеркала имеет общие черты с подобными (правда, несколько более усложненными и изысканными) изделиями из некрополя Тилля-Тепе [Sarianidi, 1985. – P. 143, 144]. Подобное зеркало найдено в комплексе из Траян, на восточный характер которого неоднократно указывали исследователи, а также в недавно исследованном богатом захоронении в Камовой Могиле под Кривым Рогом, которое может быть связано с

сирками [Симоненко, 1990.-С. 25]. Зеркала с накладной ручкой почти не имели распространения в сарматской культуре, их находки единичны. Подобные изделия бытовали у предшественников сарматов в Северном Причерноморье – скифов IV в. до н. э. Не случайно в сарматское время аналогичные зеркала имеются в позднескифской культуре [Сымонович, 1983. – С. 97]. В этой связи обращает на себя внимание расположение сарматских погребений, где были найдены такие зеркала: в близком соседстве с нижнеднепровскими (Новокаиры) и крымскими (Чкалово) позднескифскими городищами.

Бусы, входившие в состав ожерелий, браслетов, декора подола или шаровар, – одна из самых массовых находок в группе. Они найдены в 32 захоронениях. Если сделать поправку на 10 разрушенных погребений, в которых также могли быть бусы (как правило, разрушена именно верхняя часть скелета), то получается, что они сопровождают половину захоронений рассматриваемой хронологической группы. В 27 случаях погребения с бусами антропологически определены как женские. Лишь в одном мужском погребении (Волчанск, 5/16) найдена бусина в районе левого предплечья. Вряд ли одна бусина могла выполнять функцию украшения – скорее всего, она служила застежкой либо амулетом.

Большинство бусин входит в типологические схемы Е.М. Алексеевой, что значительно облегчает их анализ. Кроме того, сочетаемость различных типов бус в одном комплексе иногда позволяет уточнить дату погребения. Очевидно, оправданно рассматривать бусы не по отдельным типам, а в составе наборов.

Волчанская бусина (5/16) из глухого синего стекла, украшенная семью желто-белыми глазками, относится к типу 676, бытовавшему со II в. до н. э. по I в. н. э. [Алексеева, 1975. – С. 67]. Она уже привлекалась при анализе сосуда из этого погребения (см. выше). Здесь же, в погребении I кургана 7 найдено ожерелье, в составе которого бусы типов*: 103 (I – II вв. н. э.), 163 (поздний эллинизм, встречаются и в I в. н. э.), 20 (эллинизм – первые века н. э.), 32 (не датирован), 8 (I – II вв. н. э.), 1a (римское время), 15 (в основном II в. до н. э., редко I в. н. э.), 10 (наиболее характерны в I в. до н. э. – I в. н. э.), близкие типу 77-78 (I в. н. э.), 17 (I в. до н. э.), 100 (II – III вв. н. э.), 47 (III – I вв. до н. э., но встречаются и во II – III вв. н. э.). Таким образом, наиболее вероятная дата этого набора – I в. н. э. В *Юрьевке* найдены бусы типа 197 (вторая половина I – II в. н. э.), близкая типу 198 (вторая половина II в. до н. э. – первая половина I в. н. э.), 2 (большая часть I – II вв. н. э.). Этот набор вряд ли старше второй половины I в. н. э. Ожерелье из *Орлянки (4/1)* включает сердоликовые бусы типа 36 (I-II вв. н. э.), стеклянные типов 17 (преимущественно I-II вв. н. э.) и 149 (наиболее популярны в I в. н. э.). Во втором *орлянском* наборе (4/3) бусы типов 171 (III в. до н. э. – I в. н. э.), 32 (не датирован), 24 (I в. н. э.), 86-87 (I – III вв. н. э.), 1a (без даты). Оба комплекса из Орлянки скорее всего датируются I в. н. э. (дата И.П. Савовского – I-II вв. н. э.). В *Первомаевке (2/8a)* найдена бусина типа 142 (I – II вв. н. э.). *Новогригорьевское (1/9)* ожерелье состояло из сердоликовых бусин типа 3a. Мода на них появляется еще в позднем эллинизме, однако подобные новогригорьевским (камень мутный, с прожилками) наиболее распространены в I-II вв. н. э. Гагатова бусина из этого набора принадлежит типу 9a (значительно преобладают в I в. н. э.). Уточняют дату комплекса (I в. н. э.), как отмечалось выше, краснолаковая чаша и зеркало. Бусы из *Калиновки* относятся к типам 12 (II в. до н. э. – I в. н. э.), 24 (I в. н. э.), 85-86 (I – IV вв. н. э.). Соответственно, наиболее вероятная дата набора – I в. н. э. Браслет из бус (*Подовое*) включает типы 36 (по качеству камня — римское время), 4 (I-III вв. н. э.), близкую типам 354-357 (II-I вв. до н. э.), 62 (I-II вв. н. э.). Уточняют дату набора (I в. н. э.) фибула и кувшин с росписью

---

*Здесь и далее порядок перечисления типов бус соответствует порядку их описания в комплексах. При этом кольцевой бисер не анализируется.

белой краской (см. выше). В *Сергеевке* бусы находились в составе браслета и ожерелья. В первом представлен тип 2 (большая часть I – II в. н. э.), во втором – типы 163 (II–I вв. до н. э.), 165 (конец I – начало II в. н. э.), 19 (II–I вв. до н. э.), 5 (I–II вв. н. э.). Судя по взаимовстречаемости типов и по наличию в комплексе железной подвижной фибулы I варианта I серии, наиболее вероятная дата – конец I в. н. э. Бусы, найденные в основном погребении кургана 25 (*Софиевка-73*), принадлежат типу 29е (I – начало II в. н. э.). Набор из *Семеновки* включает типы 190б (распространяются во II–I вв. до н. э., продолжают встречаться в I–II вв. н. э.) и 3 (римское время). По кувшину (см. выше) набор датируется I в. н. э. В *Архангельской Слободе* (4/8) в состав ожерелья входили многочисленные бусы типов 171 (III в. до н. э. – I в. н. э.), 148 (известны в Херсонесе в первые века н. э.), 60б (I в. до н. э. – II в. н. э.), близкая типу 103 (в Пантикапее и Фанагории – I в. н. э.), 17 (преимущественно I–II вв. н. э.), 1а (дата широкая), 8 (I–II вв. н. э.). Наиболее вероятная дата набора I в. н. э. В *Красном* в ожерелье представлены типы 142 (I в. до н. э. – I в. н. э.), 2б (только римское время), 15 (дата широкая, но особенно популярны в римское время), 31 (наиболее характерны для второй половины I в. н. э.), 21 (первые века н. э.), близкая типу 66е (II в. до н. э. – II в. н. э.), 129 (вторая половина I в. до н. э. – I в. н. э.) 3а (римское время), 2а (наиболее характерны для I–II вв. н. э.), 2а* (I–II вв. н. э.), 44 (рубеж I–II вв. н. э.). Судя по всему, ожерелье из Красного датируется в пределах рубежа I–II вв. н. э. Бусы с браслета из *Ольговки* относятся к типу 15 (первые века н. э.), со щиколоток – к типу 190б (II в. до н. э. – II в. н. э.). Уточняет дату комплекса (I – начало II в. н. э.) гончарный кувшин. Бусы из *Лунарева* проанализированы автором публикации [Петренко, 1984. – С. 202–205] и отнесены к I–II вв. н. э. Судя по зеркалу-подвеске, комплекс не выходит за пределы I в. н. э. В *Чкалово* (1/2) встречены бусы типов 1а (римское время), 9 (наибольшее количество комплексов I–II вв. н. э.), 6б (I–III вв. н. э.), 69 (I–IV вв. н. э.), 3 (римское время). Сужает дату набора до I в. н. э. красноглиняный кувшинчик с росписью белой краской. Подол одежды погребенной в *Любимовке* был расшит бусинами типа 190б (I–II вв. н. э.). Округлая кварцевая бусина из Широкой Балки близка типу 2. Такие бусины из неопубликованных раскопок С.Ф. Стржелецкого (могильник у с-за № 10, Инкерман) относятся ко II–IV вв. н. э.

Таким образом, в наборах бус из сарматских погребений Таврии рассматриваемого периода представлены практически все типы модных в то время античных бус, что еще раз подчеркивает тесные культурные связи сарматских племен с античными центрами Северного Причерноморья.

Пряжки относятся к предметам личного убора (8 экз.). Все они железные, рамчатые, с подвижным язычком. Часть их не сохранилась (4 экз.), остальные группируются в три типа по форме рамки: с плоской кольцевой (Новое, 3 / 3), овальной (Новочерноморье, 2/12б) и длинной прямоугольной (Балки, 1/4; Первоконстантиновка, 1/2). Подобные пряжки широко распространены во времени и пространстве и в отличие, например, от "маркоманнских" (отсутствующих в Таврии) хронологически нейтральны.

Серьги в исследуемой группе найдены в 12 погребениях. Бронзовые кольцевидные серьги трех типов: с заходящими концами (Ильичево), с несомкнутыми концами (Каирка, 1/3, 6/3; Ольговка; Красное, Новогригорьевка, 1/9), с застежкой в виде петли и крючка (Софиевка, 25/2; Орлянка, 4/1; Семеновка). Последние были очень популярны в I в. н. э. у сарматов [Костенко, 1986. – Табл. 18,21], поздних скифов [Вязьмитина, 1972. – С. 148; Сымонович, 1983. – С. 92] и в античных центрах. Золотые полихромные серьги найдены в погребениях знати – в Давыдовом Броде и Ногайчинском кургане. Первые близки по схеме серьгам из Старой Осоты [Вязьмитина, 1986. – С. 214] и хут. Сладковского

*Для хрустальных бусин. Типы глазчатых бус см.: Алексеева, 1976; из цветного стекла, с металлической прокладкой, гагата, янтара – Алексеева, 1978; хрустала, сердолика, коралла и др. минералов – Алексеева, 1982.

на Нижнем Дону, а полностью аналогичные им найдены случайно в разрушенном погребении I в. н. э. у с. Запрудье в Среднем Поднепровье [Романюк, 1975. – С. 345]. Роскошные полихромные серьги из Ногайчинского кургана хотя и не имеют прямых аналогий, но по схеме декора и монтажа близки изделиям из Соколовой Могилы [Ковпаненко, 1986. – С. 27]. Подобный стиль изделия – центральная вставка, окруженная более мелкими, свисающие цепочки, подвески – был широко распространен в первые века н. э. [Higgins, 1961. – P. 185]. Различные варианты таких серег известны в некрополях античных городов Северного Причерноморья, имеются они и в сарматских могилах [Симоненко, Лобай, 1991. – С. 48].

Гривны найдены дважды: в Златополе и Ногайчинском кургане (фото 1-3). Первая довольно скромна – из простого бронзового прута, с традиционной схемой застежки (кольцо и петля). Последнюю мы встречаем на серьгах этой хронологической группы, подобную застежку имеют более поздние гривны из Балков (см. ниже), Горгии [ШДИК. – С. 174. – Кат. № 94], ст. Воронежской [Анфимов, 1987. – С. 224]. Великолепная 4-витковая гривна из Ногайчинского кургана выполнена из золота в полихромном стиле. Характерные для нее стилистические черты зафиксированы на некоторых изделиях из Сибирской коллекции. Однако по технике исполнения, художественной манере, по идее произведения ногайчинской гривне наиболее близки браслеты из кургана Хохлач [Толстой, Кондаков, 1890. – Рис. 155]. Несколько отличаются лишь существа, изображенные на фризах – в нашем случае это орлино-, волко- и львиноголовый грифоны, в Хохлаче – припавшие к земле "чудовища" (И. Толстой, Н. Кондаков) с чертами кошачьего хищника. Впрочем, подобные ногайчинским орлиноголовые грифоны составляют фризы гривны из Хохлача, однако, не спиральной, а составленной из трех сомкнутых обручей. Без сомнения, гривна из Ногайчинского кургана и перечисленные изделия из Хохлача принадлежат одному культурно-художественному кругу, истоки которого, по мнению некоторых исследователей [Раев, 1984. – С. 134], лежат далеко на востоке, в южно-сибирских степях.

Браслеты найдены в восьми погребениях. В двух случаях это были браслеты из бус. В Скадовске (1/11), Архангельской Слободе (4/8) и Широкой Балке найдены простые круглые железный и бронзовые браслеты, в Красном и Ногайчинском кургане – спиральные (в первом бронзовые, во втором – золотые ножные). И та, и другая схемы хорошо известны у сарматов (например, хут. Северный; Анфимов, 1987. – С. 226). Уникальны полые золотые ручные браслеты из Ногайчинского кургана, покрытые жемчугом и оправленными в золото ониксовыми бусинками, увенчанные фигурками Эроса и Психеи, на одном экземпляре украшенными изумрудом. Ничего похожего среди произведений античной торевтики отыскать не удалось. Известна лишь схема застежки – камень (в нашем случае циркон и цитрин), оправленный в граненый золотой замок, соединенный с концами браслета шарнирами. Подобные застежки у браслетов из Петрика (при этом в замок вставлена гемма) и Горгии [ШДИК. – С. 59. – Кат. № 260]. Первый датируется концом I — началом II в. н. э., второй несколько более поздний, II – середины III в. н. э. Окончания браслетов из Петрика в виде конских головок исполнены в характерном сарматском зверином стиле, что как будто не говорит об античном производстве изделий. Однако ногайчинские браслеты – типичное изделие античного торевта. Если мы вспомним мигулинскую чашу с эллинской надписью "Ксебанок, сын Таруласса, сделал меня золотую" [Ростовцев, 1917. – С. 106-108], то вероятность изготовления вещей в сарматском стиле античными мастерами вырисовывается достаточно отчетливо.

Диадема из Ногайчинского кургана относится к числу редко встречающихся предметов личного убора сарматов. С.А. Яценко, исследовавший сарматские диадемы [Яценко, 1986. – С. 14-20], не включил ее в свою сводку, так как убеж-

ден в ее античном происхождении*. Действительно, сарматские диадемы, синхронные ногайчинской (Хохлач, Усть-Лабинская, Соколова Могила), имеют устойчивый набор элементов ("древо жизни", изображения животных), позволяющий выделять обрядовую функцию этих украшений [Яценко, 1986. – С. 18]. Отличаются они морфологически и стилистически. У ногайчинской диадемы налицо выразительные признаки античного изделия: она сплетена из трех тонких цепочек, снабжена подвесками — "колонками" и окончаниями в виде гранатов, оправленных в золото, с античным орнаментом. Последний мотив очень популярен в конце эллинизма и в римское время; близкие по стилю окончания у полихромного ожерелья из Артюховского кургана [Максимова, 1979. – С. 29].

По наблюдениям С.А. Яценко, все сарматские диадемы найдены в женских погребениях и могут быть разделены на две типологические и хронологические группы. Диадемы I группы (I – начало II в. н. э.) следует, по мнению исследователя, связывать с исполнением их владельцами жреческих функций. Венцы II группы (II – III вв. н. э.) скорее указывали на сословную принадлежность их хозяек [Яценко, 1986. – С. 18]. Диадема из Ногайчинского кургана хронологически относится к I группе, по классификации С.А. Яценко. Однако отсутствие на ней каких-либо сакральных изображений (а в погребении – культовых вещей) говорит, скорее, о принадлежности диадемы ко II группе (сословный индикатор).

Перстни найдены также только в Ногайчинском кургане. Это массивные золотые изделия с широкой шинкой, переходящей в конусовидный щиток. В щиток одного из них (фото 21) вставлена инталия на фиолетовом стекле – женская голова вправо. Щиток другого (фото 22) имеет золотое рельефное изображение человеческой головы (Афина?).

По форме шинки оба перстня являются типичными образцами хорошо известных античных украшений. Интересно то, что оба они несколько старше самого погребения. Перстень с геммой относится к типу украшений, форма которых стала ведущей в эпоху позднего эллинизма [Максимова, 1979. – С. 66]. О.Я. Неверов считает такие перстни типичными для III – II вв. до н. э. [Неверов, 1984. – С. 351. – Табл. 160, 21-24]. Перстень аналогичной формы, но с другой вставкой, найден в Артюховском кургане [Максимова, 1979. – С. 66. – Кат. № Арт. 55]. М.И. Максимова полагала, что эта форма оправы резных камней (перстневая) была окончательно выработана примерно в середине II в. до н. э. [Максимова, 1979. – С. 67]. Второй перстень, с рельефным изображением на щитке, несколько более поздний, но все же на век старше погребения в Ногайчинском кургане. Его форма, по мнению О.Я. Неверова, характерна для I в. до н. э. [Неверов, 1984. – С. 352. – Табл. 161, 12]. Такие декоративные перстни он выделяет в VII тип II группы [Неверов, 1986. – С. 24], считая их эллинистическими. Действительно, большинство перстней римского времени (т.е., синхронных погребению Ногайчинского кургана) имеют узкую шинку равномерной ширины и слегка расширяющуюся жуковину, в целом они менее массивны [Неверов, 1984. – С. 240].

К числу предметов личного убора из Ногайчинского кургана относятся и золотые **медальоны** со вставками (фото 12, 20). Один из них, судя по ушкам на нижней части, имел подвески, утраченные в древности. Подобные вещи крайне редки в сарматских могилах. Некоторую аналогию ему представляет медальон-застежка из Артюховского кургана [Максимова, 1979. – С. 69. – Кат. № Арт. 83]. По мнению М.И. Максимовой, подобные парадные медальоны-застежки были принадлежностью греческой мужской одежды. Сходные изделия известны в погребениях конца IV и III в. до н. э., на Боспоре и в Северной Греции [Максимова, 1979. – С. 71]. Таким образом, и это изделие древнее самого погребения. Впрочем, помимо аналогий, на это обстоятельство косвенно указывают утра-

---

*Личная информация С.А. Яценко.

ченные еще в древности подвески медальона. По близкой схеме смонтирован медальон, найденный случайно в 1984 г. близ аула Ново-Вочепший (Адыгея). Его круглый щиток покрыт 17-лепестковой розеткой. В центре голубая вставка в зубчатом касте, окруженная, как и ногайчинская, многолепестковой розеткой. По краю изделия проходит двойной сканный ободок, а на нижнем краю расположено пять (в Ногайчинском кургане – 10) круглых ушек, в которых подвижно закреплены двойные цепочуш, оканчивающиеся дисками. Не исключено, что таким же образом оформлялась и ногайчинская брошь. Датируется медальон из аула Ново-Вочепший III-II вв. до н. э. [ШДИК. – С. 47. – Кат. № 140], хотя и не исключено, что он на век позднее.

В перечисленных изделиях присутствует устойчивый набор декоративных элементов – каплевидные вставки, расположенные по кругу, центральная вставка, окруженная многолепестковой выпуклой розеткой, круглые ушки по краю для подвесок, сканный и зерновой декор. Перед нами определенная стилистическая схема, зародившаяся еще в позднем эллинизме. Многообразие ювелирных изделий римского времени может и не дать полного аналога ногайчинскому медальону, однако эта схема очерчивается достаточно четко.

Второй *медальон* (овальный агатовый кабошон в зубчатой оправе) также античного происхождения. Аналогичный ему, но, судя по петельке, носившийся в горизонтальном положении, найден в могильнике городища 3 у хут. Ленина на Кубани [ШДИК. – С. 47. – Кат. № 164].

Нашивные бляшки, также относящиеся к предметам личного убора, найдены в Ногайчинском кургане. Они разнообразны и делятся на семь типов: ажурные лировидные; ажурные ромбические с двумя завитками внутри; ажурные "городки"; стилизованные бараньи рога, инкрустированные эмалью; дисковидные; в форме листа с подвеской (фото 25). Эти типы широко известны у сарматов. В качестве ближайшей по времени и территории аналогии достаточно назвать погребение в Соколовой Могиле [Ковпаненко, 1986. – С. 41. – Рис. 39]. К сожалению, расположение бляшек в могиле, позволяющее иногда реконструировать декор костюма, автором раскопок не зафиксировано. Судя по находке бляшек первых четырех типов "на перекрытии" (А.Щ.) могилы, в 15-20 см выше скелета, они украшали погребальный покров. С.А. Яценко реконструировал его расшивку следующим образом: каждая сторона прямоугольного полотнища была украшена бляшками разных типов (лировидные, ромбические, "городки", прямоугольники)*. Золотые диски, "бараньи рога" и листики, вероятно, украшали одежду. К сожалению, более точной информацией мы не располагаем.

Туалетные флаконы (Ногайчинский курган) представлены несколькими формами (фото 13-16). Полусферическая пиксида очень близка аналогичному изделию из Хохлача [Толстой, Кондаков, 1980. – С. 137. – Рис. 156, 157], лишь декор последнего более сложен и изыскан. Два миниатюрных флакончика со сферическим туловом и цилиндрической крышкой входят в ряд широко известных изделий римского времени, в свое время исследованных К.М. Скалон [Скалон, 1961. – С. 126-140]. Ей было известно "около двух десятков" таких флаконов, относящихся к I-II вв. н. э. Сейчас эта серия увеличилась примерно еще на десяток экземпляров (например, могильники Высочино, Валовый, Александровка: к. 16 на Дону, Чугуно-Крепинка в Донбассе, находки в Поволжье и на Кубани). Все флаконы практически однотипны: сферическое тулово, цилиндрическое горло, на которое надета цилиндрическая же крышка. Часто такие флаконы снабжены четырьмя петельками для подвешивания (как и в нашем случае). Большинство их изготовлено из золота и имеет полихромные вставки, есть несколько серебряных и бронзовых флаконов [Скалон, 1961. – С. 133]. Различаются они сложностью и пышностью декора,

---

*Личная информация С.А. Яценко.

причем ногайчинские изделия орнаментированы весьма богато. К.М. Скалон выделила пять групп таких флаконов, основываясь на различиях в декоре. Ногайчинские изделия входят во вторую группу, по ее классификации (орнамент из накладных проволок со вставками эмали). Такие флаконы распространены на широкой территории (от Прикаспия до Южного Буга). По концентрации большинства находок на Боспоре, Северном Кавказе и в бассейнах Дона и Волги К.М. Скалон предположила боспорское и иберийское происхождение этих флаконов [Скалон, 1961. – С. 140]. Хранили в них ароматические вещества, лекарства либо яды.

Три других флакона иной формы – с цилиндрическим и веретенообразным корпусом. Один из них полностью золотой, второй – с алебастровым корпусом, оканчивающимся с одного конца золотым цилиндром, с другого – золотой львиной головкой. Третий флакон имеет цилиндрический агатовый корпус, закрытый с двух концов золотыми крышками с петлями (фото 16,4).

Флакон с *львиной головой* обнаруживает большую близость однотипному, но более изысканному изделию из Хохлача [Толстой, Кондаков, 1890. – С. 137. – Рис. 160]. Маленький агатовый флакончик, носившийся скорее всего на шее, аналогичен недавней находке на Кубани [ШДИК. – С. 47. – Кат. № 169]. В целом, исследуемые туалетные принадлежности хорошо известны в сарматских и античных памятниках I-II вв. н. э.

Антропоморфный амулет из Ногайчинского кургана (фото 24) стоит в одном ряду с подобной фаллической фигуркой из Старой Осоты [Вязьмитина, 1971. – С. 208. – Рис. 61,7]. Он более миниатюрен, выполнен из золота. Пристрастие сарматов к всевозможным амулетам общеизвестно. Данная фигурка символизирует, по всей вероятности, силы плодородия и продолжения рода.

ГЛАВА III

ПАМЯТНИКИ II-IV вв. н. э.

ЗАПОРОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

1. с. Балки (уроч. Носаки), Васильевского р-на, к. 12, п. 1. Впускное в скифский курган, в 8 м к северу-северо-западу от репера. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными короткими сторонами, ориентирована по оси ВСВ-ЗЮЗ, размеры 1,95 x 0,75 м, дно на глубине -120 от условного 0. Скелет молодой женщины лежал вытянуто на спине, головой на ВСВ. У черепа – серьги (1), у левого виска – медальон (2), у правого виска – сосуд (3). На шейных позвонках находилась гривна (4), там же собрано множество бус (5), на левой части грудной клетки, ниже ключицы – фибула (6). На запястьи правой руки найдены браслет (7) и бусы (8), такие же бусы – на левом запястье и ниже таза, между бедрами. Между правым предплечьем и позвоночником лежало зеркало (9), в районе стоп – большое количество бусин (10).

1. Две серебряных серьги с витыми дужками и плоскими овальными щитками. Один конец дужки загнут в крючок, продевавшийся в отверстие на конце щитка. На кончике крючка утолщение-бусина. Размеры щитка 2,6 x 1,9, сечение дужки 0,38 см.

2. Овальный серебряный медальон. В центре щитка – каплевидная стеклянная вставка-кабошон темного цвета, окруженная тремя concentрическими рядами ложновитого орнамента. Размеры медальона 2,5 x 1,8, вставки 0,8 x 0,4 см.

3. Краснолаковый фигурный сосуд в виде барана. Туловище его покоится на прямоугольной подставке. На темени животного цилиндрический выступ с ровно срезанными краями – горлышко сосуда. Профилированная ручка одним концом прикреплена к затылку барана, под горлышком, другим – у репицы. Туловище покрыто рельефными круглыми завитками, передающими шерсть. По бокам головы промоделированы закрученные рога, на морде выделены глаза, нос и рот. Диаметр горлышка 2,5 см, высота сосуда 15, длина 18, размеры подставки 8,5 x 4,5 x 4 см.

4. Серебряная витая гривна, утолщенная к середине. Один конец ее загнут крючком с грибовидным окончанием, другой расплюснен в круг с отверстием для продевания крючка. Диаметр гривны 12, толщина 0,51 см.

5. Бусы:

– двенадцати- и шестигранные сердоликовые, рубинового цвета. Длина 1, толщина 0,35 см – 4 экз.;

– сферические мелкие, из глухого светло-голубого стекла. Диаметр 0,2-0,25 см – 38 экз.;

– чечевицеобразные из темного стекла. Диаметр около 0,9, толщина 0,35 см – 27 экз.;

– подобные, но голубого глухого стекла. Диаметр 0,7, толщина 0,25 см – 2 экз.;

– сферическая, из глухого белого стекла. Диаметр 0,9 см;

– шестигранная, удлиненная, из глухого голубого стекла. Длина 1,6, толщина 0,35 см.

6. Фибула серебряная, двучленная, лучковая подвязная. Спинка прямоугольная в сечении, орнаментирована клиновидными насечками. Ножка слегка расширяется, фациетирована. Приемник глу-

бокий, подвязан четырьмя витками. Пружина четырехвитковая, с нижней тетивой. Длина 7, максимальная высота 2,8 см.

7. Браслет кольцевой, из бронзовой пластинки, с несомкнутыми, слегка расширяющимися концами, орнаментированными двумя рядами клиновидных насечек. Диаметр 5,5 см, ширина 0,5-0,6, толщина 0,15 см.

8. Бусы с запястий:

– сегментовидные, круглые, из темного глухого стекла. Диаметр 0,8 см – 17 экз.;

– прямоугольные, плоские перламутровые пронижи из раковины. Размеры 1 х 0,8 см – 4 экз.;

9. Бронзовое круглое зеркало с прямоугольным выступом и отверстием в нем. С тыльной стороны оконтурено по бортику валиком, в центре – рельефный диск из перекрещенных якоревидных фигур. Диаметр 5 см.

10. Бусы со щиколоток:

– призматические, четырехгранные, из глухого стекла разных цветов: желтого, слоновой кости, голубого, зеленого, красного и черного – 385 экз. [Савовский, 1977. – С. 65-68].

2. с. Златополь, к. 15, п. 2. Впускное в курган эпохи бронзы, в 5 м к юго-западу от репера. Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными короткими сторонами, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, размеры 1,35 х 0,65 м, дно на глубине -134 от условного 0. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, ближе к западной стенке ямы с небольшим отклонением к центру. В ногах стояли два сосуда (1, 2), на запястьи правой руки находился браслет (3), а возле левой ступни – подвеска-герма (4).

1. Лепной горшок со скошенным отогнутым венчиком, украшенным короткими вертикальными насечками. Шейка четко выражена, тулово овальное, дно плоское. На плечиках врезная волнистая линия. Диаметр венчика 9,8 см, тулова 10,5, дна 6,5, высота горшка 11,6 см.

2. Лепной горшок аналогичной формы, венчик отогнут чуть меньше, неорнаментирован. Диаметр венчика 8,2 см, дна 5,8, высота горшка 10 см.

3. Бронзовый браслет в 1,5 оборота из круглой в сечении проволоки. Концы слегка загнуты. Диаметр браслета 5, сечение 0,3 см.

4. Светло-голубая подвеска из египетского фаянса в виде торса бородатого человека, задрапированного в плащ. Промоделирована со всех сторон, но складки одеяния с тыльной стороны даны штрихами. На спине – выступ с отверстием для подвешивания. Высота подвески 1,9 см [Савовский, 1977. – С. 62-63].

ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ

3. с Первоконстантиновка Чаплинского р-на, к. 10, п. 3 (рис. 21,3). Впускное в скифский курган, в 8,5 м к северо-востоку от репера, во рву, окружавшем курган. Могильная яма трапециевидная в плане, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, размеры 1,66 х 0,52 х 0,3 м, дно на глубине -120 от условного 0. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Правая кисть на костях таза. Слева у шеи и колен стояли два сосуда (1,2).

1. Лепной сероглиняный кувшин с отогнутым утолщенным венчиком, широким цилиндрическим горлом, округлым туловом, на плоском дне. Ручка, крепившаяся одним концом в середине горла, а другим – к скату плечика, утрачена. Диаметр венчика 10,5 см, горла 7, тулова 14, дна 8, высота 21 см (рис. 21,3б).

2. Лепной сероглиняный горшок с закругленным венчиком, широким воронковидным горлом, крутыми плечиками и плавно сужающимся туловом, на плоском дне (рис. 21,3в). Диаметр венчика 9,5 см, тулова 14, дна 6,5, высота 6,6 см [Лесков и др. Отчет, 1971. – С. 32].

4. пгт Каланчак, р/ц, к. 3, п. 32. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре кургана. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на СВ. У правой кисти обнаружены бусы и бисер (1).

1. Бусы:

– глазчатые, из глухого синего стекла. Глазки сине-белые. Диаметр 1,2, высота 0,8 см – 9 экз.;

– глазчатые, из глухого голубого стекла, уплощенные, с четырьмя бело-голубыми глазками. Диаметр 0,9, высота 0,4 см – 3 экз.;

– уплощенно-цилиндрические, из глухого черного стекла. Диаметр 0,8, высота 0,5 см [Ратнер. Отчет, 1963. – С. 35-39].

5. пгт Каланчак, к. 3, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Полностью разрушено тригопунктом. На глубине -30 от условного 0 обнаружены меч (1) и обломки гончарного сероглиняного сосуда.

1. Железный меч с рукоятью-штырем. Клинок в форме вытянутого треугольника, линзовидный в сечении. Рукоять переходит в пята клинка под тупым углом. Штырь откован вместе с клинком, сужается к концу. На пята клинка следы железного перекрестья. Длина клинка 39, ширина у пята 4,5 см [Евдокимов и др. Отчет, 1978. – С. 72].

6. пгт Брилевка Цюрупинского р-на. На обширном курганном поле, составлявшем могильники белозерской и скифской культур, находился сарматский могильник. Курганы, составлявшие его, располагались бессистемно среди белозерских и скифских насыпей.

К. 25, п. 1. Основное. Насыпь круглая в плане, распаханная, высотой 0,6 м*, диаметром до 9 м. Подкурганная поверхность ограничена круглым в плане рвом диаметром 7 м, шириной до 1, глубиной 0,6 м, трапецевидным в сечении. Погребение в центре рва, в яме с подбоем. Входная яма овальная в плане, ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ, размеры 2,1 x 0,6 м, дно на глубине -170 от условного 0. Подбой в западной стенке, овальный в плане, ориентирован по оси ССВ-ЮЮЗ, по размерам равен входной яме, высота свода 0,8 м, дно на глубине -195. Погребение ограблено. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, скелет лежал вытянуто на спине, головой на ССВ.

К. 118, п. 1 (рис. 23,1). Основное. Насыпь круглая в плане, распаханная, выделялась на фоне чернозема светлым пятном. Погребение в яме с подбоем. Входная яма не прослежена. Подбой удлинено-овальный в плане, ориентирован по оси СВ-ЮЗ, размеры 1,8 x 0,6 м, дно на глубине -130 от условного 0. Погребение ограблено. Судя по сохранившимся *in situ* костям скелета, он лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. У черепа найден сосуд (1), у правой руки – оселок (2) и фрагмент меча (3).

1. Гончарный красноглиняный кувшин. Горло утрачено, тулово грушевидное, на плоском дне с закраиной. По основанию горла – три врезных линии. Придонная часть покрыта плохим красно-бурым лаком. Высота сохранившейся части 20 см, диаметр тулова 22, дна 9 см (рис. 23,1б).

2. Сланцевый подпрямоугольный оселок с закругленными гранями. На поверхности глубокие следы от заточки меча. Размеры 14 x 6 см (рис. 23,1г).

3. Фрагмент клинка железного обоюдоострого меча. Ширина 4,5 см (рис. 23,1в).

К. 136, п. 1. Основное. Насыпь круглая в плане, распахана, высота 0,4, диаметр 7 м. Погребение в яме с подбоем. Материковый выкид располагался к западу от входной ямы, удлинено-овальной в плане, ориентированной по оси ССВ-ЮЮЗ, размеры 2 x 0,4 м, дно на глубине -120 от условного 0. Подбой в западной стенке овальный в плане, ориентирован по оси ССВ-ЮЮЗ, размеры 2 x 0,7 м, высота свода 0,6 м, дно на глубине -140. Погребение ограблено. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, скелет лежал вытянуто на спине, головой на С.

К. 139, п. 1 (рис. 23,2). Насыпь круглая в плане, распахана; высота 0,5, диаметр до 9 м. Подкурганная поверхность ограничена круглым рвом диаметром 7 м, шириной 0,4-0,6, глубиной 0,5 м, трапецевидным в сечении. В запол-

---

*Высота насыпи указана от уровня погребенного чернозема.

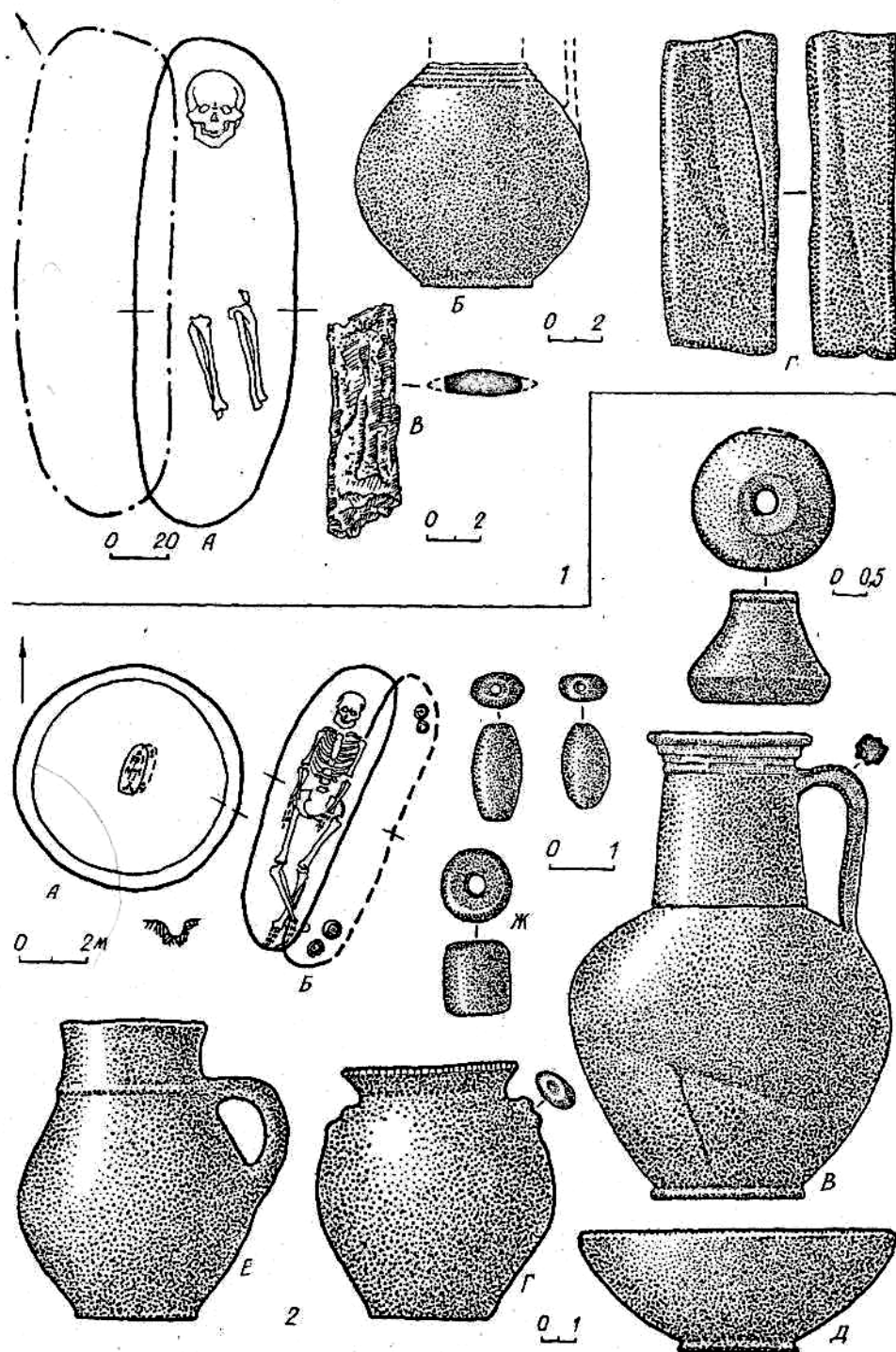

Рис. 23. Погребения II-III вв. н. э.
1 – Брилевка, 118/1; 2 – Брилевка, 139/1.

нении рва встречены кости животных и фрагменты лепной керамики. Погребение в яме с подбоем. Входная яма удлинено-овальная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,9 x 0,4 м, дно на глубине -140 от условного 0. В северной и южной частях ямы парами стояли сосуды (1-4). Подбой в западной стенке ямы, овальный в плане, ориентирован по оси С-Ю, размеры 1,8 x 0,6 м, дно на глубине -160. Высота свода 0,7 м. Скелет лежал вытянуто на

спине, головой на ССВ, ноги были скрещены в голених. В области шеи найдены бусы (5), у правой кисти прясло (6), на щиколотках – бусы (7).

1. Гончарный красноглиняный кувшин с профилированным, сильно отогнутым венчиком, цилиндрическим, слегка расширяющимся к основанию горлом, яйцевидным туловом, на кольцевом поддоне. Прямая в перегибе ручка подквадратная в сечении, каннелирована двумя узкими врезными линиями, одним концом прикреплена к плечу, другим – к основанию венчика, подчеркнутая двумя врезными линиями. Кувшин (кроме придонной части) покрыт бурым лаком. Диаметр венчика 10 см, тулова 18, дна 9,5, высота 28 см (рис. 23,2в).

2. Лепной горшок с воронковидным широким горлом, овальным, сужающимся ко дну туловом, на плоском дне. По плечикам – два рожковидных налеса. Диаметр венчика 11 см, тулова 15, дна 7, высота 16 см (рис. 23,2г).

3. Гончарный красноглиняный кувшин с воронковидным горлом, овально-биконическим туловом, на выделенном плоском дне. По основанию горла идет рельефный валик. На плечике петлевидная ручка с углублением по длинной оси. Поверхность покрыта полосами вертикального лощения. Диаметр венчика 9,2 см, дна 6,7, высота 17,7 см (рис. 23,2е).

4. Гончарная миска с заостренным, загнутым внутрь венчиком, сферическими стенками, на кольцевом поддоне. По средней части тулова широкая (3,5 см) полоса бурого лака. На стенках следы ремонта (три пары отверстий). Диаметр венчика 19,2 см, дна 6,7, высота 7,5 см (рис. 23,2д).

5. Бусы:

– цилиндрические, известняковые, длина 2,5 см – 8 экз.;

– янтарные, плоские, овальные, размерами 2,5-3 x 1,5-2, толщиной до 1 см – 12 экз.;

6. Керамическое усеченно-коническое прясло. Диаметр оснований 1,9 и 4,4, высота 3,5 см.

7. Мелкий рубленый бисер из глухого зеленого и синего стекла. Диаметр 0,6 см – 36 экз.

К. 161, п. 1. Основное. Насыпь круглая в плане, распахана, высота 0,5 м, диаметр 9 м. Материковый выкид находился к западу от могилы. Погребение в яме с подбоем. Входная яма овальная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2 x 0,6 м, дно на глубине -160 от условного 0. Подбой в восточной стенке, овальный в плане, ориентирован по оси С-Ю, размеры 2 x 0,8 м, дно на глубине -185, высота свода 0,65 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на С. На пояснице найдена распавшаяся железная пряжка, у левой кисти – астрагал. В заполнении подбоя встречались фрагменты сероглиняного лепного сосуда.

К. 163, п. 1. Основное. Насыпь полностью распахана, выделялась по пятну выкида. Погребение в яме с подбоем. Входная яма овальная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,8 x 0,6 м, дно на глубине -170 от условного 0. Подбой в западной стенке, овальный в плане, ориентирован по оси С-Ю, размеры 1,9 x 0,8 м, дно на глубине -170, высота свода 0,7 м. Погребение ограблено. Судя по сохранившимся *in situ* частям, скелет лежал вытянуто на спине, головой на С.

К. 165, п. 1 (рис. 24,1). Основное. Насыпь круглая в плане, распахана, диаметр 11, высота 0,5 м. Подкурганная поверхность ограничена круглым рвом диаметром 9 м, шириной 0,9-1, глубиной 0,6 м, трапециевидным в сечении. В заполнении рва встречены кости животных и фрагменты лепной керамики. Погребение в яме с подбоем. Входная яма овальная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 2,1 x 0,6 м, дно на глубине -165 от условного 0. Подбой в западной стенке, подпрямоугольный в плане, ориентирован по оси С-Ю, размерами 2,2 x 0,9 м, дно на глубине -200, высота свода 0,8 м. Погребение ограблено. В заполнении подбоя встречены фрагменты лепной керамики и гончар-

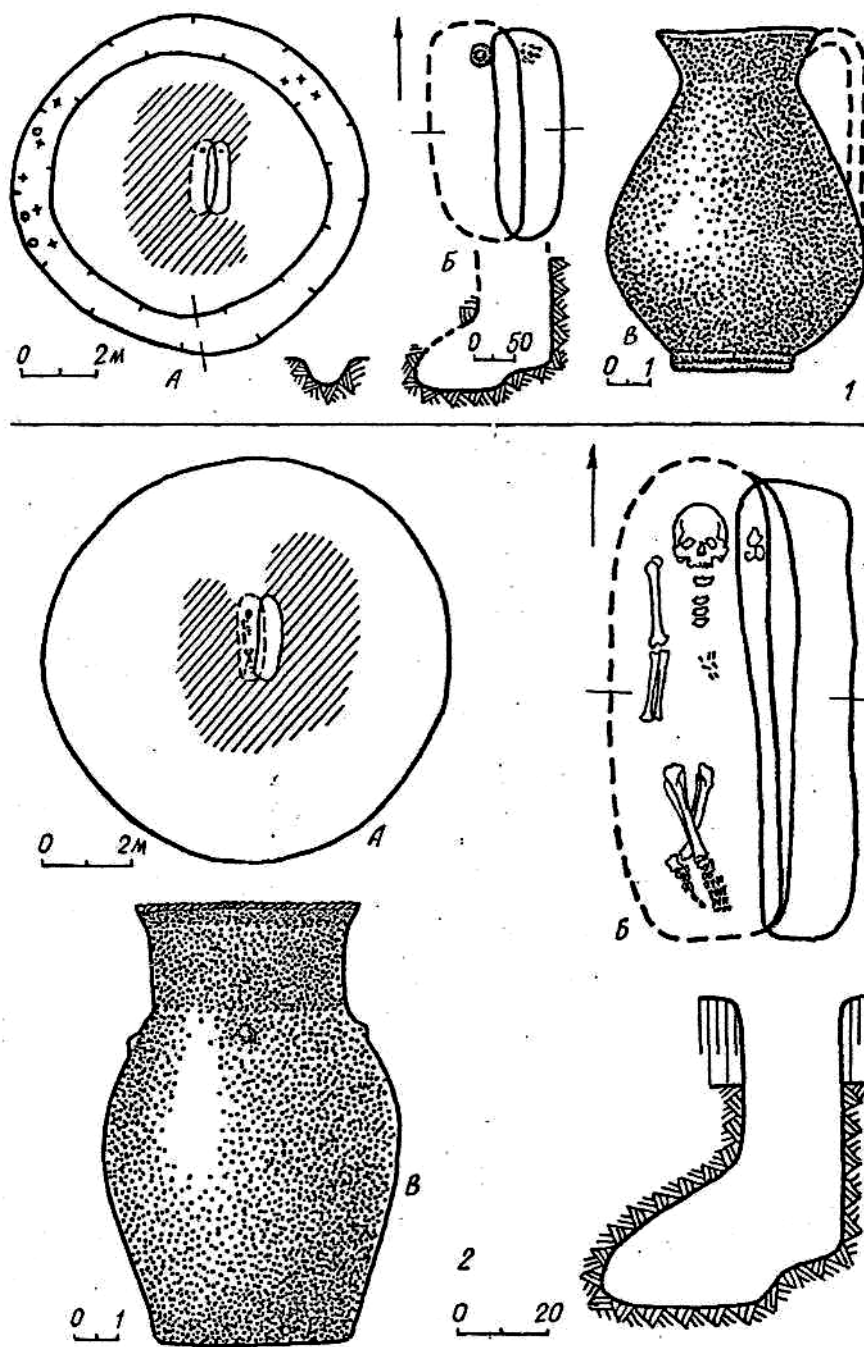

Рис. 24. Погребения II-III вв. н. э.
1 – Брилевка, 165 /1; 2 – Брилевка, 19/1.

ный красноглиняный кувшинчик с воронковидным горлом, грушевидным туловом, на кольцевом поддоне. Ручка утрачена, на нижней части тулова след ее крепления. Диаметр венчика 9 см, тулова 12, дна 5,5, высота 18 см (рис. 24, 1в).

К. 191, п. 1. Основное. Насыпь круглая в плане, распахана, высота 0,4, диаметр 9 м. Выкид находился к западу от погребения. Погребение в яме с подбоем. Входная яма прямоугольная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размерами 2 х 0,45 м, дно на глубине -140 от условного 0. Подбой в западной стенке,

овальный в плане, ориентирован по оси С-Ю, размеры 2,2 x 0,8 м, дно на глубине -160, высота свода 0,6 м. Погребение ограблено, разрушена левая сторона скелета. Он лежал вытянуто на спине, головой на С. Слева от черепа – фрагментированный сосуд (1), в области живота – фрагменты бронзовых пластинок.

1. Лепной сероглиняный горшок (сохранилась половина) с воронковидным, почти цилиндрическим горлом. Венчик украшен косыми насечками. Тулово овальное, сужающееся к широкому плоскому дну. На плечиках два невысоких налепа (рис 24,2в). Диаметр венчика 12,5 см, тулова 14,5, дна 9,5, высота 20 см [Евдокимов. Отчет, 1985. – С. 44-49].

7. с. Львово Бериславского р-на, к. 11, п. 1. Впускное в скифский курган, в 5 м к северу от репера. Погребение в яме с подбоем. Входная яма овальная в плане, ориентирована по оси С-Ю, размеры 1,85 x 0,4 м, дно на глубине -243 от условного 0. Подбой выкопан в западной стенке, овальный в плане, ориентирован по оси С-Ю, размеры 2 x 1 м, дно на глубине -250 от условного 0. Погребение ограблено. Судя по остаткам скелета *in situ*, он лежал вытянуто на спине, головой на С. У левого бедра найдены обломки ножа и кинжала, между бедренными костями – пряжка (1).

1. Железная пряжка с прямоугольной в сечении овальной рамкой и подвижным язычком. Длина 4,5, ширина 3 см [Симоненко, 1977. – С. 223].

8. с. Широка Балка Белозерского р-на, к. 3, п. 1. Впускное в курган эпохи бронзы, в центре насыпи. Контур могильной ямы не прослежены. В насыпи на глубине -120 от условного 0 найдены остатки разрушенного скелета, положение и ориентацию которого определить не удалось. Среди них обломки удила (1) и псалия (2), обоймы (3) и наконечник стрелы (4).

1. Фрагменты грызл железных двухколенчатых удила. Грызла круглые в сечении, диаметром 1 см, концы их свернуты в кольцо диаметром 2,5 см (рис. 20,2а).

2. Фрагмент стержневидного псалия с прямоугольной петлей (рис. 20,2а).

3. Серебряные кольцевидные обоймы, в сечении дуговидно изогнутые. Диаметр 1,1, высота 0,5 см – 4 экз. (рис. 20,2в).

4. Железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы с прямым углом атаки (рис. 20,2б). Длина головки 2,5 см [Евдокимов и др. Отчет, 1977. – С. 51]

КРЫМСКАЯ ОБЛАСТЬ

9. с. Орловка Краснопереконского р-на, к. 1, п. 1 (рис. 24,4). Впускное в курган эпохи бронзы, в 8 м к северо-востоку от репера. Погребение в яме с подбоем. Входная яма, очевидно, была подпрямоугольная в плане, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, длина 2 м, ширина около 0,7 м. Дно ее переходило в дно подбоя невысокой (около 10 см) ступенькой. Подбой был выкопан в восточной стенке входной ямы, подпрямоугольный в плане, ориентирован по оси СЗ-ЮВ, размеры 2 x 0,7 м. Скелет подростка до 15 лет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. За черепом стоял сосуд (1), под ним находились кости овцы и нож (2).

1. Лепной горшок с вертикальным венчиком, грушевидным туловом, на плоском широком дне. Поверхность подлощена. Диаметр венчика 6 см, нижней части тулова 10,5, высота 10,4 см (рис. 21,4б).

2. Железный нож с обломанной ручкой и острием. Клинок с прямой спинкой, клиновидный в сечении. Длина сохранившейся части 11, ширина у пяты 1,6 см [Щепинский. Отчет, 1979. – С. 21-22],

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Позднесарматских памятников на исследуемой территории известно гораздо меньше, чем погребений двух предыдущих этапов (9 пунктов, 16 погребений по сравнению с 22 раннесарматскими и 87 среднесарматскими). Эта ситуация соответствует общей картине развития позднесарматской культуры в причерноморских степях. По некоторым причинам, которые я попытаюсь пояснить ниже, памятники II-IV вв. н. э. концентрируются на восточном (Донбасс-Приазовье) и западном (Нижнее Подунавье, междуречье Днестра и Прута) рубежах европейской части Сарматии. Центральная часть причерноморских степей, судя по археологическим памятникам, была заселена гораздо меньше (рис. 25).

Как и на предыдущих этапах, преобладают впускные погребения. Однако у с. Брилевка открыт единственный курганный могильник с *основными* захоронениями. Он располагался на территории грунтового могильника белозерской культуры и в соседстве с несколькими скифскими курганами. Могильник состоял из восьми невысоких (до 0,6 м), иногда полностью распаханых насыпей диаметром до 10 м. В центре подкурганной поверхности располагалось одно основное погребение. В Брилевском могильнике в трех курганах (№ 25, 139, 165) прослежены круглые рвы, ограничивавшие подкурганную поверхность. Их диаметр от 7 до 9 м, ширина по верху 0,6-1 м, глубина в пределах 0,5 м. Проходов во рвах не обнаружено. В заполнении встречены кости животных и фрагменты лепной керамики.

Подобная деталь обряда была почти неременной в скифском погребальном ритуале V-IV вв. до н. э. У сарматов она встречается гораздо реже. В целом можно уверенно говорить об отсутствии обычая ограничивать подкурганную поверхность круглым или иной конфигурации рвом в ранне- и среднесарматское время. Но, с другой стороны, наличие подобных сооружений в эпоху бронзы, у скифов и азиатских кочевников эпохи раннего железа предполагает общеиндоевропейскую основу этого обычая. Считается, что ограничение подкурганной поверхности рвом, оградой или валом призвано оградить живых от вредоносного влияния покойника [Раппопорт, Трудновская,

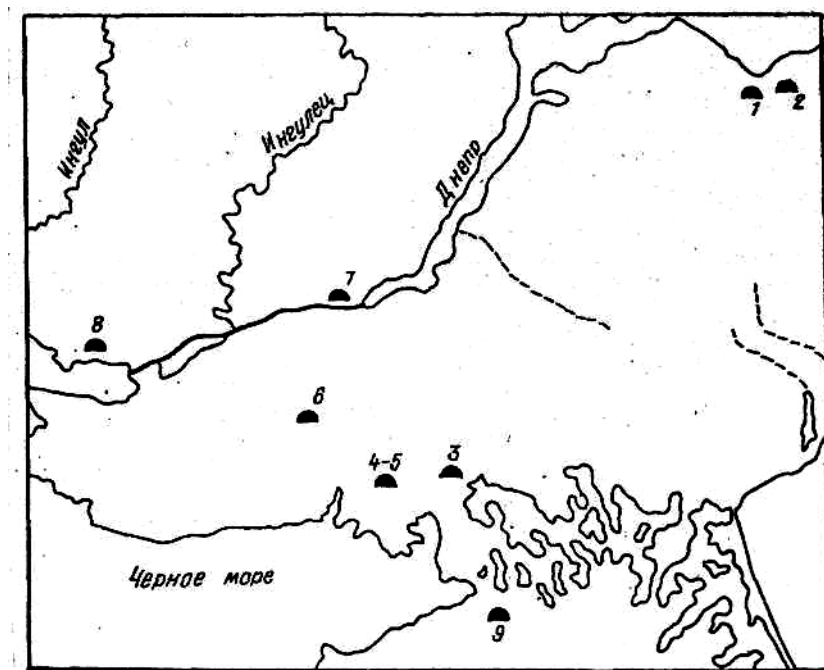

Рис 25. Карта памятников II-III вв. н. э.

1979. – С. 156] либо табуировать место захоронения [Грач, 1980. – С. 70]. Трудно сказать почему, но у сарматов круглые подкурганные рвы, появляясь в конце I в. н. э., устойчивым явлением становятся только на позднесарматском этапе. Концентрируются они в междуречье Днестра и Прута и на Нижнем Дону. Причем, если в последнем регионе они только подкурганные, то в Северо-Западном Причерноморье круглые рвы встречаются и на грунтовых могильниках. Ниже мы вернемся к этому интересному вопросу.

Впускные захоронения, как и на предыдущих этапах сарматской культуры Таврии, располагаются в основном в центре (40%) либо в северной поле (40%) насыпи, 20% погребений в южной поле. Как и прежде, сарматы избегают хоронить в восточной и западной полях.

Погребальные сооружения на позднесарматском этапе представлены следующими типами могил: прямоугольные или подпрямоугольные ямы (6 случаев, 33,3%), одна трапециевидная яма (5,5%) и ямы с подбоем (10 случаев, 55,5%). Как видно, на первое место выходят камерные могилы. Это явление стоит в прямой связи с динамикой изменения типов погребальных сооружений в это время по всей Сарматии. В ямах с подбоем погребено большинство покойников II-IV вв. н.э. в Орель-Самарском междуречье [Костенко, 1986. – С. 60]. По данным В.И. Костенко, в междуречье Дона и Днепра в позднесарматское время ямы с подбоем численно уступают только прямоугольным ямам (соответственно, 25,5 и 30,8%). В Поволжье, начиная со второй половины II в. н. э., число подбойных ям значительно возрастает, и на позднесарматском этапе они составляют половину (59%) всех погребальных сооружений [Скрипкин, 1984. – С. 102]. В западной части Сарматии также наблюдается тенденция к увеличению доли подбойных могил на позднесарматском этапе. В Буджаке они появляются со второй половины II в. н. э. [Дзиговский, 1987. – С. 7], а количество их сразу резко возрастает (около 40 против 3,3% в I – начале II в. н. э.). В памятниках Молдовы подбойные могилы занимают третье место (3,6%) после прямоугольных ям и ям с заплечиками [Гросу, 1990. – С. 32]. Таким образом, отчетливо проявляется взаимосвязь между доминированием подбойных могил на востоке – в Поволжье и Подонье – и распространением их со второй половины II в. н. э. на западе.

В позднесарматское время в Таврии по-прежнему превалирует ориентация погребенных в северном полукруге (С – 33, СВ – 27,7, СЗ – 5,5%, всего 66,6% погребенных). Очень устойчив обряд Брилевского могильника – все погребенные ориентированы на С-ССВ. С одной стороны, это явление, возможно, отражает традиции населения предшествующего времени, с другой – ориентация в северном полукруге во II-IV вв. н. э. преобладает во всей Сарматии. Судя по смене типов погребальных сооружений, Таврия во II в. н. э. не избежала участи остальных земель, оказавшихся на пути новой сарматской волны. В этом случае доминирование северной ориентации следует связывать все же не с традициями прошлого, а с обычаями новых пришельцев.

Интересна динамика смены господствующей ориентации в Заволжье и междуречье Дона и Волги, прослеженная А.С. Скрипкиным [Скрипкин, 1984. – С. 128. – Табл. 8]. С рубежа I до середины II в. н. э. в Заволжье погребения с северной ориентацией (т.е., инновация) составляют 50%, в междуречье – пока 5%. Проникновение нового обряда (а, стало быть, и его носителей) на запад едва началось. Во второй половине II – середине III в. н. э. подавляющее большинство погребений Заволжья (94,5%) ориентировано в северном полукруге, а в междуречье они составляют уже почти половину (49%), т.е., процесс проникновения позднесарматских племен на запад набирает силу. Наконец, с середины III по IV в. н. э. в Заволжье и в междуречье устанавливается полное (соответственно 100 и 97%) доминирование ориентации в северном полукруге – "все они за одинаковые обычаи... зовутся аланами" (Аммиан Марцеллин). Естественно, что в Северном Причерноморье эти ассимиляционные процессы должны были несколько запаздывать. Вероятно, отражением традиций предшествующего вре-

мени являются ориентированные в южном полуокруге погребения у Златополя (15/2) и Первоконстантиновки (10/3).

Исчезает во II-IV вв. н. э. и такой традиционный прежде обычай, как напутственная пища (2 случая, 11,1%). Это несколько странно на фоне его сохранения в Поволжье, на родине позднесарматских племен [Скрипкин, 1984. – С. 77] и на ближайших к Таврии территориях степей междуречья Дона и Днепра [Костенко, 1983. – С. 47]. Надо, однако, отметить, что эта традиция не всегда соблюдалась и в более раннее время (см. выше). Напутственная пища редко встречается и в памятниках правобережья Днепра, в Поднестровье, в Молдове [Гросу, 1990. – С. 35].

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Оружие. Эту группу представляют мечи, кинжал, наконечники стрел, правда, в незначительном количестве. *Меч* из Брилевки (118/1) фрагментирован, а в Каланчаке (3/1) найден экземпляр с рукоятью-штырем, характерный для позднесарматского времени. Выше отмечалось, что при нынешнем состоянии источников такие мечи нельзя считать оружием только позднесарматских племен. К сожалению, кроме меча, в этом разрушенном погребении найдены лишь фрагменты гончарного сероглиняного сосуда, близкого некоторым типам позднесарматской керамики. Более точную дату могилы установить невозможно. Фрагментированный кинжал из с. Львово принадлежит к тому же типу, что и меч из Каланчака.

Наконечники стрел из Широкой Балки в целом хронологически нейтральны. При изучении массовых серий таких наконечников из Северного Причерноморья сложилось впечатление, что наконечники, подобные широкобалковским (с маленькой, до 1,5 см головкой), распространены во II-III вв. н. э. [Симоненко, 1986. – С. 74].

Предметы **конского снаряжения** найдены в Широкой Балке (3/1). Это фрагменты псаля и удила (рис. 20,2а). Псалий относится к типу стержневидных, с двумя прямоугольными петлями (сохранилась одна). Этот тип был широко распространен. Достаточно назвать такие удаленные друг от друга во времени и пространстве пункты, как хуннский могильник Ноин-Ула (конец II – I в. до н. э.), синхронную ему находку из Антиповки [Гущина, 1961. – С. 242] и погребение конца II – начала III в. н. э. у хут. Шевченко [Шепко, 1987. – С. 172]. К последней дате, как времени погребения из Широкой Балки, склоняет находка в комплексе трех массивных серебряных бусин. Подобные украшения узды известны в позднесарматских погребениях Северного Причерноморья [Карасев, 1951. – С. 170].

Орудий труда в этой группе также немного – два ножа (Львово, Орловка), оселок (Брилевка, 118/1) и прясло (Брилевка, 139/1). *Ножи* обычного для сарматов типа – с горбатой спинкой и прямым лезвием, с черенком для насаживания рукояти, отделенным перехватом. Не менее ординарен и подпрямоугольный *оселок* со следами заточки. Примечательно, что он был найден рядом с фрагментом меча, как в некоторых позднесарматских могилах [Шепко, 1987. – С. 172], а следы заточки довольно глубокие и могли быть оставлены этим мечом. *Прясло* одно из распространенных у сарматов типа – усеченно-коническое.

Керамика. *Лепная* керамика (рис. 26) найдена почти в половине погребений (44,4%). Большинство – сероглиняные горшки трех типов: с отогнутым венчиком и овальным туловом, воронковидным горлом, грушевидным туловом (рис. 21,4б). В Первоконстантиновке найден лепной сероглиняный кувшин с цилиндрическим горлом. Экземпляр из Златополя орнаментирован волнистой врезной линией по плечикам. На плечиках горшка из Брилевки по два невысоких налепа.

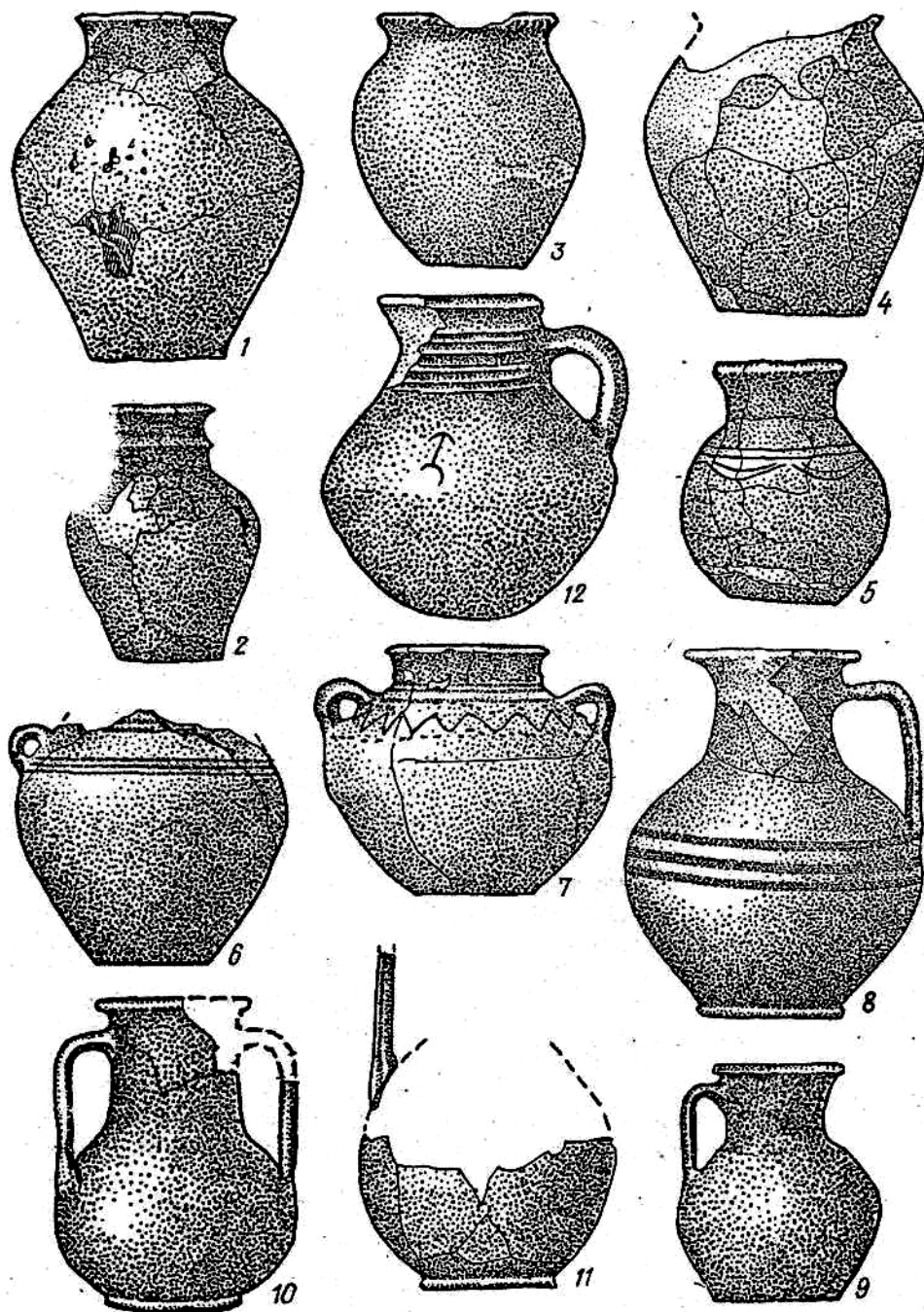

Рис. 26. Керамика из сарматских погребений Таврии.
 1, 2 – Львово, 6 / 1; 3 – Атманай, 3/32; 4 – хут. Волчий, 2/1; 5 – Каирка, 6/11; 6 – Софиевка, 18/1; 7 – Софиевка, 40/24; 8 – Геническ, 1/3; 9 – Скадовск, 4/1; 10 – Первомаевка, 3/11; 11 – Атманай, 3/35.

Аналогичный златопольскому горшок происходит из погребения II в. н. э. кургана 17 западной группы могильника Аккермень II [Вязьмитина и др., 1960. – С. 77]. Сосуды с налепами, подобные брилевским, обычны у сарматов Днестро-Дунайского междуречья. Налепные элементы были популярны в это время и у позднескифских гончаров Нижнего Поднепровья и Крыма [Вязьмитина, 1986. – С. 232, 261-262]. Исследователи полагают, что это – результат гето-фракийского влияния [Вязьмитина, 1986. – С. 262]. Грушевидное тулово

горшка из Орловки характерно для позднесарматской культуры [Вязьмитіна, 1971. – С. 197].

Гончарные сосуды в этой группе не столь многочисленны (38,8%). Они представлены краснолаковыми, буrolаковыми и красноглиняными кувшинами. В своей массе это – обычная посуда производства античных центров с довольно широким (конец I – III в. н. э.) диапазоном бытования. В Балках найден *фигурный* сосуд в виде барана. Он проанализирован И.П. Савовским [Савовський 1977. – С. 65] и нет нужды повторять его выводы. Аналогия кувшинчику из Брилевки (165/1) встречена в сарматской могиле (западная группа могильника Аккермень II, к. 17) с фибулой, дата которой – преимущественно II в. иногда с заходом в первую половину III в. н. э. [Гороховский, 1988. – С. 41].

Таким образом, судя по керамике, и на позднесарматском этапе сохраняются оживленные связи с античными центрами.

Фибула из Балков серебряная, двучленная, с фацетированной ножкой и орнаментированной спинкой [III серия, по А.К. Амброзу, III – начало IV в. н. э.). Однако по последним исследованиям Е.Л. Гороховского, подобные фибулы бытуют со второй половины III в. н. э. (возникая, может быть, еще во второй трети столетия) до начала IV в. н. э. [Гороховский, 1988. – С. 43].

Зеркало (единственное в этой группе) найдено в Балках. А.М. Хазанов выделяет подобные зеркала-подвески в IX тип и датирует их II-III вв. н. э. [Хазанов, 1963. – С. 66]. Подробные разработки А.С. Скрипкина позволили ему установить, что такие зеркала в первой половине II в. н. э. у сарматов единичны, и пик их распространения приходится на конец II – середину III в. н. э. [Скрипкин, 1984. – С. 47].

Украшения в этой группе малочисленны и представлены гарнитуром (*гривна, серьги, браслет, медальон*) из Балков и *браслетом* из Златополя. Последний – простой проволочный, с достаточно широким хронологическим диапазоном. Золотые гривны, подобные балковской, найдены, например, в Горгиппии [ШДИК. – С. 174. – Кат. № 94] и ст. Воронежской [Анфимов, 1987. – С. 224]. Серьги из этого же комплекса аналогичны находке в Богодаре [Гущина, 1966. – С. 76] и черняховском могильнике Каборга IV [Магомедов, 1987. – С. 72. – Рис. 31,16]. Обе аналогии датируются III в. н. э.

Бусы найдены в четырех погребениях (их могло быть и больше, так как часть погребений Брилевского могильника ограблена). Как и в предыдущей главе, они рассматриваются по комплексам и в порядке описания (по схеме Е.М. Алексеевой).

В Балках в состав ожерелья входили сердоликовые бусины типа 15 (II-IV вв. н. э.), стеклянные типа 16 (эллинизм-первые века н. э.), 84 (II-III вв. н. э.). 75 (II-III вв. н. э.) близкая типу 5 (первые века н. э.), типа 125 (II-III вв. н. э.). Браслет состоял из бусин типа 4 (дата широкая) и пронизок типа 4 (III в. н. э.). На щиколотках найдены бусы типов 104, 110 (II-III вв. н. э.). Наиболее вероятная дата набора – III в. н. э. Дату погребения, как мы видели, уточняет фибула. В *Златополе* найдена подвеска-герма из голубого египетского фаянса. Она имела прямоугольное основание, обломанное еще в древности. Л. Стефани определил, что на таких подвесках изображен Приап или Геракл. Известны в Пантикапее, Танаисе, Тирамбе. Относятся к типу 34 (I-II вв. н. э.). В *Каланчаке* (3/32) найдены глазчатые бусы типов 78 а (V в. до н. э. – II в. н. э.), 30 а (III в. н. э.), 54 (II-IV вв. н. э.). Широкая дата бус типа 78а сужается до первых веков н. э. тем обстоятельством, что их глазки сделаны из отрезков двухслойного прутика – эта технология начинает применяться только с рубежа н. э. [Алексеева, 1975. – С. 68]. Наиболее вероятная дата набора – III в. н. э. В *Брилевке* (139/1) найдены янтарные бусы типа 44 (I-II вв. н. э.) и известняковые типа 7 (I-IV вв. н. э.).

ГЛАВА IV
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
САРМАТОВ ТАВРИИ

РАННЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

Исследуемая территория до III в. до н. э. – один из основных регионов обитания скифских племен. Именно здесь, по мнению Д.А. Мачинского, в конце IV в. до н. э. произошли трагические для скифов события, описанные Диодором Сицилийским и приведшие к гибели скифской державы, территорию которой захватили сарматы [Мачинский, 1971. – С. 30]. Гипотеза Д.А. Мачинского неоднократно критиковалась [Полін, 1984. – С. 24; Полин, 1989. – С. 10; Полин, Симоненко, 1990. – С. 77], прежде всего, за ее археологическую бездоказательность. Сейчас взгляды Д.А. Мачинского разделяет А.Н. Щеглов, пытающийся объяснить сарматским нашествием деструктивные изменения в Северо-Западном Крыму на рубеже IV-III вв. до н. э.*. Как ни странно, основным аргументом сторонников вытеснения скифов сарматами всегда являлось не наличие сарматских памятников (что было бы естественно), а отсутствие скифских, которые исчезают по всей степи на удивление одновременно – в первые десятилетия III в. до н. э. [Полін, 1989. – С. 5]. Ставший хрестоматийным пассаж Диодора: *"Эти последние (савроматы. – А.С), много лет спустя сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню"*, казалось, не оставлял места для дискуссий. Однако при внимательном рассмотрении он никак не является доказательством ни ранней даты проникновения сарматов в Скифию, ни вообще ее завоевания. Прежде всего, Диодор писал свой труд в I в. до н. э. и никак не датировал события, о которых он говорил. Общепринятая датировка (II в. до н. э.) была предложена на основании тех немногих раннесарматских погребений Северного Причерноморья, которые относились к этому времени. Далее, в труде Диодора речь идет о савроматах, а не сарматах. Срок "много лет спустя" слишком расплывчат, чтобы утверждать, что "много лет" – это именно 200 (с IV по II в. до н. э.). Наконец, у Диодора нет и намека на то, что после "опустошения" значительной части Скифии она прекратила свое существование. Даже если принять на веру истинность и историчность описанных им событий, они могли быть просто массированным, но единовременным набегом. О наличии каких-то конфликтов между скифами и савроматами можно сделать вывод из рассказа Лукиана: *"вдруг напали на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников..."*, – говорится в нем от имени одного из персонажей, скифа [Лукиан. Токсарис, 39]. Идиллически мирное соседство скифов и савроматов, скрепленное боевой дружбой, родившейся во время переднеазиатских походов, возможность которого предполагал К.Ф. Смирнов [Смирнов, 1984. – С. 33] – явление, конечно, отрадное, но вряд ли реальное. Исторические и этнографические примеры говорят об изрядном непостоянстве политических симпатий кочевников. Археологические и исторические источники свидетельствуют о том, что отношения скифов и савроматов не всегда были мирными – не даром ареалы скифской и савроматской культур в Подонье (на рубежах земель этих народов) очерчиваются достаточно четко, не пересекаясь.

* Доклад А.Н. Щеглова на V Донской археологической конференции в 1983 г. См. также: Щеглов, 1978. – С. 84.

К.Ф. Смирнов, отыскивая следы мирного сосуществования скифов и савроматов, обратился к нескольким скифским погребениям с савроматскими, как он полагал, чертами [Смирнов, 1984. – С. 33-36]: наличием баранины в качестве заупокойной пищи (два погребения Никопольского курганного поля) и оружием в женских погребениях (Никопольское курганное поле, курганы у с. Львово), конструкцией погребального сооружения и характером инвентаря (с. Балки, курган 16). Археологическая аргументация К.Ф. Смирнова достаточно уязвима, о чем, кстати, пишет М.Г. Мошкова в предисловии к его монографии и в редакционных примечаниях к ней. Прежде всего, погребальный обряд перечисленных захоронений типично скифский – погребения совершены в подкурганных катакомбах, характерных для этой территории в IV в. до н. э. и имеющих многочисленные аналогии среди скифских памятников. Баранина в качестве жертвенной пищи так же широко использовалась скифами, как и савроматами – во многих скифских котлах найдены расчлененные, а иногда и целые тушки баранов. Несколько односторонне К.Ф. Смирнов рассматривает и такой признак, как наличие оружия в женских скифских могилах, увязывая его с савроматским явлением. Исследованиями последних лет установлено, что доля скифских женских захоронений с оружием только в рядовых могильниках составляет 29%, т.е., даже больше, чем у савроматов – 20%, по К.Ф. Смирнову [Бунятян, 1985. – С. 79].

Я совершенно согласен с Е.П. Бунятян в том, что захоронения вооруженных женщин у кочевников не являются пережитком матриархата. Об этом говорит и С.А. Плетнева, исследовавшая женские погребения с оружием у средневековых кочевников [Плетнева, 1983. – С. 19]. В силу специфики образа жизни кочевников, когда мужчины долго кочевали со стадами, участвовали в дальних набегах и походах, гибли в боях, женщины были вынуждены хорошо владеть оружием, чтобы в случае необходимости защитить себя, своих близких и род. Эта специфика обуславливала некоторую относительную независимость женщины в кочевом обществе по сравнению с патриархальным оседло-земледельческим. Не исключено, что у скифов и сарматов, как и у ряда других кочевых народов [Толстова, 1984. – С. 193], существовали определенные возрастные классы, а статус незамужних девушек предполагал обучение владению оружием, езде верхом и другим мужским занятиям. Возможно, отголоском этого является известная легенда об амазонках, которые не могли выйти замуж, не убив прежде врага. Рассмотрение вопроса о существовании у сарматов или савроматов пережитков матриархата не входит в нашу задачу, поэтому вслед за М.Г. Мошковой отметим лишь, что в данном случае К.Ф. Смирнов привел не самый удачный пример этой "савроматской" черты в скифских погребениях. Что касается захоронения у с. Балки, то оно типично скифское и никаких специфически савроматских черт в нем нет.

Таким образом, предположение К.Ф. Смирнова об инфильтрации в скифский этнос отдельных групп савроматов уже в IV в. до н. э. хотя и вполне допустимо, но на предложенном им археологическом материале не прослеживается.

Археологическим свидетельством контактов скифов и савроматов, помимо погребения у с. Ушкалки (см. гл. I), может быть комплекс из кургана 5 у с. Грушевка. К.Ф. Смирнов отнес грушевское погребение к раннесарматским (прохоровским) и датировал первоначально III – II вв., затем IV-III вв. до н. э. В.И. Костенко согласился с первой датировкой [Костенко, 1982. – С. 72]. Оба автора в подтверждение своей датировки привели целый ряд вещей, не упомянутых в публикации Д.Т. Березовца. Все это заставило тщательно изучить полевую документацию и материалы погребения в архиве и фондах ИА АН Украины.

В настоящее время в фондах среди материалов Грушевского кургана 5, кроме вещей, перечисленных в полевой документации и публикации, находятся 41 бусина из стекла, сердолика, каменного угля и кости, бронзовое зер-

кало малого диаметра, прясло и два проволочных бронзовых височных кольца. Эти вещи использованы В.И. Костенко и К.Ф. Смирновым для датировки комплекса. Они совпадают с найденными в сарматском погребении 6 кургана 5 у с. Марьинское (рядом с с. Грушевка), раскопанного Д.Т. Березовцом в том же 1953 г. [Березовец та ін., 1960. – С. 121. – Рис. 23,2,3], и ошибочно включены В.И. Костенко и К.Ф. Смирновым в грушевский комплекс.

К.Ф. Смирнов определил грушевский сосуд как лепной и отнес к ранней прохоровской керамике. Однако, сосуд не только не имеет соответствий в ней, но и абсолютно чужд ей по технологии изготовления и характеру обработки поверхности. Это сероглиняный, удивительно тонкостенный сосуд с невысоким прямым, чуть отогнутым венчиком и широким приземистым шаровидным туловом, на плоском дне. По плечу украшен четырьмя горизонтальными рядами проглаженных канавок. Под ними сохранились следы двух обломанных в древности налепных ушек или выступов. Тулово весьма тщательно заглажено слабо заметными вертикальными каннелюрами, внешняя поверхность производит впечатление подлощенной. Изнутри сосуд обработан не менее старательно. Форма его настолько правильная и симметричная, что, несмотря на отсутствие видимых следов, я не решаюсь отвергнуть определение Д.Т. Березовца об изготовлении сосуда на гончарном круге.

Все это разительно отличает грушевский сосуд от керамики прохоровской культуры и указывает иное направление поиска в определении его происхождения – оседлые культуры Северного Кавказа. Здесь эта форма сосуда с такого рода орнаментацией и характером обработки поверхности была весьма популярной и существовала на протяжении, по-видимому, всего скифо-сарматского времени. Аналогии ему можно найти и в памятниках IV в. до н. э., и I в. до н. э. – I в. н.э., и II-III вв. н. э. [Абрамова, 1972. – С. 17, 34. – Рис. 2,52; 9,2]. В целом следует отметить, что отсутствие сосуда на чертеже погребения вызывает сомнения в его принадлежности к комплексу и дает основания предполагать еще одно разрушенное погребение в кургане, из которого сохранились лишь сосуд и прясло.

Довольно массивный бронзовый браслет находит ближайшие аналогии в скифских курганах Днепровского лесостепного Левобережья, где они датируются IV-V вв. до н. э. [Петренко, 1979. – С. 54. – Табл. 41]. В савроматской и прохоровской культурах, где браслеты вообще крайне редки, орнаментированные экземпляры полностью отсутствуют [Смирнов, 1964. – С. 146; Мошкова, 1963. – С. 43].

Бронзовая височная подвеска из Грушевки не имеет параллелей ни в скифских, ни в савромато-сарматских, ни в меотских древностях. Близкие по схеме подвески найдены в Вани, в захоронении V в. до н. э. Они изготовлены из золота и имеют ряд дополнительных декоративных деталей, выполненных зернью и сканью. Однако общая схема корпуса подвески и нижнего окончания близка грушевской. О. Лордкипанидзе считает такой тип серьги типично колхидским [Лордкипанидзе, 1979. – С. 91. – Рис. 29]. Весьма показательна и костяная ложечка с окончанием ручки в виде головки вепря (?). Подобные зооморфные мотивы типичны для скифского и савроматского прикладного искусства. Аналогия К.Ф. Смирнова – ложечка из кургана 2 (Башкирское стойло), датирующаяся IV-III вв. до н. э. [Мошкова, 1963. – Табл. 24,6], уже не носит никаких зооморфных признаков. Гораздо ближе грушевской ложечки V и IV вв. до н. э. из савроматских захоронений Приуралья [Смирнов, Петренко, 1963. – Табл. 22,20; 22,28; Мошкова, 1963. – Табл. 26,1], одна из которых также привлекается К.Ф. Смирновым в качестве аналогии. В обоих случаях сопоставления являются чисто формальными, по категории изделия, и основаны на представлении об отсутствии таковых у населения Северного Причерноморья. Однако это далеко не так.

Хотя для Северного Причерноморья такие ложечки не являются типичными, но их группа достаточно представительна. Находки равномерно распределены

в лесостепной и степной зонах, к востоку и западу от Днепра, найдены как на поселениях, так и в курганах. В изобразительном плане отличаются специфическим своеобразием. Изображение животного на ложечке из Грушевки по всем признакам – простоте и выразительности, лаконичности декора, сложности образа, сочетающего черты нескольких животных – органически входит в круг архаических изображений причерноморского скифского звериного стиля. Способ изображений клыков в виде перемычки, охватывающей сверху голову животного, применялся в изображениях рогов грифо-баранов на многочисленных роговых псалиях VII – начала VI в. до н. э. из памятников Днепровского лесостепного Левобережья, Северного Кавказа и Закавказья. В более позднее время такой изобразительный прием не использовался. Единичные экземпляры таких псалиев известны в Днепровском Правобережье и в Нижнем Поволжье. Их появление в области распространения савромато-сарматской культуры расценивается как результат связей с северопричерноморской лесостепью [Смирнов, 1964. – С. 216].

Недавно мною и С.В. Полиным была предпринята попытка всестороннего анализа тех памятников Северного Причерноморья, которые считались раннесарматскими, датировались III–II вв. до н. э. и свидетельствовали якобы о завоевании сарматами Скифии уже в это время [Полин, Симоненко, 1990]. Насколько она удалась – судить не нам, однако в данном случае будем оперировать полученными результатами. Из 44 погребений североопонтийских степей, которые могут быть уверенно названы сарматскими и датированы II – I вв. до н. э., 22 расположены в Таврии (рис. 27). Таким образом, в раннесарматское время исследуемая территория была основным ареалом обитания сарматов. Письменные источники этого времени (декрет в честь Диофанта) приводят их племенное наименование – роксоланы (в декрете искаженное "ревксиналы").

Какие именно памятники можно отождествлять с роксоланами? Этот вопрос впервые затронул К.Ф. Смирнов [Смирнов, 1948]. Позже, правда, он отказался от своей идеи считать роксоланскими так называемые диагональные погребения [Смирнов, 1959. – С. 319]. С этих пор попыток связать с роксоланами те или иные типы сарматских погребений фактически не было, если не считать неудачной мысли С. Моринца о принадлежности могил с меловой посыпкой дна роксоланам Подунавья [Моринц, 1959. – С. 465] и точки зрения Д.А. Мачинского [Мачинский, 1976], согласно которой роксоланы – вообще не сарматы (об этом см. ниже).

Следует заметить, что отождествление любого этноса с определенными археологическими памятниками требует рассмотрения всех археологических материалов именно как взаимосвязанного комплекса. Что касается сарматов, то здесь нужно учитывать и данные письменных источников, которые дошли до нас. Попытка выделить то или иное сарматское племя или племенное объединение только на основании какого-то одного археологического признака либо только по письменным источникам – дело, как показало время, безнадежное, даже бессмысленное. Именно в результате комплексного подхода к материалу Б.А. Раеву [Raev, 1986. – Р. 69] и А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1988. – С. 127–128] удалось выделить памятники алан, а В.Б. Виноградову [Виноградов, 1965. – С. 118–119] и И.И. Марченко [Марченко, 1988. – С. 68 и сл.] – сираков.

До последнего времени сарматские памятники Северного Причерноморья не рассматривались под этим углом зрения. Опираясь исключительно на сообщения античных авторов, исследователи считали все раннесарматские памятники этой территории роксоланскими [Смирнов, 1984. – С. 121], несколько теряясь относительно отождествления с тем или иным племенем более поздних памятников. Интересную попытку предпринял лишь Д.А. Мачинский [Мачинский, 1976. – С. 131], который, все же опираясь больше на письменные источники, попытался проследить путь на запад аорсов. Неоднократно затрагивал вопросы связи некоторых сарматских памятников Северного Причерноморья

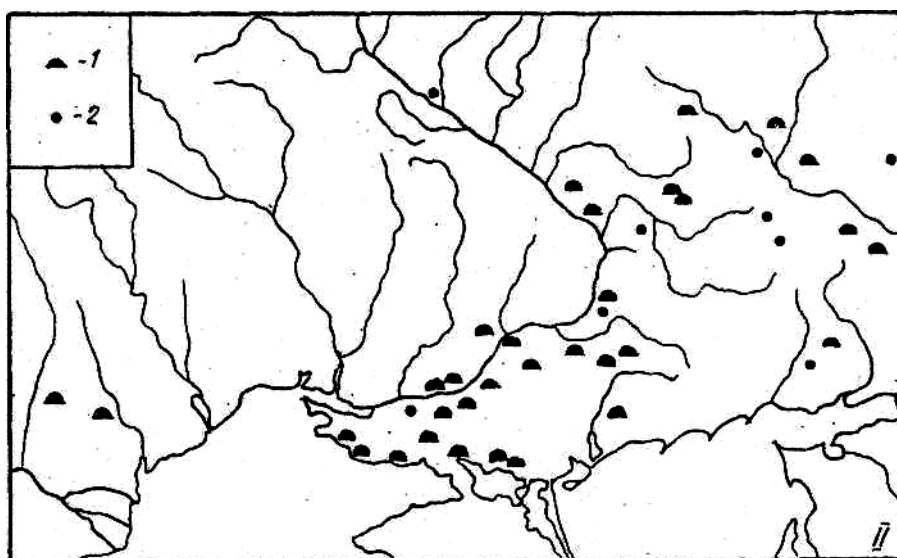
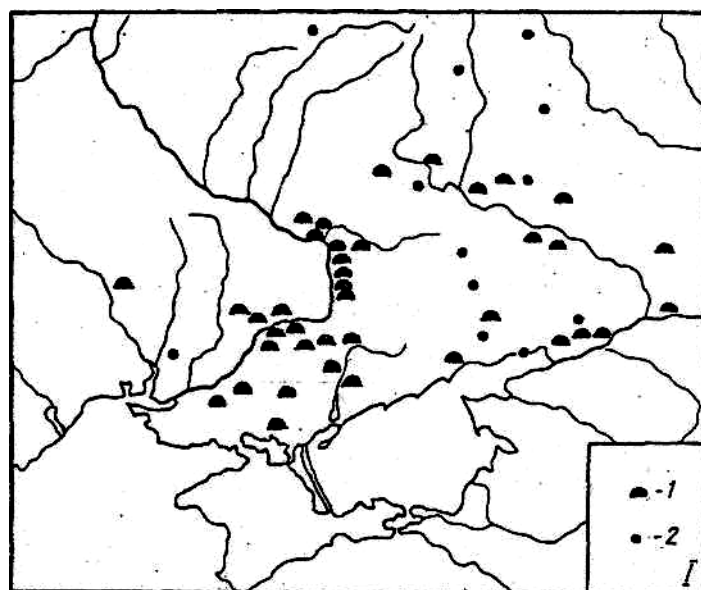

Рис. 27. Раннесарматские памятники Северного Причерноморья:
I – по К. Ф. Смирнову; II – по А.В. Симоненко и С.В. Полину.

с передвижением тех или иных сарматских племен и М.Б. Шукин [Шукин, 1982. – С. 35 и сл.; 1989. – С. 43-44; 1989а. – С. 73 и сл.]. Совсем недавно автором [Симоненко, 1992] на основании анализа археологических памятников и письменных источников было предложено отождествление некоторых сарматских погребений Северного Причерноморья с аорсами.

Возвращаясь к роксоланам, прежде всего хотелось бы остановиться на некоторых взглядах Д.А. Мачинского на эту проблему. В кратком изложении они сводятся к следующему. Исследователь, опираясь на текст Страбона [II, 4,7; VII, 2,4; VII, 4,7], считает, что роксоланы не были сарматами. Основанием для этого, по его мнению, является то, что Страбон ни разу не причисляет их к последним [Мачинский, 1976. – С. 126]. Вновь, как и в предыдущей большой работе, посвященной сарматам [Мачинский, 1971. – С. 30-54], он оперирует исключительно письменными источниками.

Один из важнейших аргументов в пользу своей позиции Д.А. Мачинский видит в следующем пассаже Страбона: "*За Борисфеном же обитают роксоланы, последние из известных скифов ... На юг от них и живущие выше Меотиды савроматы и скифы до восточных скифов*". Исследователь видит (и предлагает увидеть нам) "четкое противопоставление роксоланов одной из групп сарматов-савроматов" [Мачинский, 1976. – С. 126]. На первый взгляд это так. Но далее по тексту Страбона видно, что он использует термин "скифы" для обозначения кочевников вообще – сам Д.А. Мачинский подчеркивает это двумя строчками ниже. Однако, чтобы выйти из противоречия, он допускает, что якобы Страбон таким образом хотел указать на восточное происхождение роксолан или на их союзные отношения со скифами [Мачинский, 1976. – С. 126]. Остроумно, но очень усложнено и малореально. На мой взгляд, из этого пассажа следует только одно – вольное обращение Страбона с терминами (что, кстати, не является ни для кого открытием). Очень сомнительно (это вытекает из всего труда Страбона), что он достаточно близко был знаком с этнографией номадов. Внимательный анализ этого пассажа приводит именно к такой мысли – ведь известно, что во времена Страбона (и даже полутора столетиями раньше) никакие скифы не обитали "выше" (т. е. восточнее или северо-восточнее. – А.С.) Меотиды рядом с савроматами, которых там тоже уже не было. Скорее всего, "скифы" Страбона, к которым он относит и роксолан – это одно из его наименований кочевников. В это время и на этой территории ими были только сарматы.

Сложнее с другим отрывком [VII, 3,17], который привлекает в своей аргументации Д.А. Мачинский. В нем речь идет о нескольких группировках бастарнов, среди которых "*самые северные ... зовутся роксоланами*". Исследователь делает вывод, что это свидетельствует о существовании союза между теми и другими, хотя включение Страбоном кочевников-роксолан в число бастарнов удивляет и его [Мачинский, 1979. – С. 126]. Тут вновь нужно внимательнее отнестись к тексту. Страбон перечисляет группировки бастарнов: "*... некоторые из них (бастарнов. – А.С.) называются атмонами и сидонами, те, которые заняли остров Певку на Истре – певкинами, а самые северные, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, зовутся роксоланами*". Действительно, место сложное для однозначного толкования. Но, коль скоро бастарны никогда и никем не включались в круг ираноязычных народов, а роксоланы (согласно тому же Страбону) – "скифы", нет оснований безоглядно верить приведенному отрывку. Вероятно, тут все же "обмолвка" (Мачинский) Страбона, которую почему-то не хочет замечать Д.А. Мачинский. Не исключена и такая конъектура: "*... а самые северные [племена]*" (т. е. уже не бастарны, перечисление идет дальше – А.С.), *занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, зовутся роксоланами*". Не следует забывать, что мы имеем дело не с оригиналом текста, и подобные этому недоразумения пытаться сопоставлять с имеющейся археологической картиной, а не подгонять ее под текст. Что касается декрета в честь Диофанта, где роксоланы (в декрете "ревксиналы") также не называются сарматами, то он, как и данные Плиния, может свидетельствовать не столько о противопоставлении одних другим, сколько об осведомленности авторов о событиях и их участниках, о детализации данных. Кстати, Плиний и алан не называют сарматами, но мысль об тождественности этих названий ни у кого из исследователей не вызывает сомнения.

Обращаясь к античным источникам, нельзя пропустить четкое и недвусмысленное определение Тацита: "*... роксоланы, народ сарматского племени...*" [Tac. Hist., I,79]. Почему же мы должны меньше доверять профессиональному хронисту Тациту, точность свидетельств которого подтверждалась неоднократно, нежели географу-компилятору Страбону, в труде которого довольно-таки много путаницы? Впрочем, это уже вопрос из разряда риторических.

Кто же такие, по Д.А. Мачинскому, роксоланы? Он рассматривает их как

совсем новое явление на этнокарте Северного Причерноморья, родственное аланам, а через них – массагето-среднеазиатской среде, и отличное от сарматов. В последних исследователь видит языгов и аорсов.

Следует сказать, что Д.А. Мачинский прав в некоторой части своих рассуждений. Да, действительно, роксоланы были совершенно новым явлением в северопонтийских степях, поскольку были первым из сарматских племен, появившимся в бывшей Скифии, а отнюдь не потому, что отличались от каких-то сарматов, которые якобы обитали здесь раньше. Последнее утверждение Д.А. Мачинский выводит из своей гипотезы о проникновении сарматов в Скифию в конце IV в. до н. э. [Мачинский, 1971. – С. 46-54], но она не выглядит состоятельной прежде всего потому, что совершенно не подтверждается археологическим материалом. Да, действительно, аланы своим происхождением связаны с азиатской средой [Раев, 1984. – С. 133 сл.], но связь их с роксоланами – дело спорное. Единственное, что можно сказать – роксоланы тоже связаны с азиатской частью Сарматии, но как часть прохоровской культуры, сформировавшейся именно там.

В свое время К.Ф. Смирнов однозначно негативно отнесся к точке зрения Д.А. Мачинского [Смирнов, 1984. – С. 121]. Присоединяясь к К.Ф. Смирнову, я хотел показать, что письменные источники, которые анализировал Д.А. Мачинский, не являются неопровержимыми свидетельствами несарматской этнической принадлежности роксолан.

Исследованные памятники (гл. I) по всем признакам, несомненно, сарматские. Большинство из них очень компактны по обряду и инвентарю и имеют специфическую черту – ориентацию в северном полуокруге. Синхронные им погребения на огромном пространстве от Дона до Приуралья ориентированы в южном полуокруге, что и составляет отличительный признак прохоровской культуры. Южная ориентация продолжает превалировать за Доном и в средне-сарматское время, лишь в конце I в. н. э. постепенно сменяясь северной (как мы убедились, на исследуемой территории наблюдается обратная ситуация). Выше отмечалась единственная группа памятников, сопоставимая с таврийскими – погребения II-I вв. до н. э. с северной ориентацией в низовьях Дона (рис. 28). Они тождественны и по деталям погребального обряда, и по составу и характеру инвентаря. Без сомнения, это памятники, оставленные одноэтничным, более того, родственным населением.

Не стоит напоминать, что хронологические рамки этих захоронений (II-I вв. до н. э.) – именно то время, к которому относятся данные декрета в честь Диофанта, где упоминаются роксоланы. Естественно предположить, что Палак искал союзников среди ближайших соседей — скорее всего, в степях за Перекопом. Коль скоро известно, что этими союзниками были роксоланы, логично идентифицировать с ними таврийские погребения. Если это так, то гипотетическая пока локализация роксолан Тасия "где-то в присивашских степях" (К.Ф. Смирнов) обретает почву не только в переносном, но и в прямом смысле.

Таким образом, сарматские памятники Таврии II-I вв. до н. э. с ориентацией в северном полуокруге, видимо могут быть связаны с роксоланами. В этом случае очерчиваются границы названного племенного союза. На севере они доходили до Орель-Самарского междуречья (Соколово), на северо-востоке до бассейна Северного Донца (Ставки, Александровск), на востоке уходили в Задонье. Последнее обстоятельство несколько корректирует данные Страбона, помещавшего роксолан "между Борисфеном и Танаисом". Западной границей был Днепр. Трудно сказать, мешали ли сарматам перейти его позднескифские городища. Судя по отсутствию каких-либо следов их осады или штурма, сарматы не пытались этого делать. Кроме того, наличие на правом берегу Днепра, правда, редких погребений этого времени (Львово, Бургунка, Кут) и следов походов сарматов далеко на Правобережье, в земли зарубинецкой культуры [Симоненко, 1981. – С. 68] говорит о том, что сарматы в тече-

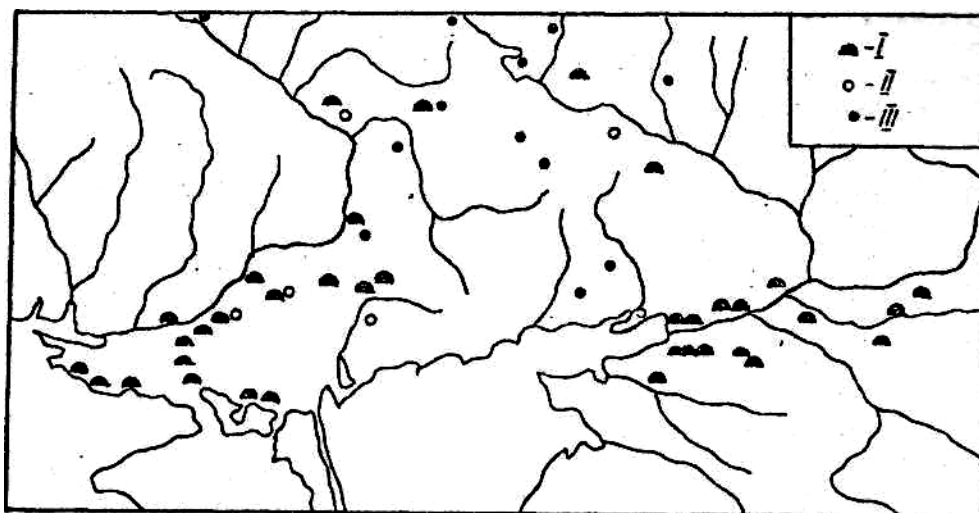

Рис. 28. Погребения II – I вв. до н. э. с северной ориентацией на территории Северного Причерноморья.

ние, по крайней мере, I в. до н. э. имели возможность форсировать Днепр и проникать на Правобережье. Об их дальних (вплоть до Дуная) походах говорят античные источники. По сообщению Диона Кассия, в 16 г. до н. э. Гай Луций отбросил от Дуная сарматов [Дион Кассий. 60,30,3]. Археологическими свидетельствами этих походов могут быть находки фаларов из Галиче, Сёрче/Суркя [Щукин, 1989а. – С. 70] и Твардицы (Молдова)*, а также погребения со средне-латенскими фибулами в Никольском** и Холмском [Гудкова, Фокеев, 1984. – С. 21-24]. Аналогии названным фаларам есть только на одной территории – в Северном Причерноморье. Это известные "клады" из Янчокрака, Балаклеи, Старобельска, Таганрога, Булаховки, ряда пунктов на Кубани.

Помимо погребений с северной ориентацией, на исследуемой территории есть несколько раннесарматских погребений с южной ориентацией, ничем другим от первых не отличающихся. Известны они севернее и восточнее (Фрунзе, Аккермень). Как отмечалось, южная ориентация характерна для синхронных захоронений Азиатской Сарматии. Письменные источники в числе наиболее ранних обитателей северопапонтийских степей кроме роксолан называют языгов [Страбон. VII,7,4]. В первом десятилетии н. э. Овидий, сосланный в Томи, пишет о языгах как обитателях степей к северу от Дуная. Примечательно, что наиболее ранние погребения Северо-Западного Причерноморья (Никольское, Холмское, Беляевка, Островец, Старые Дубоссары), которые некоторые исследователи [Щукин, 1989а. – С. 71; Гросу, 1990. – С. 98] связывают с языгами, ориентированы в южном полуокруге. Очень интересные результаты дают наблюдения за сарматскими памятниками Алфёльда. Они появляются там около 50 г. н. э. [Щукин, 1989а. – С. 77] и бытуют до начала IV в. н. э. Именно в связи с событиями 50 г. (война квадов против гермундуров и лугиев) впервые на территории Паннонии упоминаются языги – Ванний использовал их конницу. Большинство погребений междуречья Дуная и Тисы I-IV вв. н. э. ориентировано в южном полуокруге, северная ориентация единична и отмечена только в поздних погребениях***. В то же время в Северо-Западном Причерноморье, начиная с середины I в. н. э. (время ухода языгов в Паннонию), южная ориентация почти исчезает и доминирует северная. Да и на остальной территории северопапонтийских степей в I в. н. э. устанавливает-

*Сообщение В.С. Бейлекчи.

**Сообщение С.А. Агульникова,

***Данные А. Вадаи и В.Ф. Генинга.

ся господство северной ориентации. Иными словами, не исключена связь южноориентированных погребений Северного Причерноморья с языгами. Относительная изоляция их в Тисо-Дунайском междуречье и редкий приток соплеменников с востока способствовали консервации в среде альфельдских сарматов обычаев предков, в том числе и ориентации погребенных в южном полушарии.

Таким образом, территория Таврии была одной из первых, освоенных сарматами после прихода их во II в. до н. э. на земли бывшей Скифии. Концентрация погребений в степях севернее Перекопа очерчивает ареал раннесарматских племен – роксолан и языгов. Отсутствие в Крыму погребений этого времени говорит о том, что по каким-то причинам сарматы не занимали земли южнее Перекопа. Скорее всего, позднескифское объединение, достигшее во II-I вв. до н. э. пика своего развития, контролировало крымские степи, не давая возможности сарматам проникать туда. Союз Тасия и Палака говорит о том, что между этими племенами должны были существовать мирные отношения, исключавшие насильственный захват чужих земель. Вряд ли у сарматов была серьезная вражда и с нижнеднепровскими поздними скифами. Отсутствие на их городищах явных следов разрушений и данные о походах сарматов за Днепр говорят либо о союзе их со скифами, либо о политическом подчинении последних сарматам.

СРЕДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

I в. н. э. – время расцвета сарматской культуры на всей территории ее распространения. В Поволжье, на Дону, в Причерноморье и на Кубани возникают обширные курганные могильники, свидетельствующие о демографическом подъеме и высоком уровне социально-экономического развития сарматских племен. К этому времени относятся не только многочисленные рядовые захоронения, но и большинство погребений знати, совершенные по особому обряду, содержащие высокохудожественные изделия античных и восточных мастеров, что, таким образом, отражает резкую социально-имущественную дифференциацию сарматского общества.

Такой подъем сарматской культуры был обусловлен и внешними факторами. К ним относится, прежде всего, новая волна миграции из-за Волги мощного союза племен, сформировавшегося, судя по некоторым признакам, в районах Средней Азии. Новые пришельцы, связываемые с аланами, принесли в сарматскую среду ряд инноваций, которые дают возможность фиксировать эту волну (квадратные ямы, обычай положения заупокойных даров на древнем горизонте, "бирюзово-золотой" звериный стиль, китайские зеркала, доспехи среднеазиатских и парфянских типов, длинные мечи с нефритовыми скобами на ножнах, бронзовые котлы, зеркала VIII типа, по А.М. Хазанову и др.). Другим внешним фактором был новый экономический подъем античных государств Причерноморья, связанный с активизацией в регионе Римской империи. Это, в свою очередь, явилось следствием общих экспансионистских тенденций Рима на восточных границах. Таким образом, расцвет в I в. н. э. сарматской культуры был одним из звеньев общей политической и экономической подвижки в обширном циркумпонтийском регионе.

Такая ситуация нашла отражение и на исследуемой территории. Погребения I – начала II в. н. э. наиболее многочисленны (87). Появляются ранее практически неизвестные здесь* погребения знати (Давыдов Брод, Ногайчинский курган), свидетельствующие об окончательном "обретении родины" сарматами и формировании в таврических степях какого-то племенного домена. Количественное увеличение погребений, безусловно, связано с притоком

---

*За исключением единичной находки у с. Солонцы (см. гл. 1, № 17).

нового населения, а восточные элементы в некоторых памятниках (Первоконстантиновка-86, 1/2; 1/5; Давыдов Брод; Ногайчинский курган) отмечают переселение сюда с востока их носителей.

Вместе с тем в развитии сарматской культуры Таврии этого периода наблюдается некоторое своеобразие. Прежде всего, оно проявляется в сохранении культурных традиций предшествующего времени. По-прежнему все погребения впущены в более ранние курганы, сохраняются даже такие детали ритуала, как тенденция к захоронению в центре насыпи и в северной поле ближе к центру. Достаточно отчетливо в этом плане изучаемая территория противопоставляется соседним регионам (Приазовье, Орель-Самарское междуречье, район порогов на Правобережье), где возникают крупные компактные могильники с основными погребениями – Молочанский, Подгороднянский, Усть-Каменский. По своей структуре и набору признаков последние удивительно близки, с одной стороны, между собою, а, с другой – одновременным и однотипным могильникам междуречья Дона и Волги и Заволжья. Без сомнения, названные территории были исходными пунктами для продвижения носителей этой традиции в Причерноморье. В этих могильниках одним из ведущих типов погребального сооружения является квадратная яма с положением погребенного по диагонали, превалирует ориентация в южном полукруге. Ничего подобного мы не наблюдаем в достаточно полно исследованной Таврии. Создается впечатление, что население, оставившее могильники (Д.А. Мачинский связывает его с аорсами) [Мачинский, 1976. – С. 131], обошло Таврию с северо-востока. Если принять предложенную выше идею о связи обитавшего здесь населения с роксоланами, то, судя по всему, в I в. н. э. они удерживали за собой прежнюю территорию.

Многу сделана попытка выделить из общего массива памятников I – первой половины II в. н. э. погребения первой половины I в. (то, что это именно попытка, обусловлено ограниченными возможностями датирующего материала). В такую группу вошли девять погребений (Волчанск, 7/1; Новогригорьевка, 1/17, Водославка, Подовое, Сергеевка, 4/1, Балтазаровка, Черноморское, 1/7, Вольная Дружина, Чкалово, 1/2). Основанием для сужения датировки послужила взаимовстречаемость проволочных подвязных фибул 1 варианта 1 серии (по А.К. Амброзу) с некоторыми типами бус. Прежде всего, А.К. Амброз предполагает первую половину I в. н. э. как время бытования этих фибул [Амброз, 1966. – С. 48]. В Поволжье, правда, по мнению А.С. Скрипкина, они бытуют на протяжении всего столетия [Скрипкин, 1977. – С. 105]. Не исключено, что в столь отдаленных от центров производства районах использование вышедших из моды фибул продолжалось. В погребениях Таврии такая фибула встречена в Сергеевке с бусами II-I вв. до н. э. типов 163, 19, 5 [Алексеева, 1978. – С. 32, 72]. Учитывая дату А.К. Амброза для фибул 1 варианта 1 серии и дату Е.М. Алексеевой, в один комплекс они могли попасть не позднее рубежа – первой половины I в. н. э. В остальных таврийских погребениях с такими фибулами, к сожалению, не встречен материал, который позволил бы сузить их дату, поэтому они выделены условно, только на основании даты А.К. Амброза для фибул (Новогригорьевка, 1/17; Водославка, Балтазаровка, Черноморское, 1/7, Вольная Дружина). Возможно, к первой половине I в. н. э. относятся погребения в Чкалово (1/2) и Подовом. В них найдены красноглиняные сосуды, расписанные белой краской. Этот декоративный прием, зародившийся в эллинизме, использовался до середины I в. н. э. [Шелов, 1972. – С. 131]. В некрополе Золотое такая керамика встречена только в комплексах I в. до н. э. [Корпусова, 1983. – С. 23]. В Подовом, кроме того, найдена фибула типа 5 подгруппы 2 (в целом I в. н. э.), а в наборе бус с широкой датой (римское время) есть бусины типов 354 и 357, известные экземпляры которых датируются II-I вв. до н. э. [Алексеева, 1978. – С. 54]. Наличие в низке из Волчанска (7/1) вместе с бусинами I в. н. э.

экземпляров II-I вв. до н. э. также не исключает для него дату первая половина I в. н. э.

Все названные памятники по всем своим признакам практически не отличаются от могил предшествующего времени. Они совершены в прямоугольных или подпрямоугольных ямах (лишь в Балтазаровке – в яме с подбоем), ориентированы в северном полуокруге (4 – СВ, 2 – СЗ, 3 – С), часть из них сопровождалась напутственной пищей. Столь малая выборка, обусловленная невозможностью сузить дату погребений I в. н. э., тем не менее демонстрирует продолжение обрядовых норм раннесарматского времени (впрочем, они фиксируются во всем остальном массиве погребений этой хронологической группы, исключая погребения с южной ориентацией). Здесь нелишнее вспомнить предложенное в дискуссионном порядке изменение традиционной периодизации сарматской культуры [Симоненко, 1989а. – С. 119]. Оно сводилось к тому, что по всем основным параметрам раннесарматский этап, верхняя дата которого уже отодвинута до рубежа н. э., следует продлить до середины I в. н. э. Иными словами, судя по археологическим памятникам, смена населения и, соответственно, культурных проявлений произошла во второй половине I в. н. э. с приходом в Европейскую Сарматия восточных племен. Для Прикубанья это положение подтверждается исследованиями А.М. Ждановского, объединившего памятники конца III в. до н. э. – середины I в. н. э. в одну культурную группу.

Как мы убедились, в Таврии наблюдается та же картина. Определенные инновации – в основном они проявляются в появлении вещей восточного облика – наблюдаются лишь со второй половины I в. н. э., что согласуется с гипотезой о приходе в это время новой волны кочевников с востока [Щукин, 1982. – С. 35 сл.]. Однако в большинстве своем те погребения Таврии, которые могут быть датированы второй половиной – концом I в. н. э., также почти не отличаются от предшествующих. По-прежнему они впускные, в основном в подпрямоугольных ямах, умершие уложены, как правило, головой на С-СВ-СЗ, набор инвентаря стандартный (античная и лепная посуда, зеркала VI типа по А.Х. Хазанову, бусы римского времени, общесарматские типы оружия, раннеримские фибулы). Лишь в таких ярких памятниках, как Ногайчинский курган и Давыдов Брод, заметны восточные черты, и два погребения с южной ориентацией у Первоконстантиновки содержат типичную волго-донскую серолощеную посуду.

Все эти наблюдения позволяют предполагать относительно самостоятельное развитие культуры сарматов Таврии (роксолан?) в I в. н. э., мало затронутое влиянием пришельцев с востока во второй половине столетия. Разумеется, ни о какой изоляции не может быть и речи – определенную инфильтрацию в среду сарматов Таврии части восточного населения как раз и подтверждают названные памятники. Однако, судя по материалам сопредельных территорий, основная масса аорсов (если приход в Северное Причерноморье новой орды с Востока связывать с ними) [Симоненко, 1989. – С. 77-78] прошла севернее Таврии и обитала в Приазовье и Северо-Западном Причерноморье. Подтверждает преемственность культурных традиций таврийских сарматов и такая важная черта обряда, как ориентация. По-прежнему большинство погребений (76,2%) ориентированы в северном полуокруге. Для сравнения: в Орель-Самарском междуречье ориентация погребенных в северном и южном полуокруге в это время практически в равной пропорции [Костенко, 1986. – С. 62], в Молочанском могильнике незначительно преобладает южная ориентация [Вязьмитина, 1954. – С. 231], в Заволжье на рубеже I-II вв. оба сектора представлены поровну, а в междуречье Дона и Волги все еще доминирует (95%) южная ориентация [Скрипкин, 1984. – С. 128].

В истории сарматов, населявших Таврию в I-II вв. н. э., существует еще один немаловажный аспект – взаимоотношения с позднескифским населением Нижнего Днепра и Крыма. В свое время я выделил два этапа перехода

сарматов на правый берег Днепра [Симоненко, 1981. – С. 67], подчеркнув, что массовое переселение сарматских племен приходится на рубеж – начало I в. н. э. Действительно, судя по материалам Калантаевского и Усть-Каменского могильников, наиболее ранние погребения в них совершены в первой четверти I в. н. э. [Щукин, 1979. – С. 69; Костенко, 1989. – С. 93]. Первой половиной I в. н. э. датируется богатое погребение в Соколовой Могиле [Ковпаненко, 1986. – С. 127]. В этом движении на запад сарматы не могли миновать нижнеднепровских городищ. О характере взаимоотношений их обитателей с сарматами высказано немало гипотез. Сложность установления истины обусловлена прежде всего малой степенью исследованности памятников. Достаточно полно исследованы лишь Знаменское, Гавриловское и Золотобалковское городища, из могильников – Золотобалковский, Красный Маяк, Николаевка. Считается установленным, что жизнь на большинстве городищ Нижнего Днепра прекращается в начале II в. н. э. [Щукин, 1979. – С. 73]. Тогда же прекращают свое функционирование и большинство могильников, лишь на Николаевском и Красномаяцком погребения совершаются вплоть до III в. н. э. включительно.

Выше высказывалось предположение, что правобережные нижнеднепровские городища не подверглись разрушению на рубеже н. э. при массовом переселении сарматов за Днепр. На левом берегу в это время гибнет только Знаменское городище, а Золотобалковское (находящееся практически напротив) обносится каменными оборонительными стенами. Полностью реконструировать исторические реалии скифо-сарматских взаимоотношений мы сможем, лишь имея результаты исследования всех позднескифских городищ. М.И. Вязьмитина на материалах Золотобалковского могильника, который функционировал с конца I в. до н. э. до первой половины II в. н. э. пришла к выводу о наличии ощутимого сарматского элемента в среде обитателей городища, оставивших могильник. С сарматами она связывает подбойные могилы, составлявшие незначительное количество (5) и являющиеся наиболее поздними [Вязьмитина, 1972. – С. 162]. Однако в некоторых женских погребениях I в. н. э., совершенных в катакомбах, она отмечает сарматские, по ее мнению, признаки: мезокранные черепа, скрещенные ноги, положение кистей на таз (отметим, что эти признаки наблюдались и в подбоях). Исследователь делает вывод о том, что носителями сарматского этнического элемента в Золотой Валке были женщины ("жены со стороны"). Если этот вывод верен (мне он, по крайней мере, таким кажется), то мы имеем еще одно подтверждение относительно мирных взаимоотношений сарматов и нижнеднепровских (хотя бы "золотобалковских") скифов в I в. н. э.

Не менее (если не более) сложна проблема взаимоотношений сарматов и поздних скифов Крыма. Взгляды ряда исследователей этой проблемы (П.Н. Шульца, Д.С. Раевского, Т.Н. Высотской) применительно к материалам Неаполя недавно проанализировал А.Е. Пуздровский [Пуздровский, 1989. – С. 30-31], предложивший и свое решение вопроса. В целом они сводятся к следующему. По их мнению, первый этап проникновения сарматов в Неаполь датируется II-I вв. до н. э. и связан с пребыванием там роксоланского контингента в составе армии Палака. Основными археологическими аргументами такой точки зрения служат южная ориентация некоторых погребенных, обычай заворачивать покойных в кошму, а также наличие в могилах "сарматских" вещей – зеркал VI типа (по А.М. Хазанову) и восьмерковидных пряжек [Раевский, 1971. – С. 148-149]. При этом, опираясь на факт роксоланского военного присутствия, утверждается, что "сарматы проникли сюда с севера – из Подонья и украинских степей, так как в Прикубанье в это время южная ориентация неизвестна" [Раевский, 1971. – С. 149]. Почти тождественна этим взглядам и точка зрения А.Е. Пуздровского. Правда, он расширяет рамки первого этапа проникновения сарматов в Неаполь до первой половины I в. н. э. и более осторожно говорит о путях их проникновения, в целом "связанных с продвиже-

нием на запад прохоровских племен во II-I вв. до н. э." [Пуздровский, 1989. – С. 35]. В качестве археологических доказательств исследователь приводит погребение мавзолея в ящике XXIV (мужчина головой на Ю, в сопровождении меча с кольцевым навершием, бронзового втульчатого наконечника стрелы и бронзовой 8-видной пряжки с маской актера), несомненно, I в. до н. э. и "сарматские" черты ряда погребений мавзолея и восточного некрополя I в. н. э. (меридиональная, в основном южная, ориентация, скрещенные ноги, украшение одежды бисером).

Насколько же согласуются все виды источников, на основании которых делаются выводы о первом этапе проникновения сарматов в Неаполь? Прежде всего, далеко не бесспорна взаимосвязь между участием роксолан в Диофантовых войнах и этим процессом. Страбон сообщает о 50 тыс. всадников Тасия, участвовавших в боевых действиях. Оставляя в стороне его явно завышенную цифру, будем говорить лишь о факте. Речь идет о воинском контингенте, пришедшем на помощь скифам, разбитом в кампании 112/111 г. до н. э. и ушедшем обратно – во всяком случае, позднее ни один источник не упоминает о присутствии роксолан в Неаполе. Кроме того, что еще остается делать неудачливым союзникам, если взята даже столица "приглашавшей стороны"? С точки зрения логики, продолжение союза с бежавшим из собственной столицы [Виноградов, 1987. – С. 75] Палаком, а тем более пребывание в ней, взятой Диофантом, представляется маловероятным. Обратимся теперь к археологической аргументации гипотезы. Прежде всего, южная ориентация действительно характерная в это время для прохоровских погребений Дона и Волги, практически (как мы убедились) отсутствует в Таврии, откуда и проникали в Неаполь, по мнению Д.С. Раевского и остальных исследователей, роксоланы. Далее. В северо-крымских степях неизвестно ни одного сарматского погребения II-I вв. до н. э., что было бы обязательным при условии обитания роксолан в это время в Крыму (не кочевали же они в пределах городских стен!). Поскольку исследователи говорят об ощутимой волне сарматизации Неаполя в это время, мы вправе предполагать наличие в составе этнических скифов представительной группы сарматов (если речь не идет о нескольких воинах), а это, в свою очередь, предполагает наличие соответствующих памятников. Их нет.

Что касается зеркал VI типа, то еще никто не считал их чисто сарматскими. Подобные зеркала достаточно хорошо представлены в античных городах, где, без сомнения, и изготавливались. 8-видные пряжки действительно сарматского происхождения [Мошкова, 1960. – С. 293-307], но они отсутствуют и в памятниках Таврии, и в (наиболее близкой таврийской) группе североориентированных погребений Нижнего Дона. Однако в это время такие пряжки уже носили, и изготавливались они в античных центрах [Максимова, 1979. – С. 77], что отмечает и А.Е. Пуздровский. Более того, пряжки с масками актеров, по справедливому замечанию М.И. Максимовой, могли быть изготовлены только там (т.е., на Боспоре). Иными словами, вещи таких категорий, распространенные в сарматской среде, не обязательно являются доказательством этнического присутствия сарматов на той или иной несарматской территории. Резюмируя, я не могу признать удачной точку зрения о сколько-нибудь долговременном пребывании сарматов в Неаполе (и вообще в Крыму) до рубежа н. э.

Взгляды Д.С. Раевского и П.Н. Шульца на второй этап проникновения сарматов в Неаполь практически совпадают: вторая треть I в. – первая половина III в. н. э. (Д.С. Раевский), I – II вв. н. э. (П.Н. Шульц). Единодушны они и в определении исторической канвы этого процесса – победы боспорских царей над скифами и приток в Неаполь прикубанских либо "эллинизированных боспорских" (Д.С. Раевский) сарматов. Оставляя открытым вопрос о наличии и природе последних (памятники которых неизвестны), отметим, что те сарматские элементы, на которые опираются в своей аргументации исследова-

тели, в это время существуют. Несколько иного мнения придерживается А.Е. Пуздровский. Он датирует второй этап сарматизации Неаполя второй половиной I – началом II в. н. э. Этот отрезок времени совпадает с новой миграцией сарматов с востока, отмеченной археологическими памятниками (см. выше). Теперь сарматские погребения появляются в степной части Крыма, в непосредственном соседстве с Неаполем, и среди них – блестящее захоронение в Ногайчинском кургане, датирующееся именно этим временем. К сожалению, А.Е. Пуздровский, скрупулезно проанализировав сарматские черты в неапольских могилах предложенной хронологической группы, не обратил внимания на совпадение ее с периодом возрастания активности сарматов в причерноморских степях. Тем не менее, его точка зрения, очевидно, наиболее близка к истине.

Пожалуй, почти полное единодушие наблюдается в определении хронологической позиции третьего этапа сарматизации Неаполя: рубеж II-III вв. н. э. (П.Н. Шульц), III в. н. э. (Д.С. Раевский), конец II – начало III в. н. э. (А.Е. Пуздровский). Все исследователи связывают ее с переселением алан (Д.С. Раевский видит их присутствие в составе готских войск) [Раевский, 1971. – С. 151]. В заключение нелишне привести данные Э.А. Сымоновича по антропологическому материалу Неаполя. Согласно им, незначительная примесь сарматских элементов присуща лишь погребениям восточного некрополя. Основная масса черепов морфологически близка скифам V-IV вв. до н. э. ("классическим") и поздним скифам Нижнего Днепра [Сымонович, 1983. – С. 119].

Судя по исследованиям Т.Н. Высотской [Высотская, 1972. – С. 184], В.М. Зубаря и О.Я. Савели [Зубар, Савеля, 1989. – С. 81-82], в I в. н. э. сарматы проникают и в Юго-Западный Крым. В.М. Зубарь и О.Я. Савеля убеждены в том, что сарматы в это время "жили на одних городищах и хоронили своих умерших в одних могилах с поздними скифами". По их мнению, экспедиция Плавтия Сильвана (между 63 и 66 гг. н. э.) была вызвана прежде всего возросшим давлением скифо-сарматов на Херсонес [Зубар, Савеля, 1989. – С. 82].

Таким образом, в I – первой половине II в. н. э. на территории Таврии основная масса сарматов являлась потомками и соплеменниками населения предшествующего времени (роксолан). На рубеже н. э. и в первые десятилетия I в. происходит массовое переселение сарматов на Правобережье. Наибольшее сходство с памятниками Таврии обнаруживают погребения южной части степей между Днестром и Днестром (Николаевская и Одесская области), что позволяет наметить ареал расселения роксолан в I – первой половине II в. н. э. Более северные (Орель-Самарское междуречье, бассейн Базавлука, Среднее Поднепровье) памятники, во-первых, появляются не ранее второй половины I в. н. э., во-вторых, имеют ощутимую восточную окраску, что позволяет связать их появление с перекочевкой большой орды предположительно из Волго-Донского междуречья. К этой группе относятся и некоторые погребения Таврии. Тем не менее, общее отличие таврийских памятников от соседних говорит о том, что носители восточных культурных черт (аорсы?) в своем движении обошли территорию расселения сарматов таврических степей (роксолан). Безусловно, те и другие контактировали между собой, но локализация памятников с определенными чертами как-будто намечает границы обитания этих двух племенных массивов.

Обитавшие в I – первой половине II в. н. э. на территории Таврии сарматы, скорее всего, находились в мирных отношениях с позднескифским населением нижнеднепровских городищ и Крыма. Об этом свидетельствуют следы взаимопроникновения обеих культур (скифские формы керамики, отсутствие следов насильственных акций на городищах, данные антропологии).

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

Во второй половине II – III в. н. э. на исследуемой территории, как и во всем Северном Причерноморье, происходят серьезные этно-политические изменения. Судя по данным погребального обряда, в позднесарматское время здесь появляется новое население, принесшее с собой обычай хоронить в яме с подбоем. Этот тип погребального сооружения, ранее бытовавший sporadически, в позднесарматский период количественно преобладает. Характерно, что подбойные могилы во второй половине II в. н. э. становятся ведущим типом погребального сооружения от Дона до Дуная. Без сомнения, такая ситуация отражает этническое доминирование носителей этого обряда. Подбойные могилы являются основным типом погребального сооружения позднесарматской культуры Нижнего Поволжья [Скрипкин, 1984. – С. 61], откуда они распространились на запад с передвижением ее носителей. Время появления этого типа могил как массового признака совпадает с началом второго этапа развития позднесарматской культуры, характеризующегося интенсивным распространением его ведущих черт западнее Волги [Скрипкин, 1984. – С. 101]. В короткое время позднесарматские племена достигли низовий Дуная [Дзиговский, 1987. – С. 7]. Не исключено, что именно с этой волной связана гибель правобережных позднескифских городищ – исследователи колеблются в определении точной даты этого события – от начала II в. н. э. [Щукин, 1979. – С. 73] до II в. н. э. в целом [Вязьмитина, 1962. – С. 227].

В Таврии позднесарматских погребений немного. Уменьшается их количество и севернее, в Орель-Самарском междуречье [Костенко, 1986. – С. 62], почти неизвестны погребения этого времени между Днестром и Днестром. Однако они хорошо представлены на двух противоположных концах Европейской Сарматии – в междуречье Днестра и Прута и на Нижнем Дону. Создается впечатление некоторого запустения центральной части степей Северного Причерноморья и концентрации позднесарматского населения в указанных регионах. Непрерывное развитие позднесарматской культуры в Волго-Донском междуречье и в Нижнем Подонье позволяет предположить, что во второй половине II в. н. э. оттуда откочевала какая-то часть населения, относительно быстро прошедшая причерноморские степи и осевшая в Северо-Западном Причерноморье, на границе Римской империи. Впрочем, для окончательных выводов у нас пока еще мало данных.

Судя по некоторым погребениям этой хронологической группы, сохраняющим обрядовые нормы предшествующих, наряду с новыми пришельцами в Тгшрии продолжали обитать и потомки ранне- и среднесарматского населения.

Интересное явление встречено в Брилевском могильнике. Это круглые подкурганные рвы, совершенно неизвестные ранее ни в Таврии, ни на ближайших территориях (единственный случай – круглый ров у с. Вербки в Орель-Самарском междуречье). [Костенко, 1986. – С. 56]. По данным А.С. Скрипкина, подкурганные рвы отсутствуют и в Нижнем Поволжье [Скрипкин, 1984. – С. 60], откуда было бы логично ждать их распространения. Эти обрядовые сооружения известны, однако, на Нижнем Дону и в Северо-Западном Причерноморье, т.е., в районах концентрации поздних погребений Европейской Сарматии. Вопросы, связанные с их хронологией, топографией и происхождением столь интересны, что на них стоит остановиться подробнее.

По типологическим характеристикам рвы на сарматских могильниках Северного Причерноморья делятся на пять групп.

1. Квадратные с перемычкой в одной из сторон (могильники Петрешты, Новые Бебражи, Старые Куконешты в Молдове, Холмское, Алияга, Нагорное, Васильевка в низовьях Дуная). Эти сооружения расположены несколькими рядами или в шахматном порядке на грунтовых могильниках. Ориентированы углами или сторонами по сторонам света. Перемычки всегда в южной

или юго-восточной части. Погребений во внутреннем пространстве нет. В большинстве могильников устойчивая связь погребений с этими сооружениями не прослеживается, лишь в Новых Бедражах у западных стенок или юго-западных углов каждого рва с внешней стороны было совершено по одному погребению, явно связанному со рвом.

2. Прямоугольные рвы без перемычек и погребений во внутреннем пространстве (курган у с. Каланчак, могильник Курчи на Нижнем Дунае). Эти рвы расположены рядом с курганными могильниками. Ориентированы углами и стенками по сторонам света. Связь с определенными погребениями не прослежена.

3. Прямоугольные рвы с погребением в центре внутреннего пространства (могильники Дзинилор, Нагорное, Холмское, Каланчак на Нижнем Дунае). Расположены на грунтовых могильниках, лишь в одном случае ров был перекрыт курганной насыпью (Нагорное). Ориентация неустойчивая: по сторонам света, СВ-ЮЗ. У рва в Нагорном перемычка в южной стороне.

4. Трапезиевидные рвы с погребением во внутреннем пространстве (курган на р. Дракуля в низовьях Дуная и у с. Корпач в Молдове). Подкурганные, ориентированы по оси С-Ю. Внутреннее пространство занято рассыпанным по нему и утрамбованным выкидом из рва. Перемычки в северной (Корпач) и северной и южной (Дракуля) сторонах.

5. Круглые рвы (могильники Петрешты в Молдове, Курчи, Кубей в низовьях Дуная, Брилевский в Таврии, курган у с. Вербки в Орель-Самарском междуречье). Исследованы как на грунтовых (Петрешты), так и на курганных могильниках. Всегда содержат погребения в центре внутреннего пространства. В Петрештах рвы имеют перемычку в юго-западном секторе.

Как видно, намечаются некоторые общие тенденции в морфологии этих сооружений. Так, квадратные рвы встречаются только на грунтовых могильниках и не связаны с конкретными погребениями (кроме Новых Бедражей). Прямоугольные рвы зафиксированы и на грунтовых (преимущественно), и на курганных могильниках, иногда содержат погребение во внутреннем пространстве. Трапезиевидные рвы всегда с погребениями и подкурганные. То же самое можно сказать о круглых рвах – лишь в Петрештах они зафиксированы на грунтовом могильнике.

Все памятники практически синхронны и датируются второй половиной II – первой половиной III в. н.э. [Дергачев, 1982. – С. 134; Гудкова, Фокеев, 1984. – С. 91; Гросу, 1979. – С. 254; Курчатова, 1989. – С. 74]. Лишь в Новых Бедражах в одном из погребений найдена сильнопрофилированная причерноморская фибула, которая позволила авторам раскопок отнести могильник ко второй половине I – II в. н. э. [Яровой, Чирков, 1989. – С. 183]*. Курганы с округлыми рвами из могильников Курчи и Кубей более поздние, и относятся ко второй половине III – началу IV в. н. э. [Фокеев, 1989. – С. 88].

Помимо перечисленных, сарматские курганные и грунтовые погребения со рвами известны на территории Алфёльда, где встречены круглые и квадратные рвы с погребением в центре внутреннего пространства (т.е., близкие днестро-дунайским) и на Нижнем Дону. В этом регионе картина сложнее. Здесь исследованы квадратные, прямоугольные и круглые рвы. В большинстве случаев в центре внутреннего пространства находилось погребение. Примечательно, что рвы известных типов связаны с курганами, хотя форма рва относительно курганной насыпи в некоторых случаях самостоятельна [Безуглов, Захаров, 1988. – С. 13]. Некоторые курганы с квадратными рвами и перемычкой в их южной части не содержат погребений, как аналогичные рвы в западной группе. Усма-

---

*При детальном исследовании выяснилось, что эта фибула относится к III варианту причерноморской серии, датирующемуся II – первой половиной III в. н. э. [Амброз, 1966. – С. 41]. А.Ю. Чирков и С.И. Курчатова относят Ново-Бедражский могильник к этому времени.

ривая определенную близость донских и западных сооружений, С.И. Безуглов и А.В. Захаров считают одной из специфических черт донских памятников широкое распространение здесь круглых подкурганных рвов [Безуглов, Захаров, 1983. – С. 16]. И еще одно существенное отличие их от западных состоит в том, что донские конструкции в массе своей более поздние, и относятся к середине III – IV в. н. э. Из почти 30 позднесарматских рвов лишь один датируется II – первой половиной III в. н. э., т. е. синхронен основной массе днестро-дунайских сооружений [Безуглов, Захаров, 1983. – С. 16].

Появление таких специфических для сарматов конструкций вызвало попытки исследователей определить генезис этого обряда. Традиционно направлением поиска стали восточные районы, откуда сарматы и двигались на запад. При этом основной идеей поиска была совершенно верная мысль о том, что всевозможные конструкции этой категории (рвы, оградки, валы) на широком пространстве евразийских степей отражают какие-то общие стороны идеологии степных народов [Безуглов, Захаров, 1988. – С. 17]. В этом контексте усматривалась связь квадратных сарматских рвов с прямоугольными поминальными сооружениями Чаш-Тепе и Тагискена [Гудкова, Фокеев, 1984. – С. 91-92], курганами эпохи поздней бронзы Западной Сибири [Безуглов, Захаров, 1988. – С. 17]. Однако большой культурно-хронологический разрыв между этими памятниками может быть заполнен лишь идеей об общеевропейской идеологической основе этого обряда. В.А. Дергачев, а вслед за ним и я прослеживали корни этого обряда в кельтских памятниках [Дергачев, 1982. – С. 122-124; Симоненко, 1990а. – С. 212-213].

Только в двух пунктах Азиатской Сарматии были обнаружены практически аналогичные сооружения. Во II Чертовицком и Писаревском могильниках на р. Воронеж рядом с курганами I в. н. э. исследованы шесть (пять на II Чертовицком и одно на Писаревском) сооружений, вытянутых цепочкой с С на Ю вдоль восточного края могильника. Они представляли собой квадратные в плане западины глубиной 0,5-1 м, образованные выборкой грунта до материка. На уровне материка был выкопан квадратный ров, ориентированный углами по странам света с перемычкой в южной части. Минимальные размеры западин (следовательно, и рвов) 8 x 8, максимальные 12 x 12 м. В заполнении рва встречены угли и фрагменты керамики.

Налицо полное (вплоть до размеров) совпадение причерноморских и воронежских сооружений. Не исключено, что первые также представляли собой углубленные до материка котлованы, впоследствии сnivelированные вспашкой (воронежские сооружения не распахивались и сохранились в нетронutom виде). Более того, сооружения Чертовицкого и Писаревского могильников, датирующиеся I в. н. э., как нельзя лучше подходят в качестве предшественников причерноморских.

Исследовавший эти сооружения А.П. Медведев считает их остатками культовых (поминальных) построек или оградок, функционально связанных с длинными курганами могильника [Медведев, 1990. – С. 71, 95-96]. В качестве аналогии он приводит оградки Лебедевского могильника [Мошкова, 1984. – С. 196.]. Но, во-первых, они более поздние, чем чертовицкие, а, во-вторых, представляют собой кольцевые валы. Т.о., близость этих сооружений скорее функциональная, нежели типологическая. Вторая аналогия, которую приводит А.П. Медведев – это причерноморские рвы, о которых идет речь, т.е., опять-таки, более позднее явление. Излишне говорить, что вопрос происхождения чертовицких сооружений остался открытым.

Тем не менее, их наличие и датировка являются весьма весомыми аргументами в пользу сарматской природы этой обрядовой нормы. Не исключено, что именно переселенцы со Среднего Дона принесли ее в Северо-Западное Причерноморье. К такому (возможно, несколько прямолинейному) выводу приводит отсутствие подобных сооружений на других сарматских территориях.

Наконец, еще один момент, проливающий свет на некоторые вопросы

позднесарматской истории. Имеется в виду запаздывание появления квадратных и прямоугольных рвов в Подонье (хотя, исходя из общих представлений о распространении сарматской культуры с востока на запад, логичнее было бы ожидать обратного). Это запаздывание объясняется, на мой взгляд, тем, что идея квадратного или прямоугольного рва была принесена в Подонье с запада какой-то частью сарматов, откочевавших сюда в первой половине – середине III в. н. э. У сарматов Подонья этот обряд дополнился чисто сарматским элементом – во внутреннем пространстве появилось погребение (впрочем, по данным С.И. Безуглова и А.В. Захарова, иногда он исполнялся в "чистом" виде). Очевидно, можно связать это движение с готскими походами 40-х гг. III в. н. э. В составе готских войск, вероятно, находилась и какая-то сарматская орда из районов Приднестровья – Подунавья⁵, в обрядовые нормы населения которой входило сооружение квадратных либо прямоугольных рвов. После образования в Северном Причерноморье державы Эрманариха позднесарматский мир оказался расколотым на две части – Подонье-Поволжье и Северо-Западное Причерноморье. Характерно, что в степях центральной части Северного Причерноморья сарматские погребения второй половины III – начала IV в. н. э. встречаются очень редко и расположены за пределами ареала черняховской культуры (Балки, Богодар, Нещеретово, Новые Санжары). "Накладываются" они лишь в Нижнем Подунавье. Такая топография подтверждает, на мой взгляд, отождествление черняховской культуры с державой Эрманариха [Щукин, 1987. – С. 111-112]. Малочисленность в Таврии погребений этого периода не выходит из контекста общей историко-культурной ситуации.

Возвращаясь к Брилёвскому мигильнику, следует отметить некоторые его черты, сообщающие памятнику определенную западную "окраску". Помимо рвов и конструкции могил, которые находят близкие соответствия в могильниках этого времени на Нижнем Дунае (например, Васильевском) [Субботин, Дзиговский, 1990. – Ч. 3. – Рис. 6,22; 7,15; 10,2, 8; 12,1; 13,1], это лепные горшки с воронковидным горлом, украшенные налечами. Такая керамика не характерна для восточносарматских памятников, но обычна в Днестро-Дунайском междуречье [Субботин, Дзиговский, 1990. – Ч. 1. – Рис. 3,4; 6,2; 9,4; 13,7; Ч. 2. – Рис. 4,1]. Не исключено, что отличающийся на общем фоне таврических памятников Брилевский могильник оставлен какой-то группой выходцев из Северо-Западного Причерноморья. Такое же впечатление производят материалы небольшого (9 погребений) грунтового могильника Благовещенка III близ с. Балки, исследованного А.В. Бодянским в 1967-1969 гг. Территориально входя в исследуемый регион, он, тем не менее, по ряду причин не мог быть включен в работу. Определенные западно-сарматские черты проявляются в керамике (коническая крышка, сетчатая и радиальная разделка серо-лощеной посуды) и фибулах. Последние найдены парой на плечах скелета (западная мода), причем одна из фибул – прогнутая подвязная "черняховского" типа. Необычен для восточносарматских памятников и обряд могильника – грунтовые погребения в два ряда. Датируется Благовещенка III в пределах первой половины IV в. н. э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованные на территории Таврии сарматские памятники относятся ко всем трем периодам сарматской культуры. Наиболее ранние погребения появляются во II в. до н. э. В течение II-I вв. до н. э. на территории присивашских степей обитала определенная общность (племя?) со стабильными признаками погребального обряда: впускные погребения в подпрямоугольных ямах, в основном в центре насыпи или в ее северной поле, вытянуто на спине, ориентированные в северном полуокружении, с напутственной пищей и определенным составом инвентаря (оружие прохоровских типов, среднелатенские фибулы, лепная и гончарная керамика, зеркала VI типа, бусы эллинистического времени). Ареал этой группы памятников – степи левобережной части низовьев Днепра до Орель-Самарского междуречья на севере и бассейна р. Молочной на востоке. Наиболее близкой по обряду и инвентарю является столь же компактная группа погребений в низовьях Дона. Основным отличием обеих групп от синхронных памятников Азиатской Сарматии является ориентация в северном полуокружении. Устойчивый набор признаков и данные письменных источников позволяют отождествлять эти группы памятников с роксоланами. Небольшое количество погребений II-I вв. до н. э., ориентированных в южном полуокружении (т.е. так, как основная масса прохоровских погребений к востоку от причерноморских степей), по аналогии с несомненно языгскими памятниками Паннонии, могут связываться с этим племенем.

В I – первой половине II в. н. э. на территории Таврии продолжали обитать потомки раннесарматских племен. Об этом свидетельствует сохранение всех норм погребального обряда: впускные погребения, тот же тип погребальных сооружений, доминирование ориентации в северном полуокружении. О сохранении культурной и этнической традиции предшествующего времени свидетельствует отличие сарматских памятников Таврии от появившихся в I в. н. э. восточнее и севернее погребений новой, пришедшей из районов Поволжья, группы населения. Последняя оставила большие компактные могильники с основными захоронениями, принесла новый для Северного Причерноморья тип погребального сооружения – квадратную яму с диагональным положением скелета, сохраняла преобладание ориентации в южном полуокружении. Все эти признаки отсутствуют в Таврии.

В I в. н. э. сарматы вступают в активный контакт с позднескифским населением Нижнего Днепра и Крыма. Выделенные М.И. Вязьмитиной сарматские обрядовые черты в Золотобалковском могильнике, позволившие ей говорить о присутствии сарматского этнического элемента в позднескифской среде (в основном женщины) не подтвердились, вопреки ожиданиям, антропологически. Т.С. Кондукторова, которая проводила сравнительный анализ, пользовалась сериями черепов из Молочанского и Усть-Каменского могильников, оставленных пришедшим в I в. н. э. с востока населением [Кондукторова, 1972. – С. 172]. Изучив материалы из сарматских погребений Таврии, С.И. Круц пришла к выводу о наибольшей близости их золотобалковским сериям (см. Прил. 1). Разумеется, Т.С. Кондукторовой не могли быть известны найденные в основном в последние 10-15 лет погребения. Тем не менее, сходство антропологических черт сарматов Таврии и золотобалковских поздних скифов отвечает сразу на несколько вопросов. Во-первых, устанавливается присутствие в позднескифской среде сарматского этнического элемента и очерчивается исход-

ная территория сарматов, похороненных в Золотобалковском могильнике – таврийские степи. Во-вторых, отличие их от населения, оставившего Молочанский, Усть-Каменский и Подгороднянский могильники, подтверждает полученные на археологическом материале выводы о преемственности населения Таврии ранне- и среднесарматского времени. Находки нескольких памятников с восточными чертами (Ногайчинский курган, Давыдов Брод, Первоконстантиновка) свидетельствуют о том, что какие-то группы пришельцев (аорсов?) были инкорпорированы в довольно однородную среду сарматов Таврии (роксолан).

В позднесарматское время (II-IV вв. н. э.) в таврийских степях появляются носители нового обряда подбойных захоронений. Широкое распространение погребальных сооружений этого типа по всему Северному Причерноморью позволяет говорить о приходе новой волны кочевников из районов Поволжья-Подонья, где этот обряд появляется несколько ранее. Вместе с тем, некоторые захоронения, в которых прослеживаются традиции предшествующего времени, не исключают сохранения в Таврии какой-то части местного населения. Наличие в Брилевском могильнике подкурганных рвов и керамики западных типов подтверждает связи оставившего могильник населения с районами Поднестровья, где зафиксированы подобные сооружения. Малочисленность позднесарматских захоронений как в Таврии, так и на сопредельных территориях свидетельствует об оттоке населения из степей центральной части Северного Причерноморья в середине III в. н. э. к западным и восточным границам Европейской Сарматии, что, вероятно, связано с образованием здесь готского политического объединения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* Сарматские погребения Дона и Украины во II в. до н. э. – I в. н. э. // СА. – 1961. – № 1. – С. 91-110.
- Абрамова М.П.* Нижне-Джуглатский могильник. – Нальчик, 1972. – 76 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1975. – Г1-12. – 109 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1978. – Г1-12. – 104 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1982. – Г1-12. – 103 с.
- Алексеева Е.М.* Юго-Восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. – Краснодар, 1982 а. – Вып. 2. – С. 5-116.
- Амброз А.К.* Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. – 1966. – Д1-30. – 113 с.
- Анфимов Н.В.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. – 1952. – № 46. – С. 72-35.
- Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. – Краснодар, 1987. – 231 с.
- Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. – М., 1977. – 151 с.
- Безуглов С., Захаров А.* Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье // Известия РОМК. – 1988. – № 5. – С. 5-28.
- Березовец Д.Т., Покровська С.Ф., Фурманська А.І.* Курганы эпохи бронзы поблизу с Мар'янського // АП УРСР. – 1960. – Т. 9. – С. 102-126.
- Боковенко Я.А.* Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. – 1977. – № 4. – С. 228-235.
- Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии: на материалах скифских могильников IV-III вв. до н. э. – Киев, 1985. – 226 с.
- Былькова В.П.* Комплекс сарматского времени из с. Солонцы Херсонской области // РА. – 1993. – № 1. – С. 164-168.
- Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. – Грозный. – 1963. – 223 с.
- Виноградов В.Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. – 1965. – № 1. – С. 108-121.
- Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикалея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. – 1987. – № 1. – С. 55-87.
- Вірлич А.Є.* Сарматське поховання в Білозерському районі Херсонської області // Археологія. – 1965. – Т. 19. – С. 177-178.
- Высотская Т.Г.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. – Киев, 1972. – 191 с.
- Вязьмитина М.И.* Сарматские погребения у с. Нововидипповка // ВССА. – М., 1954. – С. 220-244.
- Вязьмитина М.І.* Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП УРСР. – 1960. – Т. 8. – С. 17-21.
- Вязьмитина М.І.* Золота Балка. – Київ, 1962. – 237 с.
- Вязьмитина М.І.* Пам'ятки та культура сарматів // Археологія Української РСР. – Київ, 1971. – Т. 2. – С. 185-215.
- Вязьмитина М.И.* Золотобалковский могильник. – Киев, 1972. – 189 с.
- Вязьмитина М.И.* Сарматское время // Археология Украинской ССР. – Киев, 1986. – Т. 2. – С. 184-223.
- Гаерлиок Н.А.* Домашнее производство и быт степных скифов. – Киев, 1989. – 110 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Находка античного бронзового штампа в Тиритакте // СА. – 1940. – № 6. – С. 198-301.
- Галанина Л.К.* Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана // СА. – 1973 – № 2. – С. 45-59.
- Глебов В.П.* Сарматские погребения с северной ориентировкой III-I вв. до н. э. на Нижнем Дону // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1989. – С. 155-156.
- Гороховский Е.Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: – Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Киев, 1988. – 21 с.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 256 с.
- Гросу В.И.* Сарматский курган у с Корпач // СА. – 1979. – № 2. – С. 250-255.
- Гросу В.И.* Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. – Кишинев, 1990. – 202 с.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н. э. – Киев, 1984. – 117 с.
- Гуцина И.И.* Случайная находка в Воронежской области // СА. – 1961. – № 2. – С. 241-246.
- Гуцина И.И.* Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье (по материалам ГИМ) // Тр. ГИМ. – 1966. – Вып. 40. – С. 74-79.
- Гуцина И.И.* О результатах исследования нового могильника I-II вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // КСИА. – 1973. – Вып. 133. – С. 80-85.
- Гуцина И.И., Засека И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // Тр. ГИМ. – 1989. – Вып. 70. – С. 71-141.
- Дергачев В.А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте. – Кишинев, 1982. – 139 с.
- Дзиговский А.Н.* Позднесарматские племена Северо-Западного Причерноморья: – Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Киев, 1987. – 17 с.

Ждановский А.М. Новые данные об этнической принадлежности курганов "Золотого кладбища" // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1979. – С. 72-99.

Зубарь В.М., Кубышев А.И. Погребальные комплексы рубежа н. э. из Нижнего Поднепровья // СА. – 1987. – № 4. – С. 248-253.

Зубар В.М., Савеля О.Я. Новый сарматский могильник другої половини I – початку II ст. н. е. в Південно-Західному Криму // Археологія. – 1989. – № 2. – С. 74-83.

Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Некрополь Херсонеса Таврического: Препр. АН Украины. Ин-т археологии. – Киев, 1990. – Вып. 3. – 43 с.

Игнатов В.В. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская // КСИА. – 1986. – Вып. 186. – С. 65-69.

Лліньська В.А., Ковпаненко Г.Т., Петровська Е.О. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с Перемоаївки // АП УРСР. – 1960. – Т. 9. – С. 127-140.

Кадеев В.П. Очерк истории экономики Херсонеса I-IV вв. н. э. – Харьков, 1970. – 164 с.

Карасев А.Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. – 1951. – Вып. 37. – С. 161-172.

Каспарова К.В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. – 1976. – № 3. – С. 128-140.

Каспарова К.В. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. – 1977. – Вып. 18. – С. 68-78.

Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // АИНКБ. – 1985. – Т. 2. – С. 135-259.

Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции // МИА. – 1952. – № 25. – С. 289-326.

Ковпаненко Г.Т. Курганы в Чаплинском р-не Херсонской обл. // Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. – Киев, 1967. – С. 33-43.

Ковпаненко Г.Т., Качалова Н.К., Шарафутдинова И.Н. Курганы у с. Новочерноморье Херсонской обл. // Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. – Киев, 1967. – С. 60-81.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. – Киев, 1986. – 150 с.

Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // ВДИ. – 1949. – № 3. – С. 27-35.

Колтухов С.Г. Кинжал из некрополя Неаполя Скифского // СА. – 1983. – № 2. – С. 222-224.

Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины // Археологический сб. 1: Тр. ИЭ АН СССР. – 1956. – № 33. – С. 166-203.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.). – М., 1972. – 155 с.

Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы // СГМИИ. – 1987. – № 8. – С. 3-71.

Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. – Киев, 1983. – 183 с.

Костенко В.И. Культ огня и коня в погребениях сарматского времени междуречья Орели и Самары // Курганы степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1980. – С. 83-90.

Костенко В.И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья // Древности степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1982. – С. 69-75.

Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э. – середины III в. н. э. – Днепропетровск, 1983. – 103 с.

Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. – Днепропетровск, 1986. – 75 с.

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника) // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1989. – С. 85-97.

Костенко В.И. Сарматы в низовьях Днепра в первые века н. э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. – Херсон, 1990. – Ч. 2. – С. 29-31.

Костюк Л.И. Сарматское погребение у с. Давыдов Брод на Херсонщине // 100 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. – Киев, 1975. – С. 98-99.

Коряненко В.М. Сероглиняная гончарная керамика Крепинского могильника (к вопросу об экспорте кубанской керамики в степи Подонья) // Известия РОМК. – 1988. – № 5. – С. 50-57.

Курчатова С.И. Новые материалы из раскопок сарматского и черняховского могильников у с. Петрешты // Проблемы скифо-сарматской археологии. – Запорожье, 1989. – С. 74-75.

Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. – 1961. – Г1-29. – 69 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // Скифия и Боспор. – Новочеркасск, 1989. – С. 123-125.

Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. – Тбилиси, 1979. – 228 с.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1987. – 109 с.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. – Киев, 1982. – 184 с.

Максимова М.И. Артюховский курган. – Л., 1979. – 151 с.

Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. – Краснодар, 1988. – С. 68-83.

Марченко И.И. Сарматы степей Правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н. э. – III в. н. э. – Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ленинград, 1988а. – 16 с.

Махно С.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // АП УРСР. – 1961. – Т. 9. – С. 14-38.

Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным письменных источников // АСГЭ. – 1971. – № 13. – С. 30-54.

Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. – 1976. – № 16. – С. 111-132.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. – Воронеж, 1990. – 218 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. – 1964. – Д1-4. – 91 с.

Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. – 1980. – № 3. – С. 194-213.

Моринц С. Некоторые вопросы истории сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением // Дася. – 1959. – 3. – Р. 451-470.

Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. – 1960. – № 78. – С. 293-307.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. – 1963. – Д1-10. – 56 с.

Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. – Саратов, 1983. – С. 18-34.

Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 196-201.

Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1989. – С. 177-191.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1989. – С. 191-202.

Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической области – Науч. докл. – М., 1989а. – 47 с.

Мухомед С.Е. Сарматские погребения с бронзовыми котлами в Орельско-Самарском междуречье // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1986. – С. 136-143.

Неверов О.Я. Металлические перстни и печати // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья – М., 1984. – С. 239-240.

Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья // Античная торевтика. – Л., 1986. – С. 17-27.

Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных захоронений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. – Л., 1961. – С. 151-159.

Нечитайло А.Л., Бунятян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово // Древности степного Крыма. – Киев, 1984. – С. 6-11.

Орлов К.К., Скорый С.А. Комплекс с бронзовым посудом римского часу с похоронения в Центральному Крыму // Археология. – 1989. – № 2. – С. 63-73.

Пачкова С.П. Поенешти-лукашовская культура // Археология Украинской ССР. – Киев, 1986. – Т. 3. – С. 34-44.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII – III вв. до н. э. // САИ. – 1978. – Д4-5. – 142 с.

Петренко В.Г. Сарматское погребение из могильника у с. Лупарево // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 202-205.

Плетнева С.А. Средневековые "амазонки" в европейских степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. – Воронеж, 1983. – С. 9-20.

Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. – 1984. – № 45. – С. 24-34.

Полін С.В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. – Киев, 1987. – С. 132-133.

Полін С.В. Население северопричерноморских степей в III – II вв. до н. э. (этнополитический аспект): – Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Киев, 1989. – 17 с.

Полін С.В. Гатал, царь сарматский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1989а. – С. 122-123.

Полін С.В., Симоненко А.В. "Раннесарматские" погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1990. – С. 76-95.

Пуздровський О.С. Сармати в Неаполі Скіфському // Археологія. – 1989. – № 3. – С. 30-40.

Раев Б.А. Сарматское погребение из кургана у хут. Арпачин // СА. – 1979. – № 1. – С. 260-262.

Раев Б.А. Пазырык и Хохлач – некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1984. – С. 133-135.

Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе // МИА. – 1971. – № 177. – С. 143-151.

Раппопорт Ю.А., Трудиновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. – М., 1979. – С. 121-171.

Ратнер И.Д. Послевоенные полевые археологические исследования Херсонского музея // КСОГАМ. – 1965. – С. 35-39.

Романюк Л.Н. Сарматский курган в Киевской области // АО 1974 г. – М., 1975. – С. 345-346.

Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. – 1915. – № 32. – С. 58-77.

Ростовцев М.И. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской // ИАК. – 1917. – Вып 63. – С. 106-108.

Савовський І.П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. – 1977. – № 3. – С. 61-70.

Савовский И.П. Раннесарматское погребение в Запорожской области // СА. – 1977. – № 3. – С. 282-283.

Симоненко А.В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья // Скифы и сарматы. – Киев, 1977. – С. 221-230.

Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. – Киев, 1981. – С. 52-69.

Симоненко А.В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н. э. – III в. н. э.: Дисс. канд. ист. наук. – Киев, 1986. – 300 с.

Симоненко А.В. Фарзой, Инисмей и аорсы // История и археология Нижнего Подунавья. – Рени, 1989. – С. 76-78.

Симоненко А.В. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор. – Новочеркасск, 1989а. – С. 117-120.

Симоненко А.В. О контактах сарматов Прикубанья и Северного Причерноморья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. – Ростов-на-Дону, 1990. – С. 24-25.

Симоненко А.В. Сарматские погребения со рвами как исторический источник // Древнейшие общества земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (5 тыс. до н. э. – 5 в. н. э.). – Кишинев, 1990а. – С. 212-213.

Симоненко О.В. Роксолани (пошук археологічних відповідей) // Археологія. – 1991. – № 4. – С. 17-28.

Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. – 1992. – № 2. – С. 148-162.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. – Киев, 1991. – 110 с.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. – 1959. – № 60. – С. 39-205.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. – 1960. – № 78. – С. 10-168.

Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. – 1961. – Вып. 2. – С. 114-140.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Подонья // СА. – 1977. – № 1. – С. 100-120.

Скрипкин А.С. Нижнее Подонье в первые века нашей эры. – Саратов, 1984. – 149 с.

Скрипкин А.С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984а. – С. 218-224.

- Скрипкин А.С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов, 1986. – С. 82-98.
- Скрипкин А.С. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект // Задачи археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. – Суздаль, 1987. – С. 230-231.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов, 1990. – 298 с.
- Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. – 1948. – № 1. – С. 213-219.
- Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. – 1959. – № 60. – С. 206-322.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. – М., 1964. – 375 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984. – 181 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1989. – С. 165-177.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. – 1963. – Д1-9. – 40 с.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья: Препр. АН Украины. Ин-т археологии. – Киев, 1990. – 128 с.
- Симонович Э.А. Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 94-99.
- Симонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. – Киев, 1983. – 175 с.
- Телегин Д.Я. Погребение скифского времени на Нижнем Днепре // КСИА АН УССР. – 1956. – № 6. – С. 48-49.
- Тереножский А.И. Скифский курган в г. Мелитополе // КСИА АН УССР. – 1955. – Вып. 5. – С. 23-34.
- Тереножский А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н. Скифский курганный могильник Гайманово поле // Скифы и сарматы. – С. 152-199.
- Толстова П.С. Исторические предания Южного Приуралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. – М., 1984. – 246 с.
- Толстой И.Я., Кондаков Я.И. Русские древности в памятниках искусства. – СПб., 1890. – Т. 3. – 158 с.
- Фирсов Л.В. Об Эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. – 1972. – № 3. – С. 154-174.
- Фокеев М.М. Погребальный обряд позднейших сарматских могильников буджакской степи // История и археология Нижнего Подунавья. – Рени, 1989. – С. 88-89.
- Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. – 1963. – № 3. – С. 58-71.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М., 1971. – 169 с.
- Черненко Е.В., Яковенко Э.В., Корпусова В.Н. Раскопки в окрестностях г. Скадовска // Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР – Киев, 1967. – С. 20-32.
- Черненко Е. В. Скифские лучники. – Киев, 1982. – 166 с.
- Шаповалов Т.О. Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське // Археологія. – 1973. – № 8. – С. 82-88.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М., 1972. – 351 с.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. // КСИА. – 1978. – Вып. 156. – С. 16-21.
- Шенко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Причерноморье // СА. – 1987. – № 4. – С. 158-173.
- Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. – 1959. – № 60. – С. 323-523.
- Шеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – М., 1978. – 158 с.
- Щепинский А.А. К истории сарматов в Северном Причерноморье. Тез. докл. XIV междунар. конф. античников соц. стран. – Ереван, 1976. – С. 525-526.
- Щепинский А.О. Скарби сарматської знаті // Вісник АН УРСР. – 1977. – № 10. – С. 75-76.
- Щукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. – 1979. – Вып. 20. – С. 66-89.
- Щукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. – 1982. – № 47. – С. 35-42.
- Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. – 1987. – Вып. 28. – С. 103-118.
- Щукин М.Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир. – Новочеркасск, 1989. – С. 31-55.
- Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе // СА. – 1989а. – № 1. – С. 70-83.
- Яровой Е.В., Чирков А.Ю. Воинский сарматский могильник в Единецком р-не на Пруте // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1989. – С. 182-183.
- Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. – 1986. – С. 14-21.
- Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. – Warszawa, 1988. – 339 s.
- Filip J. Keltové ve střední Evropě. – Praha, 1956. – 552 s.
- Godłowski K. Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Lz. IV. Okres latenski w Ewrope. - Kraków, 1977. – 293 s.
- Higgins R.A. Greek and Roman Jewellery. – London, 1961. – 236 p.
- Peacock D.P.S., Williams D.F. Amphorae and the Roman economy. – New York, 1986. – 234 p.
- Raev B.A. Roman Import in Lower Don Basin. – BAR Ser. 278. – Oxford, 1986. – 135 p.
- Sarianidi V.A. The Bactrian Gold. – Leningrad, 1985. – 258 p.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ*

- Генинг В.В. Отчет о раскопках курганов в Бериславском р-не Херсонской обл. в 1988 г.
- Евдокимов Г.Л. Отчет об археологических исследованиях курганов Краснознаменной экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства ОС Херсонской обл. в 1977 г.
- Евдокимов Г.Л. Отчет о работе Краснознаменной экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Краснознаменной ОС в 1978 г.
- Евдокимов Г.Л., Николова А.В., Рассамкин Ю.Я., Битковский О.В. Отчет о раскопках курганов в Херсонской обл. Краснознаменной новостроечной экспедиции в 1979 г.
- Евдокимов Г.Л., Магомедов Б.В., Черненко Е.В., Битковский О.В. Отчет о раскопках курганов в Херсонской обл. Краснознаменной новостроечной экспедиции в 1980 г.
- Евдокимов Г.Л., Поруцкий А.Г., Гершкович Я.П. Отчет о раскопках курганов и поселения Краснознаменной новостроечной экспедиции в Херсонской обл. в 1981 г.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в 1982 г. в Херсонской обл.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г., Шевченко Н.П. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства ОС в Херсонской обл. в 1984 г.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в 1985 г. в Херсонской обл.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Шевченко Н.П. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства оросительных систем в 1986 г.
- Ильинская В.А. Отчет о раскопках поселения у с. Бабино в 1954 г.
- Кубышев А.И., Ядвичук В.И. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в 1975 г.
- Кубышев А.И., Евдокимов Г.Л., Дорофеев В.В. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в 1976 г.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Симоненко А.В. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской ОС в 1977 г.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др. Отчет о работах Херсонской экспедиции ИА АН УССР у сел Волчанск, Владимировка, Красное Акимовского р-на Запорожской обл. в 1980 г.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др. Отчет о работах Херсонской экспедиции в 1981 г.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др. Отчет о работах ХАЭ ИА АН УССР в 1982 г.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Сердюкова И.Л. и др. Отчет о работах Херсонской экспедиции в зоне строительства КОС в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Симоненко А.В. и др. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1984 г.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Симоненко А.В. и др. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в Херсонской обл. в 1985 г.
- Кубышев А.И., Болтрик Ю.В., Симоненко А.В. и др. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в 1986 г.
- Кубышев А.И., Шилов Ю.А., Симоненко А.В. и др. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в 1987 г.
- Кубышев А.И., Шилов Ю.А., Симоненко А.В. и др. Отчет о раскопках Херсонской экспедиции в 1988 г.
- Кубышев А.И., Шилов Ю.А., Симоненко А.В. и др. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в 1989 г.
- Лесков А.М., Черненко Е.В., Болтрик Ю.В. Отчет о раскопках Каховской экспедиции в 1968 г.
- Лесков А.М., Кубышев А.И., Черненко Е.В., Тереножкин А.И. и др. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1969 г.
- Лесков А.М., Кубышев А.И., Румянцев А.М., Болдин Я.И. Отчет о работе Каховской экспедиции в 1970 г.
- Лесков А.М., Кубышев А.И., Румянцев А.М., Болдин Я.И. и др. Отчет о работе Херсонской экспедиции в 1971 г.
- Отрошенко В.В., Болтрик Ю.В. Отчет Запорожской экспедиции ИА АН УССР в 1975 г.
- Отрошенко В.В., Болдин Я.И., Пустовалов С.Ж. Отчет о раскопках Запорожской новостроечной экспедиции в 1978 г.
- Плешивенко А.Г. Отчет о раскопках курганов в Каменко-Днепровском р-не Запорожской обл. в 1987 г.
- Рассамкин Ю.Я., Отрошенко В.В. Отчет о раскопках Запорожской новостроечной экспедиции в 1982 г.
- Симоненко А.В., Ольговский С.Я. Отчет о работах Приморского отряда Краснознаменной экспедиции в 1981 г.

---

*Отчеты хранятся в НА ИА АН Украины.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А. Отчет о работе Северо-Рогачикской экспедиции Института археологии АН УССР в 1968 г.

Тощев Г.Я., Шахров Г.И., Самар В.А. Отчет об археологических раскопках курганных могильников у сел Новокайры и Новорайск Бериславского р-на Херсонской обл. в 1988 г.

Черненко Е.В., Бреловская Э.И., Буйских С.Б., Полин С.В. Отчет о работе Краснознаменной экспедиции в 1975 г.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1974 г.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1975 г.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1976 г.

Щепинский А.А. Отчет об археологических работах, проведенных в зоне строительства Северо-Крымского канала в 1979 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИНКБ	— Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии
АП	— Археологічні пам'ятки
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	— Вестник древней истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии
ИЭ	— Институт этнографии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИД	— Музей исторических драгоценностей
НА	— Научный архив
РОМК	— Ростовский областной музей краеведения
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГМИИ	— Сообщения Государственного музея истории искусств им. А. С. Пушкина
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ШДИК	— Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. — М., 1987
BAR	— British Archaeological Reports
SUR	— Sjjaj ukrainskih riznica (каталог выставки). — Zagreb, 1989

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

С.И. Круц

САРМАТЫ ТАВРИИ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Несмотря на интенсивные раскопки в степной зоне Украины за последние 30 лет, поступление антропологических материалов из сарматских погребений идет очень медленно, в связи с чем наблюдается крайняя недостаточность в литературе антропологических сведений о сарматах Северного Причерноморья.

В настоящее время нами исследовано 28 скелетов различной степени сохранности с территории Запорожской, Крымской и Херсонской областей (табл. 1). Преобладают мужские скелеты (13), есть женские (10), детские и юношеские (5). Половой диморфизм не всегда четко выражен, в семи случаях пол определен с некоторой долей сомнения: иногда из-за неудовлетворительной сохранности скелетов (Чкалово, к. 1, п. 2; Каиры, к. 9, п. 2; Новое, к. 3, п. 3; Черноморское, к. 1, п. 5), иногда (чаще всего касается женских скелетов) половые признаки невыразительны – сглаженное переносье, высокий и прямой лоб сочетается со значительно развитым затылочным рельефом. Подобная картина наблюдается и на посткраниальном скелете – на небольших по размеру трубчатых костях конечностей обнаруживаются довольно значительно развитые места прикрепления как дельтовидной мышцы на плечевой кости, так и шероховатой линии – на бедренной (Архангельская Слобода, к. 4, п. 8; Волчанск, к. 5, п. 16; Подовое, к. 6, п. 1). Из десяти женских скелетов пять определены недостаточно четко. Возможно, некоторая массивность женских скелетов, свидетельствующая о повышенной физической нагрузке, связана с образом жизни сарматов. Подтверждением тому могут служить и указания историков на "воинственный характер сарматских женщин, которые ездят на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с ними одежду" [Вязьмитина, 1986, с. 184].

Средняя продолжительность жизни исследуемой группы составляла 36,5 года, взрослого населения – 43,9 года (мужчин – 46 лет, женщин – 41,3 года). Несколько завышенные цифры средней доживаемости взрослого населения (мужчин и женщин) объясняются преобладанием в погребениях лиц зрелого и старческого возраста.

Характерной особенностью данной группы сарматов является наличие у них искусственно деформированных черепов – двух мужских (Львово, к. 11, п. 1; Каирка, к. 1, п. 18) и одного детского (Златополь, к. 15, п. 2), что в общем не типично для территории приднепровских степей [Кондукторова, 1956], хотя М.И. Вязьмитина и упоминает (без указаний на конкретное погребение) находку деформированного черепа в степном Левобережье Украины, но в позднесарматское время [Вязьмитина, 1986, с. 197], когда обычай искусственно деформировать голову у сарматов Нижнего Поволжья и Зауралья становится массовым [Фирштейн, 1970, с. 95]. Деформированный череп из Львово также относится к данному периоду [Симоненко, 1977, с. 229].

Антропологический материал неравноценен по сохранности, пригодными для измерения оказались девять мужских, три женских и один детский череп (одни полностью реставрированы, другие представлены крупными фрагментами), трубчатые кости трех мужских и трех женских скелетов (табл. 2; 3),

Недеформированные мужские черепа – длинные, широкие, брахикранные,

с высоким сводом (табл. 4). Лоб широкий, наклонный. Рельеф развит значительно. Лицо широкое, высокое, ортогнатное, хорошо профилированное. Орбиты очень широкие, низкие, по указателю – хамэконхные. Нос высокий, среднеширокий (по указателю – мезоринный), с высоким переносом (к сожалению, измерения сняты только на одном черепе). Преобладающая форма нижнего края грушевидного отверстия – предносовые ямки. Метопический шов отсутствует, вставочные косточки по ламбдовидному шву встречены только в одном случае. Несмотря на небольшое количество наблюдений, все они свидетельствуют о доминировании развитого небного валика (балл 2 + 3) и ореховидных вздутий. Кариес обнаружен на одном черепе.

В отличие от недеформированных, два мужских искусственно деформированных черепа – резко долихокраничные, с очень длинным, широким и высоким сводом, широким, средненаклонным лбом. Лицо широкое и низкое, резко профилированное, мезогнатное. Орбиты низкие; нос средневыступающий, мезоринный. Нижний край грушевидного отверстия острой (энтропийной) формы.

Длинные кости двух мужских скелетов частично реставрированы и измерены (табл. 3). Плечевая кость довольно длинная, выше средней прочности, форма сечения диафиза округлая (по классификации В.В. Бунака) [Бунак, 1961], ширина нижнего эпифиза большая. Бедренная кость короткая, средней массивности. Отмечается слабый наклон диафиза по отношению к эпифизарной плоскости. Пялюстр развит слабо. Большеберцовые кости выше средней длины. Рост, по формуле Пирсона, выше среднего (по рубрикации Р. Мартина) [Martin, 1928] – 166,5-167,1 см.

На женских черепах деформация не отмечена. Они характеризуются преобладанием мезокраничных форм при большом продольном, поперечном и среднем высотном диаметрах. Лоб широкий, средненаклонный. Рельеф сглаженный. Лицо широкое и высокое, слабо профилированное на уровне назио-на и средне – на уровне субспинале (в средней части лица). Орбиты мезоконхные. Нос средневысокий и узкий, мезоринный (по указателю), переносы средневысокие. Ни метопический шов, ни вставочные косточки по ламбдовидному шву ни в одном случае не зафиксированы. Сплошной небный валик (балл 3) встречен на одном черепе. Кариес обнаружен в трех случаях из шести.

Длинные кости женских скелетов средней длины, за исключением бедренных (бедренные несколько короче), средней массивности. По интермембральному указателю (отношение верхних конечностей к нижним) женщины из сарматских погребений отличались мезоморфным строением скелета, что характерно для европейских групп. В двух случаях отмечены межмышечковые отверстия на плечевых костях. Рост – 152,9 см (по формуле Пирсона и Ли), что относится к категории ниже средних величин [Martin, 1928].

В целом сарматское население Таврии было европеоидным, и относилось к широко- и высоколицым морфологическим вариантам при некоторых отличиях формы черепа и длины тела мужчин и женщин – мужчины более короткоголовы и высокорослы, женщины более длинноголовы и низкорослы. Среди мужчин отмечен и обычай искусственно деформировать голову.

Физический тип сарматов стал известен в результате исследований больших серий черепов и длинных костей из погребений Поволжья и Приуралья [Дебец 1948; Фирштейн, 1970 и др.]. Он характеризуется европеоидными чертами, отличается средними размерами мезобрахикраничной по форме черепной коробки, широким средненаклонным лбом и среднеразвитым надпереносом; ортогнатным, умеренно профилированным в горизонтальной плоскости, средневыжим и почти широким лицом, сильно выступающим носом средней ширины и средневысокими глазницами. Рост – средний, телосложение – крепкое [Фирштейн, 1970, с. 146]. Авторы отмечают и незначительную монголоидную примесь, особенно на позднем этапе сарматской культуры, когда

начинают преобладать и черепа с искусственно деформированной черепной коробкой (до 80%), что объясняется, видимо, волной с востока, так как деформированные черепа в более раннее время обнаружены на территории Средней Азии (начиная с V в. до н. э.). Сарматы Нижнего Поволжья, саратовской группы и Приуралья в основном близки между собой при незначительной вариабельности (табл. 5; 6).

Физический тип сарматов степной Украины первых веков н. э., исследованный впервые Т.С. Кондукторовой на основании могильников Усть-Каменка и Аккермень, ничем не отличался от физического типа сарматов Поволжья и Приуралья [Кондукторова, 1956, с. 173], что говорит о близости обеих групп населения и согласуется с историческими свидетельствами о переселении в Северное Причерноморье сарматов с востока.

Сравнение новых материалов с территории Таврии с известными группами сарматов в целом подтверждает вывод о близости всех сарматских групп (в данном случае речь идет о мужских черепах)*:

Сарматы Таврии (мужчины)

Уральская группа	— 0,14
Саратовская группа (ранний этап)	— 0,14
"-" (средний этап)	— 0,16
Нижнее Поволжье и Приуралье	— 0,20
Усть-Каменка	— 0,27
Нижнее Поволжье	— 0,34
Запорожская обл. (Аккермень)	— 0,37
Саратовская группа (поздний этап)	— 0,61

Исключение составляют сарматы саратовской группы позднего этапа — они более длинноголовы и узколицы. Видимо, переселение в причерноморские степи с востока шло в основном на ранних и средних этапах существования сарматской культуры (не позднее начала II в. н. э.), хотя наличие в сарматских могилах Таврии деформированных черепов (преобладающих на позднем этапе) не исключает переселения отдельных сарматских групп и в более позднее время.

Несмотря на исключительное сходство всех сарматских и савроматских групп, обращают на себя внимание некоторые отличия сарматских мужских черепов Таврии — более длинная и высокая черепная коробка, более высокое лицо, более резкая его профилировка и высокое переносье.

Женские черепа из курганов Таврии отличаются от женских черепов из Усть-Каменки и Аккерменя (генетические суммарные расстояния соответственно 0,54 и 0,56). Основные отличия те же, что и в мужской группе: сарматы Таврии более длинноголовы, высоколицы и высокоорбитны (табл. 6).

Предшественниками сарматов в причерноморских степях были скифы, антропологический тип которых достаточно широко представлен в научной литературе [Дебец, 1948; 1951; Кондукторова, 1972], в большей степени это касается поздних скифов [Кондукторова, 1964; 1972; 1979], что позволило предположить отсутствие прямой генетической связи между скифами и сарматами на территории Украины [Кондукторова, 1956, с. 173] и то, что "сарматы Запорожской области ближе к "андроновцам" Минусинского края, чем к скифам Поднепровья" [там же]. В действительности процесс сложения физического типа сарматов причерноморских степей сложнее — достаточно иметь в виду разнообразие морфологических вариантов, отмечаемое у причерноморских скифов [Круц, 1989], наличие среди них как длинноголовых узколицев (Широчанский могильник), так и короткоголовых широколицых типов (Максютинские курганы, могильник у с. Фронтное) [Дебец, 1951; Круц, 1989].

*Все сравниваемые группы просчитаны по методу суммарных генетических расстояний (метод Пенроза). Мужские группы сравнивались по 10 признакам (продольный, поперечный, лобный, скуловой диаметры, высота лица, орбиты, ширина носа, угол вертикальной профилировки лица, назомаллярный и зигомаксиллярный углы); женские — по 12; к перечисленным добавлены высотный диаметр и угол выступания носа, В мужской группе эти признаки малочисленны.

Удлинение лица и большая длинноголовость сарматов Таврии (особенно ощутимая в женской группе) не исключает участие в сложении их физического типа и местных причерноморских скифов. Малочисленность палеоантропологического материала по сарматам Таврии не дает возможности рассматривать этот вопрос достаточно основательно. Безусловно, физический тип мужского населения Таврии существенно не отличается от остальных известных нам сарматских групп Причерноморья и более восточных территорий. Женская группа не только малочисленна, но и чрезвычайно разнородна, в ней встречаются как длинно-, так и короткоголовые варианты с низкими и высокими лицами ослабленной и довольно умеренной профилировкой, очень узким и широким носом, с низким и высоким переносом, что, вполне возможно, отражает разнообразие морфологических вариантов предшествующего периода и не дает представления о единых "сарматоидных" чертах женщин-сарматов Таврии.

Таблица 1. Использованные черепа и кости скелета

Местонахождение	Автор и год раскопок	Пол	Возраст	Используемый материал
Запорожская обл.				
Великая Знаменка *, к. 7, п. 1	В. Отрошенко, 1982	ж	Возмужалый	Длинные кости
Златополь, к. 7, п. 2	И. Савоский, 1973	ребенок	3 – 5	Череп (обломки)
Орлянка, к. 4, п. 1	В. Отрошенко, 1973	ж	22 – 25	Фрагменты черепа
" к. 4, п. 3	" "	ж	25 – 34	То же
Крымская обл.				
Астанино, к. 3, п. 1 *	А. Лесков, 1966	м	20 – 25	Череп
Чкалово, к. 1, п. 1	В. Корпусова, 1977	м	40 – 50	Обломки черепа
" к. 1, п. 2	" "	ж?	Старческий	То же
" к. 3, п. 11	" "	ребенок	7 – 9	" "
" к. 3, п. 7	" "	ж	Зрелый	Длинные кости
Херсонская обл.				
Архангельская Слобода, к. 4, п. 8*	А. Лесков, 1969	ж?	25 – 35	Череп
Волчанск, к. 5, п. 16*	А. Кубышев, 1980	ж	Возмужалый	Длинные кости
хут. Волчий, к. 2, п. 1 *	А. Кубышев, 1987	ребенок	7 – 8	Череп
Каирка, к. 1, п. 18*	" "	м	Зрелый	Череп, длинные кости
Каир, к. 6, п. 3	" "	ребенок	3 – 5	Фрагмент черепа
" к. 9, п. 2 *	" 1988	м?	Возмужалый	То же
Львово, к. 11, п. 1 *	" 1973	м	35 – 45	Череп
Новое, к. 3, п. 3	" 1982	м?	Зрелый	Нижняя челюсть
Новокаменка, к. 3, п. 4 *	" 1983	м	60 – 65	Длинные кости
Новочерноморы, к. 2, п. 12 *	Г. Ковпаненко, 1983	м	45 – 55	Череп
" к. 5, п. 7	" "	м	45 – 55	Фрагмент черепа
Первоконстантиновка, к. 10, п. 3	А. Лесков, 1971	ж	50 – 55	Череп
" к. 1, п. 2 *	А. Кубышев, 1986	м	60 – 65	Череп
Подовое, к. 6, п. 1 *	" 1977	ж?	60 – 65	Череп, длинные кости
Скадовск, к. 7, п. 1	Г. Евдокимов, 1975	ж?	30 – 40	Фрагмент черепа
Черноморское, к. 1, п. 5	" 1981	м?	Зрелый	То же
" к. 2, п. 4	" "	Подросток	"	"
Широкое, к. 1, п. 3*	А. Лесков, 1962	м	45 – 55	Череп
Юрьевка, к. 1, п. 4	А. Кубышев, 1981	Подросток	"	Обломки черепа

* Измерительные данные представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2. Индивидуальные измерения черепов из сарматских погребений Таврии

Номер по Мартину (или обозначение по Моранту) и наименование размера или признака	Аста- нино	Архан- гельская Слобода	Хут. Вол- чий	Каир- ка	Каиры	Львово	Новочер- номорье	Первоконстанти- новка		Подовое	Ска- довск	Черно- морское	Широкое
	к. 3, п. 1	к. 4, п. 8	к. 2, п. 1	к. 1, п. 18	к. 9, п. 2	к. 11, п. 1	к. 2, п. 12	к. 10, п. 3	к. 1, п. 2	к. 6, п. 1	к. 7, п. 1	к. 1, п. 5	к. 6, под- бой
	♂	♀	ребенок 7-8 лет	♂	♂?	♂	♂	♀	♂	♀	♀	♂?	♂
1. Продольный диаметр	186?	173	151?	206	190?	211	190	185	185?	185	178	181	180
8. Поперечный диаметр	136	137	155?	146	140?	146?	150	142	150?	143?	147	142	158
17. Высотный диаметр (ва-в)	130	—	123?	135	—	147?	143	124?	—	—	—	—	—
20. Высотный диаметр (ро-в)	110	107	—	117	—	122	123	111	118?	—	—	118?	119
5. Длина основания черепа	100	—	82?	104	—	133	113	97	—	—	—	—	—
9. Наименьшая ширина лба	—	91	98	103	—	98	94	94	103?	102	100	101?	100
10. Наибольшая ширина лба	—	112	121?	127	—	120?	124	125	129?	115	122	—	127
11. Ширина основания черепа	121	122	121?	127	123	136?	137	121	133?	—	—	123?	126
12. Ширина затылка	109	116?	—	—	113?	115	120	112	—	—	—	—	124
29. Лобная хорда	—	108	96	119	—	121	122	—	—	112	114.5	110	100
30. Теменная хорда	—	105	—	120	—	123	109	114	—	—	115	122	115
31. Затылочная хорда	—	89	—	101	82?	97.0	94	94	—	—	96	—	95
32. Угол профиля лба от назиона	—	80	87?	81	—	—	76	82	—	—	—	—	76
— Угол профиля лба от глабеллы	—	70	85?	75	—	—	69	78	—	—	—	—	65
7. Длина затылочного отверстия	34	—	37	39	45?	41	36	38	—	—	—	—	—
16. Ширина затылочного отверстия	29	—	28	29	30	32	30	28	—	—	—	—	—
Высота изгиба лба	—	26.0	23.5	30.0	—	22.0	26.0	—	—	27.0	24.0	—	22.0
Высота изгиба затылка	—	25.5	—	36	27.0	26.5	29.0	29.0	—	—	24.0	—	30.0
Надпереносье (по Мартину — 1 — 6)	—	2	1	3	—	4	5	2	5	1	1	1	6
Наружный затылочный бугор (0 — 5)	6	1	0	3	3	1	3	0	3	1	—	—	4
Сосцевидный отросток (1 — 3)	1	2	1	3	2	3	2	1	3	2	1	2	3
40. Длина основания лица	92?	—	74?	101	97?	—	106	91	—	—	—	—	—
45. Скуловой диаметр	128	126	113?	135	130	142?	145?	132	150?	—	—	128?	137?
48. Верхняя высота лица	65	71	60	67	70?	—	84	69	—	76	—	—	70?
47. Полная высота лица	111	113	98?	119?	—	—	144	—	—	118?	—	—	—
43. Верхняя ширина лица	108	98	100	111	—	—	109	106	114?	114?	106	—	112
46. Средняя ширина лица	90	88	90	97	97?	—	106?	88	99?	103	—	—	93
Бималилярная ширина	98.5	91.0	90.0	100.5	—	101.0?	98.0	96.0	—	102.5?	—	—	102.0
Высота назиона (по-по)	18.0	12.5	13.0	20.0	—	20.5?	18.0	16.5	—	15.0?	—	—	22.0
77. Наималый угол	140	149	147	136	—	136	140	142	—	147	—	—	133
Зигомаксиллярная ширина	92.0	89.0	86.0	96.5	96?	—	106.0?	91.0	96?	102.0?	—	—	96.0
Высота субназиона над zygion	23.5	21.0	17.5	23.5	26.5?	—	20.0	20.5	20?	26.0?	—	—	23.5
мЗигомаксиллярный угол	126	129	135	128	122	—	138	131	134?	126?	—	—	128
51. Ширина орбиты от inf.	43.0	40.0	37.5	44.5	—	—	42.0	43.0п	—	44.5?	44.5	—	44.5п

Таблица 3. Индивидуальные размеры верхних и нижних конечностей из сарматских погребений Таврии

Номер по Моранту и наименование размера	Великая Знаменка	Чкалово	Волчанск	Каирка	Новокамен- ка	Подовол	$\bar{X}(n)$		
	к. 7, п. 1	к. 3, п. 7	к. 8, п. 16	к. 1, п. 18	к. 3, п. 4	к. 6, п. 1			
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♀
	левая	правая	левая	левая	левая	левая	левая	правая	левая
Плечевая кость									
1. Наибольшая длина	292	—	298	328	—	286	328	—	292.0 (3)
2. Вся длина	289	—	296	321	—	282	321	—	289.0 (3)
3. Верхняя эпифизарная ширина	40	—	48	51	—	47	51	—	44.0 (3)
4. Нижняя эпифизарная ширина	57	60	64	72	—	53	72	60	58.0 (3)
5. Наибольший диаметр середины диафиза	20	21	24.0	23.0	—	19	23	21	21.0 (3)
6. Наименьший диаметр середины диафиза	15	15	19.0	18.0	—	16	18	15	16.7 (3)
7. Наименьшая окружность диафиза	54	57	68	64	60	55	62.0 (2)	57	59.0 (3)
7 а. Окружность середины диафиза	58	62	73	68	—	57	68	62	62.7 (3)
Лучевая кость									
1. Наибольшая длина	221	227	—	—	—	210	—	227	215.5 (2)
2. Физиологическая длина	206	216	—	—	—	197	—	216	201.5 (2)
4. Поперечный диаметр диафиза	17	16.5	17.0	18.0	—	16.0	18.0	16.5	16.7 (3)
5. Сагиттальный диаметр диафиза	12	10.5	13.0	13.0	—	10.0	13.0	10.5	11.7 (3)
3. Наименьшая окружность диафиза	40	39	45	—	—	38	—	39	41.0 (3)
Локтевая кость									
1. Наибольшая длина	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Физиологическая длина	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Передне-задний диаметр	13.0	—	13.0	15.0	13.0	—	14.0 (2)	—	13.0 (3)
12. Поперечный диаметр	16.0	—	18.0	19.0	17.0	—	18.0 (2)	—	17.0 (3)
13. Верхний поперечный диаметр	18.0	—	22.0	23.0	—	—	23.0 (1)	—	20.0 (2)
14. Верхний дорзо-волярный диаметр	24.0	—	24.0	25.0	—	—	25.0 (1)	—	24.0 (2)
3. Наименьшая окружность	32	—	40	40	38	—	39.0 (2)	—	36.0 (2)
Бедренная кость									
1. Наибольшая длина	396	—	—	463?	453	384	458.0 (2)	—	390.0 (2)
2. Длина в естественном положении	394	—	—	460?	450	380	455.0 (2)	—	387.0 (2)
21. Мышелковатая ширина	69	75	72	84	82	73	83.0 (2)	75	71.3 (3)
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	24	22	27.0	31.0	29.0	24.0	30.0 (2)	22	25.0 (3)
7. Поперечный диаметр середины диафиза	25	24	31.0	31.5	31.0?	27.0	31.25 (2)	24	27.7 (3)
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	31	31	36.0	37.0	34.0?	30.0	35.5 (2)	31	32.3 (3)
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	21	20	25.0	29.0	26.0	26.0	27.5 (2)	20	24.0 (3)

Номер по Моранту и наименование размера	Великая Знаменка	Чкалово	Волчанск	Каирка	Новокаменка	Подовол	$\bar{X}(n)$		
	к. 7, п. 1	к. 3, п. 7	к. 5, п. 16	к. 1, п. 18	к. 3, п. 4	к. 6, п. 1	σ	σ	σ
	левая	правая	левая	левая	левая	левая	левая	правая	левая
8. Окружность середины диафиза	76	71	90	98	93	79	95.5 (2)	71	81.7 (3)
Вольшеберцовая кость									
1. Полная длина	344	—	355	373	366	—	369.5 (2)	—	349.5 (2)
2. Мыщелково-таранная длина	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3. Наибольшая длина	347	—	360	377	370	—	373.5 (2)	—	353.5 (2)
4. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	64	—	72	82	—	71	82	69.0 (3)	—
5. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	43	—	53	54	—	—	54	48.0 (3)	—
6. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	27.0	26	30.0	30.0	31.0	26.0	30.5 (2)	26	27.7 (3)
8. а. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	30.0	29	35.0	36.0	36.0	30.0	36.0 (2)	29	31.7 (3)
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	17.0	18	25.0	23.0	24.0	20.0	23.5 (2)	18	20.7 (3)
9. а. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	20.0	22	26.0	24.0	25.0	22.0	24.5 (2)	22	22.7 (3)
10. Окружность на уровне середины диафиза	74	69	87	86	85	71	85.5 (2)	69	77.3 (3)
10. а. Наименьшая окружность диафиза	63	64	82	78	75	—	76.5 (2)	64	73.5 (2)
Малая берцовая кость									
1. Наибольшая длина	339	—	—	371	—	316	371	—	327.5 (2)
Рост (по К. Пирсону и А. Ли), см	153.1	157.1	165.9	167.1	166.5	149.7	166.8 (2)	157.1 (1)	152.9 (3)

Таблица 4. Средние размеры черепов из сарматских погребений Таврии

Номер по Мартину (или название по Моранту) и наименование размера или признака	п	Мужские					Женские		
		Недеформированные		Искусственно деформированные			Недеформированные		
		min-max	$\bar{X}$	п	min-max	$\bar{X}$	п	min-max	$\bar{X}$
1. Продольный диаметр	6	180 — 193	186,2	3	206 — 211	208,5	5	173 — 186	181,4
2. Поперечный диаметр	6	140 — 158	148,0	2	146 — 146	146,0	6	136 — 149	142,3
3.1. Черепной указатель	5	74,1 — 87,8	80,1	2	69,2 — 70,9	70,1	5	73,1 — 82,6	77,8

7.	Высотный диаметр (ва-в)	1	143	143	2	135 - 147	141,0	2	124 - 130	127,0
9.	Наименьшая ширина лба	4	94 - 103	99,5	2	98 - 103	100,5	4	91 - 102	96,75
32.	Угол лба к горизонтали	2	76 - 76	76,0	1	81	81	2	80 - 82	81,0
	Надпереносье (по Мартину - 1 - 6)	5	2 - 6	4,40	2	3 - 4	3,50	4	1 - 2	1,00
	Наружный затылочный бугор (0 - 5)	6	2 - 5	3,33	2	1 - 3	2,00	6	0 - 2	1,17
	Сосцевидный отросток (1 - 3)	6	2 - 3	2,33	2	2 - 3	2,50	6	1 - 2	1,50
45.	Скуловой диаметр	5	128 - 150	138,0	2	135 - 142	138,5	3	126 - 132	128,7
48.	Верхняя высота лица	3	70 - 84	74,7	1	67	67	4	65 - 76	70,25
48:45.	Верхний лицевой указатель	3	51,1 - 57,9	54,3	1	49,6	49,6	3	50,8 - 56,3	53,1
72.	Угол общего лицевого профиля	2	81 - 89	85,0	1	84	84	3	80 - 88	84,0
77.	Назомаллярный угол	2	133 - 140	136,5	2	136 - 136	136,0	4	140 - 149	144,5
зм.	Зигмаксиллярный угол	4	122 - 138	130,5	1	128	128	4	126 - 131	128,0
51.	Ширина орбиты от пл.	2	42,0 - 45,5	43,75	1	44,5	44,5	5	40,0 - 44,5	43,0
52.	Высота орбиты	2	31,0 - 34,0	32,5	1	33,5	33,5	5	32,5 - 36,5	34,3
52:51.	Орбитный указатель	2	73,8 - 74,7	74,25	1	75,3	75,3	5	75,6 - 82,0	79,8
54.	Ширина носа	4	25 - 28	26,0	1	25,5	25,5	5	21,0 - 25,5	23,5
55.	Высота носа	3	51 - 58	53,7	1	51	51	4	45 - 57	48,75
54:55.	Носовой указатель	3	46,9 - 49,0	47,3	1	50,0	50,0	4	44,7 - 52,2	47,9
75/1/.	Угол носовых костей к линии профиля	1	36	36	1	26	26,0	2	23 - 27	25,0
88:8С.	Симметрический указатель	1	66,7	66,7	2	44,4 - 47,6	46,0	4	28,6 - 47,4	39,4

Таблица 5. Сравнительная таблица средних серий малолетних мальчиков мужского пола сарматов, скифов и савроматов

Номер по по Мартину	Таврия	Сарматы										
		Усть-Ка- менка	Запорожская обл. (молочан- ская серия)	Саратовское Завождение			Нижнее По- волжье (сбор- ная)	Уральская группа (сборная)	Савроматы (Нижнее По- волжье и При- уралье)	Скифы Причерно- морских степей (сборная)	Поздние скифы	
				Ранний этап	Средний этап	Поздний этап					Золотая Валка	Николаев- ка-Козац- кое
	С. Круц	Т. Кондукторова, 1956		В. Фирштейн, 1970						Т. Кондук- торова, 1972	Т. Кондукторова, 1979	
1.	186,2 (6)	182,4 (11)	186,0 (7)	184,7 (19)	183,4 (53)	187,5 (10)	182,2 (67)	185,0 (32)	184,2 (24)	186,9 (28)	184,8 (23)	185,7 (66)
8.	148,0 (5)	146,0 (11)	146,8 (7)	148,2 (19)	146,3 (51)	139,1 (10)	146,0 (67)	147,5 (31)	145,3 (25)	140,5 (27)	139,2 (24)	139,8 (66)
8:1	80,1 (5)	80,2 (11)	79,0 (7)	80,5 (19)	79,5 (51)	74,5 (10)	80,2	79,7	78,9	75,3 (27)	75,2 (23)	75,4 (66)
17.	143	133,4 (8)	137,0 (2)	129,7 (19)	135,6 (34)	136,3 (5)	132,6 (36)	132,5 (14)	134,3 (15)	134,1 (18)	134,6 (17)	133,9 (62)
9.	99,5 (4)	97,1 (11)	97,2 (8)	99,1 (24)	98,8 (54)	97,1 (10)	97,4 (68)	99,2 (32)	97,1 (19)	97,7 (30)	95,0 (23)	96,6 (69)
32.	76,0 (2)	83,7 (11)	83,0 (5)	82,4 (14)	81,4 (41)	80,8 (7)	81,6 (62)	82,5 (27)	80,8 (22)	81,7 (20)	81,7 (20)	83,6 (63)
45.	138,0 (5)	136,2 (11)	138,8 (5)	137,4 (17)	138,2 (48)	134,1 (9)	137,2 (67)	138,7 (29)	138,0 (24)	135,5 (25)	132,9 (23)	133,1 (65)
48.	74,7 (3)	70,0 (11)	72,6 (5)	70,8 (21)	71,7 (50)	70,9 (9)	70,4 (68)	71,9 (30)	71,3 (25)	72,1 (26)	69,7 (21)	71,6 (68)
48:45.	54,3 (3)	51,5 (11)	52,4 (5)	51,2 (17)	51,9 (47)	52,9 (9)	51,3	51,8	51,7	54,0 (23)	52,1 (20)	53,7 (64)
72.	85,0 (2)	85,4 (11)	83,2 (5)	86,1 (14)	85,7 (40)	86,2 (7)	85,0 (60)	86,8 (28)	84,6 (21)	83,3 (21)	85,5 (18)	85,6 (61)

Окончание табл. 5

Номер по Мартину	Таврия	Сарматы										
		Усть-Каменка	Запорожская обл. (молочанская серия)	Саратовская группа			Нижнее Поволжье (сборная)	Уральская группа (сборная)	Савроматы (Нижнее Поволжье и Приуралье)	Скифы Причерноморских степей (сборная)	Поздние скифы	
				Ранний этап	Средний этап	Поздний этап					Золотая Балка	Николаевка-Козацкое
	С. Крutz	Т. Кондукторова, 1956			В. Фирштейн, 1970					Т. Кондукторова, 1972	Т. Кондукторова, 1979	
77.	136,5 (2)	138,2 (11)	143,3 (6)	138,3 (11)	139,4 (43)	139,6 (6)	141,4 (69)	139,2 (30)	139,5 (23)	137,3 (20)	136,7 (20)	137,2 (64)
зн.	130,5 (11)	130,4 (11)	130,6 (5)	130,4 (9)	129,8 (39)	130,9 (6)	131,0 (64)	131,9 (27)	129,5 (20)	128,1 (17)	124,0 (18)	125,5 (64)
54.	26,0 (4)	24,6 (11)	26,9 (5)	24,3 (20)	25,0 (47)	25,2 (9)	24,7 (68)	25,6 (29)	25,7 (21)	25,2 (25)	24,9 (19)	24,8 (68)
52.	32,5 (2)	33,2 (11)	32,4 (6)	32,5 (19)	33,7 (47)	32,2 (10)	33,0 (67)	32,9 (29)	33,5 (21)	33,3 (28)	32,9 (21)	32,9 (68)

Таблица 6. Сравнительная таблица средних серий женских черепов сарматов, скифов и савроматов

Номер по Мартину	Таврия	Сарматы									
		Усть-Каменка*	Запорожская обл. (Молочанская гр.)	Саратовская группа		Нижнее Поволжье (сборная)	Уральская группа (сборная)	Савроматы (Нижнее Поволжье и Приуралье)	Скифы Причерноморских степей (сборная)	Поздние скифы	
				Ранний этап	Средний этап					Золотая Балка*	Николаевка-Козацкое
	С. Крutz	Т. Кондукторова, 1956	В. Фирштейн, 1970						Т. Кондукторова, 1972	Т. Кондукторова, 1972	
1.	181,4 (5)	176,0 (3)	177,1 (7)	175,1 (25)	176,9 (39)	174,9 (52)	174,9 (19)	173,9 (15)	178,7 (20)	176,8 (37)	176,3 (57)
8.	142,3 (6)	137,3 (3)	147,9 (7)	142,8 (22)	140,3 (39)	141,1 (52)	143,9 (17)	138,6 (14)	134,6 (20)	136,2 (38)	136,1 (57)
8:1.	77,8 (5)	78,0 (3)	83,0 (7)	81,5 (21)	79,3 (39)	80,7	82,3	79,8	74,8 (20)	77,0 (39)	77,2 (57)
17.	127,0 (2)	123,0 (2)	126,3 (3)	127,6 (15)	127,2 (26)	126,9 (26)	126,7 (15)	125,6 (10)	127,8 (11)	128,4 (34)	127,8 (56)
9.	96,8 (4)	92,0 (3)	97,2 (9)	95,3 (27)	95,8 (42)	95,3 (54)	95,3 (22)	93,0 (15)	93,7 (22)	93,5 (37)	93,8 (60)
45.	128,7 (3)	123,3 (3)	133,4 (5)	131,1 (21)	129,7 (33)	128,5 (49)	130,1 (19)	125,5 (13)	124,4 (17)	124,3 (35)	124,8 (56)
48.	70,3 (4)	66,0 (3)	67,5 (8)	68,0 (27)	67,6 (36)	69,9 (53)	67,5 (20)	66,6 (15)	66,7 (17)	66,4 (32)	67,7 (57)
48:45.	53,1 (3)	53,5 (3)	50,6 (5)	52,9 (21)	51,8 (32)	51,3	51,9	53,0	53,6 (16)	54,7 (32)	54,3 (54)
72.	84,0 (3)	82,0 (3)	86,3 (9)	85,6 (20)	85,8 (29)	85,1 (43)	87,2 (12)	87,0 (12)	84,2 (15)	84,7 (25)	85,5 (46)
77.	144,5 (4)	137,2 (3)	138,0 (9)	140,2 (17)	140,1 (29)	141,5 (50)	142,2 (17)	142,2 (11)	136,1 (10)	137,4 (30)	138,0 (50)
зн.	128,0 (4)	131,0 (3)	131,9 (7)	131,1 (15)	131,3 (27)	129,8 (51)	134,1 (13)	128,0 (10)	126,4 (9)	124,6 (21)	126,8 (48)
32.	81,0 (2)	86,7 (3)	83,4 (8)	84,2 (20)	84,9 (30)	84,2 (44)	84,3 (12)	84,5 (12)	83,1 (15)	85,2 (29)	85,4 (49)
54.	23,5 (5)	21,8 (3)	24,1 (9)	23,9 (25)	23,9 (35)	24,4 (53)	24,5 (21)	23,3 (15)	24,2 (18)	23,8 (27)	24,2 (53)
52.	34,3 (5)	31,8 (3)	33,2 (9)	32,6 (27)	33,7 (35)	32,5 (54)	33,2 (20)	32,1 (15)	33,1 (17)	32,8 (31)	32,9 (55)

* Средние подсчитаны на основании опубликованных индивидуальных данных.

- Бунак В.В. Соотношение длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелетах // *Вопр. антропологии*. – 1961. – № 7. – С. 41-65.
- Вязьмитина М.И. Сарматское время // *Археология Украинской ССР*. – Киев, 1986. – Т. 2 – С. 184-223.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М., 1948. – 390 с
- Дебец Г.Ф. Черепа из курганов Среднего Дона в скифское время // *МИА*. – 1951. – № 151. – С. 55-65.
- Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины // *Антропологический сборник 1: Тр. Ин-та этнографии АН СССР*. – Т. 33. Н. с. – М., 1956. – С. 166-203.
- Кондукторова Т.С. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // *Матеріали з антропології України*. – 1964. – Вип. 3. – С. 32-71.
- Кондукторова Т.С. Пізні скіфи на Нижньому Дніпрі (за антропологічними матеріалами Золото-балківського могильника) // *Матеріали з антропології України*. – 1971. – Вип. 5. – С. 60-72.
- Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.). – М., 1972. – 155 с.
- Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Козацкое). – М., 1979. – 128 с.
- Круц С.И. О формировании физического типа скифов Северного Причерноморья (по материалам Широчанского могильника) // *Киммерийцы и скифы*. – Кировоград, 1987. – Ч. 1. – С. 86-88.
- Жилыева-Круц С.И. Черепа из скифских погребений Керченской экспедиции 1964-1967 гг. // *Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы)*. – Киев, 1970. – С. 180-189.
- Круц С.И. Скифы по данным антропологии // *Антропологическая характеристика древнего населения Украины (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.)*. – Архив Ин-та археологии АН Украины 1989. – Ф. 12. П. Т., № 173. – С. 27-185.
- Круц С.И. К вопросу об этнической принадлежности населения Керченского п-ова в скифское время (по антропологическим данным) // *Проблеми історії та археології давнього населення УРСР*. – Киев, 1989. – С. 115-117.
- Круц С.И. Антропологічний склад населення Східного Криму скіфо-античного часу (за матеріалами могильників Фронтоне I, II) // *Скіфи та сармати за антропологічними даними*.
- Симоненко А.В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья // *Скифы и сарматы*. – Киев, 1977. – С. 221-230.
- Фишштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фишштейн Б.В. // *Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы*. – М., 1970. – С. 69-146.
- Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie*. – Jena, 1928. – 1062 S.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Данные пробирного анализа изделий из драгоценных металлов погребения Ногайчинского кургана

Номер п / п	Изделие	Материал	Масса, г	Проба	Вставки
1	Гривна	Золото	918	900	Стекло
2	Серьга	"	8,23	900	Агаты, сердолики, изумруды
3	Серьга	"	7,77	900	То же
4	Браслет ручной	"	198	958	Изумруды, циркон, ониксы, стекло, жемчуг
5	Браслет ручной	"	194	958	Ониксы, цитрин, стекло, жемчуг
6	Браслет ножной	"	168,9	750	
7	Браслет ножной	"	159,87	750	
8	Брошь	"	23,03	750	Гранат, стекло
9	Фибула-брошь	Золото, бронза	11,12	750	То же
10	Фибула зооморфная	Золото, хрусталь, железо	29,7	900	
11	Диадема	Золото	35,21	900	Гранат
12	Кулон	"	24,12	750	Агат
13	Пиксида	"	23,80	750	
14	Флакон туалетный	"	16,9	958	Стекло
15	Флакон туалетный	"	3,27	750	Сердолик, паста
16	Флакон туалетный	"	7,94	958	
17	Флакон туалетный	Золото, алебастр	19,84	900	
18	Флакон туалетный	Золото, агат	2,18	700	
19	Перстень	Золото	10,7	900	Стекло
20	Перстень	"	7,84	750	
21	Кольцо	"	7,44	750	
22	Подвески с головой льва	"	5,25 - 6,3	750	
23	Амулет антропоморфный	"	2,97	958	
24	Бляшки лангвидные	"	1,14 - 1,92	750	
25	" ромбовидные	"	0,22 - 0,76	750	
26	" "городки"	"	0,14 - 0,7	750	
27	" листовидные	"	0,22 - 0,36	900	
28	" дисковидные	"	0,29 - 0,39	900	
29	" полусферические	"	0,057 - 0,050	900, 750	
30	" "пуговицы"	"	0,23	750	Стекло
31	Пронизи гофрированные	"	0,037	900	
32	Бляшки "якоревидные"	"	0,86 - 1,05	900	
33	" короткоцилиндрические	"	0,19	750	
34	"Кнопочки"	"	0,038 - 0,040	900	
35	Бляшки треугольные	"	0,23 - 0,28	900	
36	" в виде бараньих рожек	"	1,96 (5 шт.)	900	
37	" прямоугольные	"	0,14	900	
38	Золотое шитье	"		900	

* Проба золотых изделий и их масса установлена старшим пробирером Юго-Западной инспекции пробирного надзора г. Киева В. Г. Зотиной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. ПАМЯТНИКИ II-I вв. до н. э.	7
ГЛАВА II ПАМЯТНИКИ I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II в. н. э.	30
ГЛАВА III. ПАМЯТНИКИ II-IV вв. н. э.	92
ГЛАВА IV. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САРМАТОВ ТАВРИИ.....	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	124
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	128
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	130
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. С.И. КРУЦ. САРМАТЫ ТАВРИИ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ	131
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ДАННЫЕ ПРОБИРНОГО АНАЛИЗА ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ НОГАЙЧИНСКОГО КУРГАНА	142

Наукове видання
АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

СИМОНЕНКО Олександр Володимирович

САРМАТИ ТАВРІЇ

Київ, видавництво "Наукова думка"
Російською мовою

Художник обкладинки *Н.І. Козакова*
Художній редактор *І.П. Савицька*
Технічний редактор *Г.К. Валицька*
Оператор *О.О. Карпенко*
Коректор *Л.М. Вальньова*

Здано до складання 09.04.93. Підп. до друку 15.10. 93. Формат 701108/16. Папір друк. № 2. Гарн. Тіде. Офс друк. Ум. друк, арк. 13,65. Ум. фарбо-відб. 14,00. Обл.-вид. арк. 13,63+вкл. 0,80 = 14,43.

Оригінал-макет підготовлено у видавництві "Наукова думка"
252601 Київ 4, вул. Терещенківська, 3.

Київська книжкова друкарня наукової книги.
252004 -Кк»Л, вул. Терещенківська, 4.